

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»
Юридический институт
Кафедра международного права

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ АФРИКИ

Материалы круглого стола
XIII Международного конгресса
«Блищенковские чтения»

Москва, 11 апреля 2015 г.

AFRICA AND INTERNATIONAL LAW

Proceedings of the Roundtable Discussion
Blischenko Congress

April 11, 2015

Москва
Российский университет дружбы народов
2015

УДК 341(6)(063)
ББК 67.91(6)
М43

*Материалы подготовлены и изданы в рамках Проекта РГНФ
№15-03-14040 «Международный конгресс “Блищенковские чтения”»*

М43 Международно-правовые проблемы Африки : материалы круглого стола XIII Международного конгресса «Блищенковские чтения» = Africa and International Law : Proceedings of the Roundtable Discussion Blischenko Congress. Москва, 11 апреля 2015 г. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. В. Киселева, А. М. Солнцев. – Москва : РУДН, 2015. – 161 с.

ISBN 978-5-209-06862-4

Издание представляет собой сборник докладов и выступлений участников круглого стола «Международно-правовые проблемы Африки», проведенного в рамках XIII Международного конгресса «Блищенковские чтения», состоявшегося в РУДН 11 апреля 2015 г. Материалы научного форума отражают актуальные международно-правовые аспекты, затрагиваемые в исследованиях известных, а также молодых ученых-правоведов, и будут полезны как для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов юридических факультетов вузов, практических работников, так и всех интересующихся актуальными проблемами современного международного права и международных отношений.

В рамках XIII Международного конгресса «Блищенковские чтения» изданы материалы в двух частях и материалы круглых столов «Гендер и традиционные ценности в современном международном праве», «Концепция семьи в свете традиционных ценностей и международного права», «Международно-правовые проблемы Африки», «Современные проблемы международного космического, воздушного и морского права».

УДК 341(6)(063)
ББК 67.91(6)

ISBN 978-5-209-06862-4

© Коллектив авторов.
Отв. ред. А.Х. Абашидзе,
Е.В. Киселева, А.М. Солнцев, 2015
© Российский университет дружбы народов,
Издательство, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из свидетельств, подтверждающих многопрофильность научного потенциала кафедры международного права РУДН, является плодотворное функционирование на базе кафедры Центра международно-правовых исследований Африки (African Studies). Этим объясняется, в частности, доверие и готовность со стороны различных научных фондов выделять Центру гранты на исследование региональных и субрегиональных международно-правовых проблем Африки.

Исследование проблем африканского региона осуществляется нами в контексте существования угроз, вызовов и проблем системного характера, присущих международным отношениям в сфере политики, экономики, финансов, торговли и т.п. на глобальном уровне.

До недавнего времени нами исследовались, в основном, те проблемы, с которыми чаще всего сталкиваются африканские государства, – это нищета, голод, нарушения прав человека, борьба с эпидемиями, проблемы, связанные с внутренними вооруженными конфликтами, беженцами и внутренне перемещенными лицами, растущими долгами государств, экологической деградацией. Не оставались без внимания и относительно «новые» процессы, связанные с развитием африканских региональных и субрегиональных объединений, совершенствованием региональной правозащитной системы, укреплении региональных механизмов поддержания мира и безопасности, в связи с чем стоит отдельно отметить совместную миротворческую миссию ООН и Африканского союза в Дарфуре (Судан).

За происходящими в Африке процессами и событиями необходимо внимательно следить. Например, мало кто знает о строительстве Королевством Марокко стены на территории Западной Сахары, вдоль которой расположены минные поля, заграждения из колючей проволоки, артиллерийские посты и иные военные объекты. Мало кто знает о ситуации, в кото-

рой оказалось население неоккупированной территории Западной Сахары в результате возведения этой стены, а также о иных негативных последствиях правозащитного характера. При этом мало кто обращает внимание на то, что Западная Сахара, независимость которой признана лишь частично, является членом Африканского союза, а Марокко уже не является членом этой региональной организации. В какой степени это оказывает влияние на способность Африканского союза участвовать в разрешении проблемы статуса Западной Сахары?

Другой пример. Судан, в котором чрезвычайно остро стоит проблема внутренне перемещенных лиц, до сих пор не присоединился к региональной конвенции по данному вопросу – Конвенции Африканского союза о защите внутренне перемещенных лиц в Африке и оказании им помощи 2009 г., при этом руководствуется документом субрегионального уровня – Протоколом о защите и помощи лицам, перемещенным внутри страны, к Пакту о безопасности, стабильности и развитии в районе Великих озер 2006 г. Исследование причин такого подхода имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, поскольку эта проблема актуальна и для других регионов.

За последние месяцы в результате односторонних действий США и их союзников по НАТО, нацеленных на изменение политического устройства путем прямого вмешательства во внутренние дела государств Северной Африки и приведших к уничтожению государственных институтов, на передний план вышла проблема массовой эмиграции людей из этого региона в Европу. Указанная проблема усугубляется последствиями такой же политики США и их союзников по НАТО в государствах Ближнего Востока, из которых наибольшую опасность представляет так называемое «Исламское государство».

Указанные процессы не только создают невыносимые условия жизни в затронутых войнами государствах, но и не-

гativamente сказываются на благосостоянии европейских государств. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев на 1 октября 2015 г. только с территории Ливии и Египта через Средиземное море в Грецию прибыло более 396 тысяч человек, ищущих убежище, в Италию – более 130 тысяч. События, происходящие в настоящее время в Северной Африке и на Ближнем Востоке, уже не являются проблемой только этих регионов; их последствия могут иметь глобальный по масштабам характер.

Следует обратить внимание на парадоксальную ситуацию, складывающуюся сегодня в Греции: это государство более других государств-членов Европейского союза ощущает на себе последствия событий, имеющих место в Северной Африке, ведь четыре из пяти беженцев, стремящихся в Европу, пребывают в Греции; при этом институты Европейского союза продолжают оказывать давление на греческое правительство в целях принятия все более жестких мер бюджетной экономии, что существенно ухудшает социально-экономические условия жизни греческого населения. Выдвигая такие требования, международные финансовые институты, прежде всего, ЕЦБ и МВФ, игнорируют правозащитную сферу, ведь им не нужно отвечать, например, за то, что уровень безработицы в Греции достиг 26 %.

Государства-члены Европейского союза, не сумев договориться о распределении прибывших беженцев по квотам на всей территории ЕС, на совещании министров внутренних дел, прошедшем 8 сентября 2015 г., приняли решение о строительстве оградительных стен на пути следования беженцев, а также о депортации большинства из них, причем основания, по которым будет осуществляться депортация, обозначены не были. Все это противоречит международным стандартам по защите беженцев и лиц, ищущих убежище.

В контексте сказанного следует отметить, что исследования, проводимые в рамках Центра международно-правовых исследований Африки, не ограничиваются преде-

лами африканского континента, поскольку в условиях глобализации растет взаимосвязанность и взаимозависимость не только основных субъектов международных отношений, но и стоящих перед международным сообществом проблем, преодоление которых возможно лишь на коллективной основе с помощью международного права. В необходимости поиска путей преодоления этих проблем видится и дальнейшее возрастание значимости Центра международно-правовых исследований Африки кафедры международного права РУДН.

Материалы настоящего сборника призваны расширить знания о тенденциях, событиях и процессах, происходящих на африканском континенте, и их трансграничных последствиях.

*А.Х. Абашидзе,
Заведующий кафедрой
международного права РУДН,
профессор МГИМО (У) МИД России,
Вице-председатель Комитета ООН
по экономическим, социальным
и культурным правам,
Председатель Комиссии международного права
Российской Ассоциации содействия ООН,
Член экспертного совета
Высшей аттестационной комиссии
при Минобрнауки России по праву,
доктор юридических наук, профессор*

MIGRATION WITHIN THE COMPETENCE OF ECOWAS

Ayotunde Anatoly Adewon

*Master Student of the Department of International Law,
Peoples' Friendship University of Russia*

The fundamental principles of migration in ECOWAS are similar to that of report of the global commission on international migration 2005, with specific modifications to the region. ECOWAS had put into considerations dialogues, resolution, conventions and declarations. These documents and treaties are all dedicated to migration developmental aspects and portray the need to respect and promote fundamental human rights. The outcome of these efforts to improve migration problem have been discussed on high levels and are the development of international migration as a whole. These actions and outcomes of the dialogues are as followings:

- The 1951 Geneva Convention and its additional protocol of 1967 on the status of refugees
- United Nations General Assembly Resolution No.60/277 on International Migration and Development of 7 April 2006;
- The International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and members of their families which entered into force in July 2003;
- The International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and members of their families which entered into force in July 2003;
- The political dialogue between the European Union (EU) and African, Caribbean and Pacific countries (ACP) as set out in Articles 8 and 13 of the Cotonou Agreement of June 2000;
- The Rabat Action Plan and Declaration of July 2006;
- The ECOWAS General convention on Social Security;

- The high level dialogue on migration and development initiated in New York in September 2006;
- The Tripoli Declaration of November 2006;
- The 1969 OAU Convention on the status of refugees in Africa¹.

Economic Community of West African States has based its migration development on the global report. The principles are stated as follows:

1) Free movement of persons within the ECOWAS zone is one of the fundamental priorities for the integration policy of ECOWAS Member States;

2) Legal migration towards other regions of the world contributes to ECOWAS Member States development;

3) Combating human trafficking and humanitarian assistance are moral imperatives of ECOWAS Member States;

4) Harmonizing policies;

5) Protection of the rights of migrants, asylum seekers and refugees;

6) Recognizing the gender dimension of migration policies: referring to women and children migrants, who are especially vulnerable.

ECOWAS member States carry to execute their actions within the framework of the revised ECOWAS Treaty of 1993 specifically to the **Article 59**²: «Citizens of the community shall have the right of entry, residence and establishment and Member States undertake to recognize these rights of Community citizens

¹ Ecowas common approach on migration at the 33rd Ordinary Session of the Head of State and Government Ouagadougou, 18 January 2008 p. 3 accessed online 21 of March. URL: <http://www.unhcr.org/49e47c8f11.pdf>

² The original treaty was revised and updated in 1993. The Revised 1993 Treaty of ECOWAS (signed 24 July 1993 in Cotonou, Benin) reconfirmed at article 59 the right of community citizens to enter, reside and establish in member states and enjoined member states to adopt all appropriate measures to implement and ensure such right.

in their territories in accordance with the provisions of the Protocols relating thereto».

An importance principle of promoting and the forefront idea for migration is the free movement within the territory for members of ECOWAS and the specific action taken by the region to implement these steps are states in the ECOWAS common approach on migration at the 33rd ordinary Session of the Head of States and Governments in Ouagadougou, 18 January 2008. The Session adheres to the Protocol on Free Movement of Persons, the Right of Residence and Establishment:

- Ensuring the issuance and security of ECOWAS travel documents; Organizing technical and administrative training programmes as well as awareness building and educational campaigns on the rights and obligations of the community's citizens among officials in charge of migration and populations;

- Harmonizing and unifying labor laws related to professional occupations, in accordance with the Protocol's clauses on the right of establishment for professional purposes;

- Removing all forms of harassment along the road, during movements of persons.

The new e-passport has been used since 2008 and it was created to facilitate the intra-regional travel of member states' citizens for periods of a maximum 90 days. The passport can be used within the sub-region and is also recognized for international travel. This implementation was extremely effective and has really improved movements with the region.

The second action is the collective effort by setting up regional fund to finance cross-border cooperation operational tasked with:

- Facilitating free movement through concrete actions by setting up of joint border posts, border markets, collective health centres, shared schools, etc.

- Develop neighbourhood relation beyond joint usual border sharing nations, but an extensive cooperation in all areas of common interest that are enshrined in the ECOWAS treaty³;

- Support border populations: and concentrations towards the poorest, most marginalized and challenged populations. Migration in most cases are people in search for better life and security, this has lead to club discussions to develop tools to promote further regional integration to combat the situation⁴.

Other actions taken are setting up of information and monitoring system on migration. Monitoring should mean: Migratory flows inside and outside the ECOWAS region. Determining Factors triggering migration to other regions and intra-regional mobility and their effectiveness in other words identify the pros and cons of migration to improve the issue with existing legal framework and developing new strategies to tackle them. The evolution of socio-economic indicators within the different ECOWAS zones is to enable the formulation of specific investment policies and improve working conditions alongside. The establishment of migrant profiles to keep records and improve a unified system of database should be access-able to all member states. These are policies harmonization steps that will broaden the capacities of mechanisms for monitoring and combating irregular migration. The need for a collective approach is reaffirmed by the organization and cooperation between ECOWAS states in this respect is highly encouraged⁵.

Irregular migration is commonly done by sea and lives are lost on successful trip, the conditions are unbearable and people

³ Revised ECOWAS treaty: article 85 accessed on line. URL: <http://studiowp.ecowas.int/wp-content/uploads/2015/01/Revised-treaty.pdf>

⁴ “Cross-Border” Concept or Local Integration Meeting of Foreign Affairs Ministers Accra, 18 January 2005 p. 3 accessed online. URL: <http://www.oecd.org/swac/publications/38444782.pdf>

⁵ Ecowas coomon approach on migration at the 33rd 3ordinary Session of the Head of State and Government Ouagadougou, 18 January 2008 p. 3 accessed online 21 of March. URL: <http://www.unhcr.org/49e47c8f11.pdf>

are being scammed and sometimes left stranded without documentation of what so ever. Cooperation in this direction will include the protection and conservation of fisheries resources in West African territorial waters. Ensure media coverage of this initiative establishing the complementarities between combating clandestine migration and combating irregular fishing.

The fight against irregular migration is a problem in West Africa and ECOWAS is dedicated to the **Fight against irregular migrations and human trafficking by affirming principles** of the return of **clandestine** migrants respecting their dignity and fundamental human rights as mentioned in the UNHCR reports analyzing the regions challenges⁶. The exclusion of irregular migrant are in most country without due process and consideration⁷. In this aspect a number of actions have been carried out urging member states to comply with international commitments made by Member States regarding migration, development of technical and financial and humanitarian cooperation with ECOWAS Member States in the area of managing emergency situations with regards to irregular migration. Set up of an effective border control team, professionally trained not only on emergency situation but fundamental human right knowledge, tasked with protection of vulnerable groups and decriminalization tactics to be used against human traffickers and so called Mafia set up who exploit migrants. Furthermore it should help the strengthening of mechanism put in place to dissolve organized criminal groups plot-

⁶ According to the Human Development Report 2009, an approximate number of internal migrants is 740 mln people, almost four times as many as those who have moved internationally. Among those who moved across national borders, over a third moved from a developing to a developed country. Most of the world's 200 mln international migrants moved from one developing country to another or between developed countries (Human Development Report 2009, UNDP, p. 1).

⁷ Promoting integration through mobility:Free movement under ECOWAS Paper prepared by: Aderanti Adepoju, Alistair Boulton and Mariah Levin accessed online at 20th of March 2015 at <http://www.unhcr.org/49e479c811.pdf>

ting schemes to turn migrants to victims of human trafficking. These steps should include Identifying and strengthening cooperation mechanisms and, if and when necessary, joint action between countries of origin, transit and destination, including maritime, land and air cooperation for dismantling criminal organizations in order to check trafficking across national borders as this has been a concern for the ECOWAS member states and a part of the major plan towards combating Irregular and human trafficking in the region⁸. However most documents in respect to common border for the community is directed towards institutional reforms and assistance of immigration officers and little is incorporated for the protection of human rights in the document, e.g the SUPPLEMENTARY ACT /SA.1/07/13 RELATING TO THE ESTABLISHMENT AND IMPLEMENTATION OF THE JOINT BORDER POSTS CONCEPT WITHIN MEMBER STATES OF THE ECONOMIC COMMUNITY OF WEST AFRICAN STATES which states no protection for migrants as regards to their rights⁹.

There have been further effort to control and monitor the measures concerning Diasporas by means of consultative measure between ECOWAS Member States and further mandating the Commission responsible for such action to carry out strategic thinking on the development of expertise and financial resources of West African Diasporas with a intention to contributing to the development of their countries of origin and effectively combating brain drain as we have in Europe and other regions. This consultation should take into account best practices and suggest joint

⁸ United Nations: office on drugs and crime: Assistance for the Implementation of the ECOWAS Plan of Action against Trafficking in Persons p.2 accessed online. URL: http://www.unodc.org/documents/human-trafficking/ecowas_training_manual_2006.pdf

⁹ Ecowas: Supplementary Act /Sa.1/07/13 Relating to the Establishment and Implementation of the Joint Border Posts Concept Within Member States of the Economic Community of West African States accessed online. URL: <http://www.ecowas.int/wp-content/uploads/2015/01/1-Joint-Boarder-Post.pdf>

measures notably with regard to the facilitation of financial transfers and investments in the region as well as supporting the Diaspora's involvement in development projects. Member States are committed to strengthening solidarity between the Diaspora and countries of origin by integrating them to the society where they have decided to settle knowing extremely well the root causes of migration from the "horses mouth" so to speak.

Actions taken to protect the rights of migrants, asylum seekers and refugees revolves around combating exclusion and xenophobia as regards to migrants and make the mechanism put in place to monitor the implementation of UN convention on migrants rights at national and regional level for states that have ratified the convention obviously and encourage other state that have not ratified to integrate these norms into national legislation by stressing the importance to regional development and collective efforts to improve human right standards. The regional organization also encourages Asylum seekers should also grant right to residence as enshrined in other international treaties listed previously in this paper¹⁰.

ECOWAS has also made various programmes to ensure gender balance to remove and minimize all illegal trade barriers which stifle the entrepreneurship's potential of women when they migrate. Aspects are stressed as concerned with women in agricultural and food processing sector as a key sector of the community with intention of combating poverty in 2010¹¹. Women make up of estimated 50 % of the 17 million immigrant in Africa, this also is taken into account and institutional entrepreneur pro-

¹⁰ Economic Community of West African States (ECOWAS): Protocol A/P1/5/79 on Free Movement of Persons, Residence, and Establishment accessed on line 20th of March 2015. URL: <http://www.cfr.org/world/economic-community-west-african-states-ecowas-protocol-free-movement-persons-residence-establishment/p28124>

¹¹ ECOWAS: Gender balance at the 54th session of the commission on the status of women 2010 accessed on-line. URL: http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing15/general_discussion/ECOWAS.pdf

grammes that has been set and is further developed to guarantee decent jobs for this group of migrants as-well. Women are extremely vulnerable in such situations and are prone to exploitation and abuse, and continuing inequality with men when migration within the region¹².

The ECOWAS Community Court as a major organ that ensures protection and guarantees for human rights violations has identified key challenges to promote effective implementation of the courts decisions based on experts recommendations to 15 member states. The experts said in recommendations at the end of an international conference in Bissau to initiate an appellate chamber for the decision of the court. This suggestion has been approved by the council of ministers. It should open a system of court decision implementation in annual report to the council of ministers. This should be an annual report cycle that should improve the efficiency of the ECOWAS court in implementing human rights mandate¹³.

A copasetic situation relating to migration would be difficult to achieve for the region, but the efforts made are in the right directions to ensure human right standards. The struggle for human right based approach to migrants continues. Migration laws and policies are constantly modified and reformed to attain protection while preserving human dignity.

¹² The Female Face of Migration p.15 accessed onlin 21st of March 2015. URL: <http://www.caritas.org/includes/pdf/backgroundmigration.pdf>

¹³ ECOWAS: press release 23rd March 2015 accessed on line. URL: http://www.courtecowas.org/site2012/index.php?option=com_content&view=article&id=246:legal-and-human-rights-experts-propose-measures-for-improving-the-efficiency-of-the-ecowas-court-in-implementing-human-rights-mandate&catid=14:pressrelease&Itemid=36

THE REFORM OF THE AFRICAN COURT ON HUMAN AND PEOPLES' RIGHTS

Adu Yao Nicaise

*Ph. D Associated Professor
Department of International Law Institute of Law
Peoples Friendship University of Russia (Moscow)*

The African court on human and peoples' rights is the main judiciary body of the African Union in the ground of human rights protection in Africa. It is also one of the regional systems for human rights protection that exists with regard to the European and the inter-American court on human rights.

Comparing to the existed regional human rights protection systems, the African Court on human and peoples' rights reflects the particularity of the African continent and its peoples in terms of human rights concerned. It is also the more recent regional system for human rights protection comparing the European and Inter-American courts of human rights protection.

At the beginning, the African Court on human and peoples' rights was not projected by the African Charter on human and peoples' rights (ACHPR) that established another body that consist of the African Commission on human and peoples' rights. The limit of the Commission in terms of the force of law of decisions, the implementation of the decisions, and the action of the civil societies and the international community has obliged the African authorities to reconsider their position on the function that body.

One of the main reason for the creation of the African Court on human and peoples' rights consists of the pressure from the International community within the framework of the UN, European council and European Union and particularly from non-governmental human rights organizations such Amnesty International, Human rights watch, etc. That occurs because of the hu-

manitarian crisis that the African peoples are victims due to the lack of democracy, rules of law and constantly human rights violations.

The African Court on human rights was established by the Optional Protocol adopted in 1998 and entered into in 2004, after six years. It is the Protocol to the African Charter on Human and Peoples' Rights on the Establishment of an African Court on Human and Peoples' Rights¹.

In terms of the legality on the establishment of the AFCHPR in accordance with the Charter on human and peoples' rights and with the Statute of the AU, the creation of the Court is in conformity with the existed legal instruments. For instance the article 66 of the African Charter on human and peoples' rights states that Special protocols or agreements may, if necessary, supplement the provisions of the Charter².

The Protocol 1 (P1) entered into force in 2004 after fifteen ratifications by the States members of the AU as it was stipulated by the article 34 (3)³. In 23rd of December of 2003 the Comoros Island became the fifteenth States that has ratified the P1⁴. At 2d of the June 2010 the AFCHPR has adopted its own Rule of procedure⁵ after the judges have been appointed by the Assembly of the heads of the States and Governments.

So after a decade of tribulations the AFCHPR really has started its work and Protection of human rights has become a reality.

¹ URL: <http://www.au.int/en/treaties>

² URL: http://www.au.int/en/sites/default/files/banjul_charter.pdf

³ URL: http://www.au.int/en/sites/default/files/PROTOCOL_AFRICAN_CHARTER_HUMAN_PEOPLES_RIGHTS_ESTABLISHMENT_AFRICAN_COURT_HUMAN_PEOPLES_RIGHTS_1.pdf

⁴ URL: http://www.au.int/en/sites/default/files/achpr_1.pdf

⁵ URL: http://www.african-court.org/en/images/documents/Court/Interim%20Rules%20of%20Court/Final_Rules_of_Court_for_Publication_after_Harmonization_-_Final_English_7_sept_1_.pdf

After a few time of work of the Court the Assembly of the heads of the States and governments during its Summit at Sharm-El-Cheikh in Egypt has decided to modify the Statute of the AFCHPR. So another Protocol (P2) was adopted: Protocol on the Statute of the African Court of Justice and Human Rights⁶.

The P2 did not only change the name, the composition and the structure of the AFCHPR, but also its merger to the Court of Justice of the African Union and the Court on human and peoples' rights. Then the AFCHPR should become African court of justice and human rights (ACJHR). Here we can remark the absence of the term "Peoples". At one hand that could not affect the name of the Court, but for other side the link between the ACHPR as the fundamental document may have a significant meaning.

For remarks the African Court of justice was established by the Protocol of 2003 to the Statute of the African Union⁷ as judicial body of the Organization with contentious and advisory competences.

According to the procedure of ratification of the P2, it should be entered into force after fifteen ratifications by the states members of the AU. Unfortunately many years passed after the adoption of the P2, only five countries have fulfilled the procedure for the ratification in accordance with the procedure of the ratification. For this reason the ACJHR and the provision of the P2 could never become available for application.

Six years passed after the adoption of the P2, which has never become into force, in 2014 during the summit of the AU the Assembly has adopted a third Protocol⁸ (P3) that completely

⁶ URL: http://www.au.int/en/sites/default/files/PROTOCOL_STATUTE_AFRICAN_COURT_JUSTICE_AND_HUMAN_RIGHTS.pdf

⁷ URL: http://www.au.int/en/sites/default/files/PROTOCOL_COURT_OF_JUSTICE_OF_THE_AFRICAN_UNION.pdf

⁸ URL: http://www.au.int/en/sites/default/files/PROTOCOL%20ON%20AMENDMENTS%20TO%20THE%20PROTOCOL%20ON%20THE%20AFRICAN%20COURT%20-%20EN_0.pdf

modified the nature, the structures, the competences and the functions of the AFCHPR.

There are many explications to such attitude of the leaders of the AU for these permanent reforms. But some of them are more primordial and pertinent. First of all there is an economic need, secondly the political affirmation of the AU and finally the challenges and fear of leaders.

1. The economic need (reason) is related to the reform made by the P2 for the merger of the AFCHPR and the Court of justice of the AU. The objective of the Assembly was clear here as there was no need to remain to bodies in terms of financial re-structuration of the budget of the Union.

2. The second reason is purely political. After the entering into force of the Rome Statute in 2002 the leaders of the AU have always denied the way and the method of its work⁹. For refreshing, many African leaders were under the order for arrest of the International Criminal Court. Some of them have been jailed. For these reasons they are always claiming for the justice for the continent in terms of the International law. During many summits the question for retiring from the ICC has been discussed. Even many African leaders use to qualify the ICC as a “racial Institution” that ruling against blacks peoples. Here are the main reasons for revising the P2 and the adoption of the P3.

3. The third reason is the challenges that the African Union is faced now. First of all the Organization must prove to the International Community and gain the trust from the African peoples, that it able to deal with the humanitarian catastrophes, that occur in Africa by implementing the provisions of the Rome Statute in Africa by the African states themselves.

⁹ Assembly Decision Assembly/AU/Dec.213 (XII) adopted by the Twelfth Ordinary Session of the Assembly in Addis Ababa, Federal Democratic Republic of Ethiopia, on 3 February 2009 on the implementation of the Assembly's Decision on the Abuse of the Principle of Universal Jurisdiction.

And secondly the AU should prove that there is a place for democracy, rule of law and human rights in Africa for the African peoples by the Africans.

All these needs are enshrine in the P3.

But this pretention very ambiguous of the AU makes the perspective and the future of the AFCHPR very uncertain and “aborted” the establishment of the ACJHR. Or at least the possibility for entering into force the P3 is not for this decade. For reasons many African leaders are not only ready to let the power in their respective countries in order not to be prosecuted by their own national jurisdictions, or another African or international courts. Only for this reason they are not ready to ratify the P3 as it open the way for criminal procedure within the AU.

The sad situation and more critical part of the P3 consists on the immunities granting to the Head of States and Governments and national officials when accused for human rights violations. The provisions of the *article 46A bis*¹⁰ provide that “no charges shall be commenced or continued before the Court against any serving AU Head of State or Government, or anybody acting or entitled to act in such capacity, or other senior state officials based on their functions, during their tenure of office”. The sad question is who can be responsible for human rights violations in Africa if officials have been entitled to the immunity?

¹⁰ URL: http://www.au.int/en/sites/default/files/PROTOCOL%20ON%20AMENDMENTS%20TO%20THE%20PROTOCOL%20ON%20THE%20AFRICAN%20COURT%20-%20EN_0.pdf

LEGAL ENVIRONMENTAL PROTECTION IN THE SADC REGION

Diomande Dro Hyacinthe

*Ph. D in International Law, Cote d'Ivoire
hyacinthedro@yahoo.fr*

The Southern African Development Community (SADC) is an inter-governmental organization headquartered in Gaborone, Botswana. Its goals are to foster socio-economic cooperation and integration as well as political and security cooperation among 15 southern African states. It complements the role of the African Union. The origins of SADC is back to the period of 1960s to 1970s, when the leaders of majority-ruled countries and national liberation movements coordinated their political, diplomatic and military struggles to bring end to colonial and white-minority rule in southern Africa¹. The immediate forerunner of the political and security cooperation leg of today's SADC was the informal Frontline States (FLS) grouping. It was formed in 1980. The Southern African Development Coordination Conference (SADCC) was the forerunner of the socio-economic cooperation leg of today's SADC. The adoption by nine majority-ruled southern African countries of the Lusaka declaration on 1 April 1980 paved the way for the formal establishment of SADCC in April 1980.

SADCC was transformed into SADC on 17 August 1992, with the adoption of the Windhoek declaration and treaty establishing SADC. In 1992 SADC provided for both socio-economic cooperation and political and security cooperation. In reality, the FLS was dissolved only in 1994, after South Africa's first democratic elections. Subsequent efforts to place political and security

¹ Andresen H., Brandt H., Gsanger H. Promoting regional integration in SADC 2001. German Development Institute (GDI) reports and Working Papers No. 5/2001 at 3.

cooperation on a firm institutional footing under SADC's umbrella failed. SADC's aims are set out in different sources. The sources include the treaty establishing the organization (SADC treaty); various protocols (such as the environmental protocol, the health protocol and the education protocol); development and cooperation plans such as the Regional Indicative Strategic Development Plan (RISDP) and the Strategic Indicative Plan of the Organ (SIPO); and declarations such as those on HIV and AIDS and food security.

SADC countries face many social, development, economic, trade, education, health, diplomatic, security and political challenges. Some of these challenges cannot be tackled effectively by individual members. Environmental problems and diseases do not know boundaries. Pollution of air or water can affect neighbor countries, and their economies. The sustainable development that trade could bring is threatened by the absence of different product standards and tariff regimes, weak customs infrastructure and bad roads. The socio-economic and political and security cooperation aims of SADC are equally wide-ranging, and intended to address the various common challenges².

On 14 August 2001, the 1992 SADC treaty was amended. The amendment heralded the overhaul of the structures, policies and procedures of SADC, a process, which is ongoing³. One of the changes is that political and security co operation is institutionalized in the Organ on Politics, Defense and Security (OPDS). One of the principal SADC bodies, it is subject to the oversight of the organization's supreme body, the Summit, which comprises the heads of state or government. In others, the member states aim for more far-reaching forms of cooperation. For example, on

² Valy, Bayano. The first Under-20 Zone Six SADC Games. SADC Today, Vol. 7. No .2 June 2004.

³ Tjonneland E.N. 2006. SADC and Donors – Ideals and Practices. From Gaborone to Paris and back. Formative Process Research on Integration in Southern Africa (FOPRISA). Botswana Institute for Development Policy Analysis.

foreign policy the main aim is coordination and cooperation, but in terms of trade and economic policy, a tighter coordination is in progress with a view to establish a common market with common regulatory institutions.

SADC has recently received the top position in a global comparison of indicators of Water Cooperation prepared by international think-tank Strategic Foresight Group. SADC has scored 100 in the Water Cooperation Quotient, which examines active cooperation by riparian countries in the management of water resources using 10 parameters, including legal, political, technical, environmental, economic and institutional aspects.⁴ High performance in the Water Cooperation Quotient also means low risk⁵ of war between countries in the concerned river basin and to reduce economic dependence of SADC countries on South Africa⁶.

The first aspect to consider is whether the right to health and wellbeing of citizens and the protection of the environment is included in the Constitution of each country. These instruments provide direction for all subsequent policies and laws. Most of the Constitutions of the countries considered give an inalienable right to health, wellbeing and environmental protection, but these rights are conspicuously absent from the Constitutions of Botswana, Zambia and Zimbabwe. Even though these rights are afforded through a variety of policy instruments and visions in these three countries, this does not rectify the constitutional position, as a vision or policy becomes not a legal document.

The constitutional rights to a healthy and clean environment have been articulated, and also have been given effect

⁴ SADC Technical Report : Review of the Southern African Development Community (SADC) Energy Sector Activity Plan, (2009) acceded on 10 October 2011.

⁵ Isaksen, J. and Tjonneland, E.N. 2001. Assessing the Restructuring of SADC – Positions, Policies and Progress. CMI Report.

⁶ Isaksen, J. 2002. Restructuring SADC – Progress and Problems. CMI Report. Isaksen,

through a variety of national environmental action plans, visions and strategy documents compiled for each country. Now it has now been passed into law in all 14 SADC states.

Most of these definitions provide a holistic interpretation of the term ‘environment’ to include the natural, social and cultural environments. However, some of definitions (in Lesotho, South Africa and Zambia) consider the environment to be the physical surroundings of the human being and the influence that these physical components have on humans, rather than seeing human beings as an integral part of the environment.

In some cases (Lesotho and South Africa), this limited interpretation of the term ‘environment’ is clarified as ‘the surroundings within which humans exist and that are made up of: the land, water and atmosphere of earth; micro-organisms, plant and animal life; any part or combination of the aforementioned and the inter-relationships among and between them; and the physical, chemical, aesthetic and cultural properties and conditions of the foregoing that influence human health and wellbeing⁷.

Every country in the SADC region has a dedicated environmental Act in force, with the exception of Botswana, whose Act has been published but not yet passed in Parliament. However, some pieces of legislation are now more than ten years old. Two countries in SADC, Malawi and Mauritius, do not have any specific EIA regulations, while regulations in Botswana, Lesotho and Namibia are currently are drafting. In the absence of specific EIA regulations, Malawi and Mauritius have detailed guidelines for the EIA process in general and/or for key economic sectors. The Malawian Guidelines have been gazetted and, therefore, enjoy legal standing. Every SADC country has a government ministry responsible for the environment, except Tanzania, where the NEMC falls under the Vice-President’s Office. While Angola, Mauritius, and Mozambique have dedicated ministries of environment, the other SADC countries have linked environment at

⁷ For SADC vision, see <http://www.sadc.int/>, accessed in 12 october 2011.

ministerial level variously with tourism, natural resources, wildlife, culture, water and forests. This can have advantages and disadvantages: linking environment to related sectors can result in closer cooperation between sectors; however, it can also result in a ministry having a conflicting mandate, for example where tourism or mining is promoted in a sensitive environmental area.

In sphere public participation some jurisdictions, such as South Africa and Lesotho, make the compilation of an EMP a condition of the EIA license, permit or authorization⁸. While this is laudable, it is far from ideal because the public does not have an opportunity to provide input to or make comments on the EMP – and the EMP is often the key document that is supposed to address all their concerns. Compounding the situation is the general lack of post-EIA follow-up and compliance monitoring and auditing by the authorities. Even though most SADC countries make provision for inspections, audits and monitoring by the authorities, in practice very little is done. This is due in large part to a lack of human, financial and technical resources (e.g. vehicles), further complicated by the long distances involved, poor infrastructure and the remote nature of many projects. The lack of rigorous requirements and accountability for the preparation and implementation of EMPs is probably the area of EIA practice that is of greatest concern in the SADC region. Even assuming that quality EIAs are being produced and the authorities are making the best decisions, the lack of effective EMP implementation seriously reduces the value of the EIA process.

There are two important SADC environmental protocols: the Protocol on Shared Watercourse Systems; and the Protocol on Wildlife Conservation and Law Enforcement. The Protocol on Shared Watercourse Systems regards and incorporates the following⁹:

⁸ For SADC vision, see <http://www.sadc.int/>, accessed in 12 october 2011.

⁹ Southern African Development Community Southern African Vision for Water, Life and Environment in the 21st century [undated].

- The Helsinki Rules on uses of the waters of international rivers and the work of the International Law Commission on the non-navigational uses of international watercourses;
- The relevant provisions of Agenda 21 of the United Nations Conference on Environment and Development, and the concepts of environmentally sound management, sustainable development and the equitable utilization of shared watercourse systems in the SADC region;
- The existing and emerging socio-economic development programs in the SADC region and their impact on the environment;
- Judicious and coordinated utilization of the resources of the shared watercourse systems in the SADC region;
- The need for coordinated and environmentally sound development of the resources of shared watercourse systems in the SADC region in order to support sustainable socio-economic development and the common utilization and management of the resources of these watercourse systems; and
- Other agreements in the SADC region on the common utilization of certain watercourses.

All the African mainland countries have signed this Protocol, with the exception of the DRC.

The Protocol on Wildlife Conservation and Law Enforcement is an interstate regulation affirming that member states have the sovereign right to manage their wildlife resources and the corresponding responsibility for sustainable use and conservation of these resources. The aim is to establish a common framework for the conservation and sustainable use of wildlife resources in the SADC region and to assist with the effective enforcement of laws governing those resources. All the original 14 SADC states have signed this Protocol.¹⁰

¹⁰ U Beyerlin the concept of sustainable development in R Wolfrum Enforcing Environmental Standards :Economic Mechanisms as viable Means ?(1996) 95. 95–121.

In conclusion, The SADC Treaty, the Protocol on Shared Watercourse Systems and The Protocol on Wildlife Conservation and Law Enforcement provide a solid legal and institutional platform for its Member States to protect their environment and integrate their economies. With the kind of legal mandate given by the SADC Treaty to the various institutions discussed in this paper, it can be concluded that the SADC Treaty the Protocol on Shared Watercourse Systems and The Protocol on Wildlife Conservation and Law Enforcement are very ambitious on paper, but the institutions have a poor record with regard to implementation. So we hope that in next states members of SADC would find the way to effectively put in practice the clause of this document to protect environment right of people in this region.

ISSUES OF ETHNICITY AND PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN NIGERIA

Ekpobodo Ovwigho Raymond

*Peoples' Friendship University of Russia
Department of International Law
Raygho2000@yahoo.com*

The article critically examines issue of ethnicity and protection of human rights in Nigeria. Like most African states Nigeria is composed of thirty six numerous states and three hundred and fifty (350) ethnic groups with over five hundred languages with different religious believes. Though, the most important legal instrument is the Constitution of the Federal Republic of Nigeria that has been adopted in 1999. The Constitution is sought to promote national cohesion and to promote the equality of peoples and ensure respect for distinct cultures, languages and religions. In light of the failed experience of many Nigerian states with federalism, that had made many Nigerians to have more interest in building their own culture and tradition with new attitude that represents a total break from ethnicity sentiments. Hence, this article is concentrated to examine the nature of human rights protection in Nigeria and its attraction with the issue of ethnicity and also to suggest mechanisms to reduce people attitude toward ethnicity and encourage them on a spirit of one lovely brotherhood.

Historically, the issue of ethnicity had been a contemporary complex situation among indigenous people in Nigeria. But not recent when politics became a music ground where many Nigerian clamor for multiparty democracy and decided to dance out the same issue of ethnicity and use it to pursue their individual political aims. In fact, electoral campaigns and rallies had brought in a sharp focus on issues of ethnic fissures in Nigeria society has become more populous than ever been. Notwithstanding, the upcoming presidential election fixed on April 28th of 2015 has raise

in “hate speech” and threat to election related violence. This has placed massive migration on ethnic groups within and outside of Nigeria. In support to this, the National Human Rights Commission has recorded series of violence incidents with fatalities and weapons movements¹ across ethnic groups lead up to incoming elections. And also, several official reports from the presidential level panels have investigated diverse aspect of election in the past with law enforcement.²

Although, the duty of a state is obliged to promote and protect human rights of all citizens and all person within its territory, includes non-nationals, and to treat them without any gender discrimination attitude, reserved for citizens.³ The 1999 Federal Constitution of Nigeria made a provision for all these rights in Chapter IV section 42.⁴ This section totally prohibits discrimina-

¹ For reports of small arms movements in the run up to Nigeria’s 2015 elections, see: Lauren P. Blanchard, “Nigeria’s Elections and the Boko Haram Crisis”, Congressional Research Service Report, p. 3 (Feb. 2015); International Crisis Group, “Nigeria’s Dangerous 2015 Elections: Limiting the Violence”, Africa Report No. 220, pages 16-17 (Nov 2014).

²See, Government of Kaduna State, Report of Kaduna State Peace and Reconciliation Committee, p. 217 (Jan 2013); Federal Republic of Nigeria, Main Report of the Federal Government Investigative Panel on 2011 Election Violence and Civil Disturbances (2011); Federal Republic of Nigeria, Report of the Presidential Committee on Electoral Reform, (2008); Federal Republic of Nigeria, Presidential Committee on the Reform of the Nigeria Police Force (chaired by Alhaji M.D. Yusuf, retired Inspector-General of Police) (2008); Federal Republic of Nigeria, Report of the Presidential Committee on Police Reforms, (Chaired by Muhammadu Danmadami, retired Deputy Inspector-General of Police) (2006); Federal Republic of Nigeria, Report of the Judicial Commission of Inquiry into the Affairs of the Federal Electoral Commission (FEDECO) 1979–1983, (1986).

³ For a precise exposition of this issue see e.g., Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights The Rights of Non-Citizens (2006) available online. URL: http://www.ohchr.org/english/about/publications/docs/non_citizens_en.pdf> (accessed 24 November 2007). See also D Weisbrodt, (n 6 above).

⁴ Constitution of the Federal Republic of Nigeria 1999. Chapter IV section 42.

tion on particular community, ethnic group, place of origin, sex, and religion or political opinion.⁵ African Union is not exempted from these provisions.⁶ Nigeria is a signatory to the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimi-

⁵ See the case of *Anzaku v Governor Nassarawa State* [2006] All FWLR (Pt 303) 308, 341-342: 'Fairness and justice demands that people who are similarly circumstanced should be treated equally by the State. Yet there is no discrimination where special restrictions imposed upon a class, or special advantages accorded to it are reasonably designed to reflect real and substantial differences between it and other classes and groups. Protection is not unequal merely because real and substantial differences between classes or groups are recognized by law for purposes of special protection or treatment reasonably related to such differences. Provided therefore that such special protection or treatment is reasonable and not arbitrary, oppressive or capricious, there is no denial of equal protection. A class, e.g., a religious or political group, may be isolated for special treatment if it constitutes a danger to public order, public security, public health or public morality, or if it is so vulnerable by reason of its peculiar circumstances as to require special protection.' See also *Uzoukwu v Ezeonu* (1982) 2 NCLR 552.

⁶ Adejumobi S. 'Citizenship, Rights and the Problem of Conflicts and Civil Wars in Africa', 3 *Human Rights Quarterly* (2001) 148 (for the proposition that identity conflicts in Africa result in part from the bifurcation of citizenship from an individual right enjoyed within a state to a group concept used as an instrument of exclusion). See also A Konneh, 'Citizenship at the Margins: Status, Ambiguity, and the Mandingo of Liberia' 39, 2 *African Studies Review* (Sep., 1996) 141-154. The author argues that the 'Mandingo have stood at the margins of citizenship-always taken to be "something more" than the other indigenous groups of Liberia but "something less" than the full citizens the Settlers consider themselves to be.' The Mandingo were the specific target for decimation by Charles Taylor's troops. South Africa, where non-citizens have rights including social economic rights, is one of the few exceptions to the citizen and non-citizen dichotomy in access to human rights. See e.g., *Khosa v Minister of Social Development* 2004 (6) SA 505 (CC). The Constitutional Court of South Africa found that a non-citizen under the age of 18 is entitled to social economic rights in the Bill of Rights. See also *Patel v Minister of Home Affairs* 2000 (2) SA 343 (D) (for the proposition that aliens have the same rights under the constitution that citizens have, unless the contrary emerges from the constitution).

nation (CERD)⁷ which has admirable and inspiring constitutional provisions for protection of human rights.⁸

The issue of ethnicity continued to pose serious problems for Nigerian politics and perspective thinking of many Nigerians, which has negatively affected so many Nigerians in real life. Even to extent parents choose their children who to associate with. It has even grown beyond the level whereby some families neglect their own son or daughter simply because he/she went and get married to someone who is not from their own ethnic groups. Similarly, this has broader to place of employment, work, schooling and associations. These attitudes were kind of issues that has separated blacks into their own governing Bantustans in South Africa during Apartheid and undermines the ideas and norms of the United Nations. However, as global citizens no one tolerated such ugly acts and racism of human rights violation.⁹ Considering all these circumstances surrounding the environment and the society people found themselves with different cultural and ethnic believes that weaken the issue of human rights protection in Nigeria. All human beings are born equal naturally with-

⁷ See the Universal Declaration of Human Rights, G.A.Res. 217A, pmb., U.N. GAOR, 3d Sess., 1st plen. mtg., U.N. Doc A/810 (Dec. 12, 1948) [hereinafter Universal Declaration of Human Rights]; U.N. Charter pmb. The preambles of both the UDHR and the U.N. Charter recognize human rights as inherent in man. Paragraph 2 of the U.N. Charter, for instance, “reaffirm[s] faith in fundamental human rights, in the dignity and worth of the human person, in the equal rights of men and women and of nations large and small.”

⁸ Two chapters of the 1999 Constitution (chapters 2 and 4) are exclusively dedicated to human rights. In addition, Nigeria has established ostensibly strong institutional infrastructure for human rights promotion and protection. Apart from the judicial organ, Nigeria has extrajudicial bodies for human rights promotion and protection. These include the National Human Rights Commission and the Public Complaints Commission.

⁹ 1Apartheid: A policy of racial segregation based on doctrines of racial discrimination

out any gender non-discrimination.¹⁰ The provisions of Article 1 of the Universal Declaration of Human Rights stated it clearly that all human beings are born free and equal in dignity and rights.¹¹ Likewise, the provisions of Chapter II Section 15 (3(c and d)) of the 1999 Federal Constitution of Nigeria encouraging inter-marriage among persons from different places of origin, or different religious, ethnic or linguistic associations.¹²

This will reduce many mind set from issues of ethnicity and provide a provision for protecting human rights. Although, it seems protection of human rights is gradually growing in Nigeria in the sense that people are getting expose to subsequent numerous international resolutions, conventions¹³, covenants¹⁴, committees¹⁵, declarations¹⁶, treaty bodies, soft law, binding law, domes-

¹⁰ Similarly, the right freedom from discrimination on the ground of ethnicity, place of origin, sex, religion or political opinion is granted only to Nigerian citizens by section 42 of the Constitution.

¹¹ The Universal Declaration of Human Rights, Art. 1.

¹² Constitution of the Federal Republic of Nigeria 1999. Chapter II section 15.

¹³ Notable Conventions which have been passed by the United Nations include, The International Convention on the Prevention of the Crime of Genocide; the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination., The International Convention Relating to the Status of Refugees, the Convention Against Torture and other Cruel, Inhuman and Degrading Treatment or Punishment; The Convention on the Right of the Child; the Convention Concerning the Abolition of Forced Labour. The Convention on the Political Rights of Women; The Convention on The Nationality Rights of Women; Convention on the prevention and punishment of the Crime of Genocide, etc.

¹⁴ These are some covenants which include, The International on Civil and Political Rights, The International on Economic, Social and Cultural Rights.

¹⁵ These are committees which include, The Committee on Civil and Political Rights; The Committee on Economic, Social and Cultural Rights; The Committee on Elimination of All Forms of Racial Discrimination; The Committee on Against Torture and other Cruel, Inhuman and Degrading Treatment or Punishment; The Committee on Protection of the Rights of all Migrants Workers and member of their Family; The Committee on Enforce disappearance; The Committee on Elimination of Discrimination Against Woman; The Com-

tic law, national laws, human rights law and humanitarian law that all agitated for promotion and protection of human rights. This has proven how valuable are issues of human rights and almost all constitutions of different states in the world made provisions for human rights protection.¹⁷ Considering these various institutional machineries to other international countries mechanisms, people may draw their conclusion that the Nigerian mechanisms are not strong enough of providing adequate and effective platforms for protection of human rights in term of ethnicity. In another word, this could be referred to what they called “Name and Shame Games” which many countries practice.

The truth is that everyone needs his/her human rights to be protected likewise the issues of human rights become more complicated. Since issues of ethnicity are more pronounced and are commonly affecting many Nigerians on daily basis. Nigeria must apply the truth and justification method to address this issue of ethnicity in order to protect human rights. The National Human Rights Commission should inaugurate a special monitoring team

mittee on the Rights of Child; The Committee Against Torture and The Committee on the Rights of Disabilities Person.

¹⁶ Some of the Declaration are, Declaration on the Elimination of All forms of Intolerance and Discrimination Based on Religion or Belief, adopted 25 Nov. 1981. G.A. Res 36/55, 36 UN GAOR, Supp (No. 5+) UNDOC. A/36/51 at 171 1981; Declaration on the Elimination of violence Against Women adopted 20thDec, 1993 GA Res 48/104, UNDOC. A/48/29; Declaration on the Right of Child, adopted 20 Nov. 1959, GA Res 1386 (XIV), 14 UN GAOR, Supp. (No. 16) UN Doc. A/4334 at 19(1959) Declaration on the Right to Development, adopted 4 Dec, 1986, GA Res 41/28.

¹⁷ For example, the French Constitution of 1958 refers in its preamble to the 1789 Declaration of the Right of man and of the citizen. Most newly independent countries refer directly to, or even incorporate, basic international texts” such as the Universal Declaration of Human Rights, 1948. This is true of the Nigerian Constitution and Indian Constitution. Part 111 of Indian Constitution incorporated virtually all the rights contained in UDHR. See, Jean –Bernard Marie, „National. Systems for the Protection of Human Rights” in Human Rights International Protection, Monitoring, Enforcement, JanuzSymonides ed. Aldershot Hants: Ashgate, UNESCO Publishing, 2003 at 258.

that will investigate all issues of ethnic groups' discrimination and treat them ungently. Although the judicial system must product both victors and vanquished. And this may not provide the healing effect where massive, grave human rights violations and issue of ethnicity have polarized the society. However, the judicial system is usually expensive, protracted and may in some cases not produce justice because people have different myopic opinions likewise in decision making. In such cases, it may result to some facts such as the bias of evidence and technicality of the law to defined justice¹⁸. It is only when the government and National Human Rights Commission pave new way of thinking and come together with collective legal framework. This may reduce ethnic sentiments among Nigerians and give provisions for human rights protection.

¹⁸ Ogbu O.N. "Truth and Reconciliation Commission as Human Rights Protection Mechanism: The Tragic Near Demise of Nigerian's Oputa Panel" in E. Chianu, (ed.) *Legal Principles and Policies: Essays in Honour of Justice Idigbe*, Distinct Universal Limited, Lagos, 2006, P. 1.

THE IMPERIALIZATION OF INTERNATIONAL PUBLIC LAW

Ikem Chukwuemeka Raymond

Student Peoples' Friendship University of Russia

In the course of studying international public law, we often see changes in its functionality. A vital question to be asked is whether or not these changes are in consonance with the very meaning of the existence of international public law. International public laws, treaties and covenants are often established for the advancement of peace, prosperity, human rights and environmental protection etc. In general it supports order in the world. To the lay people, this innovation often portrays the bright prospects of international public law. After a careful look on the escapades of some of the world's powerful nations, one is forced to see international law as a manipulative tool used to advance the foreign policy goals of some major powers. As a matter of fact international public law has been described as a law of "exceptionalism", were disregard of domestic and global norms is considered politically acceptable and were powerful nations can exercise a free hand in determining the future of less powerful ones when strategic interest are involved.

The impudent approaches towards international public law by some powerful nations have been a major treat to the future existence of international public law. Let us first of all brows through decimation of international public law in Africa. The western world first visited Africa trade purposes. From trading they graduated into exploiting and colonizing thereby forcing artificial boundaries on the African continent, forced people to be grouped together as a new territory without taking into consideration their historical, cultural or social dependency. In the 1960's so many African countries gained independence. Questions as to whether or not these countries are truly independent can be seen

in the western systematical way of toppling governments of other nations and establishing African leaders that would bow to their whims and caprices. Even in recent times the international criminal court (ICC) has and is still of good help in promoting and making mockery of international law. ICC currently has 123 states as members, but since the Treaty establishing ICC came into force on 17/07/2002, it has only case files of 36 nations on its desk (all Africans), including Sudan who is not a member of ICC. The trivialization of international law was publicly made known when, the united states ambassador to united nations in an address to the security council in 2005 expressed united states support for the courts investigation in Sudan even though like USA and Israel, Sudan is not a member of ICC. The validity of the ICC will no doubt be crippled, if the agitation by some African leaders for Africa to withdraw from ICC materializes.

International human rights organizations are yet to investigate whether or not the north Atlantic treaty organization's (NATO) attack on Libya who is a member state, was within the law. Article 2 section 4 of the United Nations charter expressly states that "all members shall refrain in their international relations from the threats of use or use of force against the territorial integrity or political independence of any states or in any other manner inconsistent with the purposes of the United Nations". On NATO's involvement, whenever states decide to use force against another state, whether individually or collectively the first question that arises is whether such an action is pursuant to the right of self defense or is authorized by the Security Council as prescribed in article 51 of the charter. Of course article 51 does not apply as Libya had not attacked any of the NATO member state. The involvement of NATO in the death of Mummar Gaddafi and the outright violation of no-fly zone set by UN Security Council resolution 1973 which kept the lives of innocent civilians in arms way, is a clear idea of how some nations are more than prepared to break any international law to get what they want.

Instead of regarding themselves as members of the international community that helps to enforce international public law,

they parade themselves as global police forces, able to enforce international public law unilaterally and even ignore international public law if they so want.

The use of NATO force without the authorization of United Nations has repeatedly been condemned. Following the Kosovo war in 1999 United Nations former secretary general Kofi Annan stressed that the council should have been involved in any decision to use force. He also in the 51th Munich security conference made it clear that the US- led invasion of Iraq was a mistake and helped to create the Islamist state militant group. In his words, “I was against this invasion and my fears have been founded. The break-up of the Iraqi forces poured hundreds if not thousands of disgruntled soldiers and police officers into the street”. He added that some of these former security force members went on to join the Islamic state. These reports from a former secretary general of United Nations makes it clear that if super powers are not just and accurate in observing international public law, humanity will continue facing troubles, innocent people will continue being killed and there will be no peace and prosperity on earth.

Thanks to the Russian intervention in 2013, Syria would have been another product of Americans invasion. Ukraine is currently viewed as the latest country in a long list to fall prey to America’s soft power technique called “regime change 101”. Following the appearance of two high-ranking American officials on the street of central Kiev at the heat of battle between police and protesters, the evidences involving CIA in the killing and wounding of both policemen and civilians cannot be regarded as a mere fiction or political speculation. Still on the event in Ukraine, the refusal to recognize the referendum which took place on 16/03/2014 in Crimea is a visible outing of international principles prescribed in article 1 of both the international covenant on civil and political right (ICCPR) and the international covenant on economic, social and cultural rights (ICESCR) also article 15

of the united nations universal declaration of human right which all expresses a person's right to self-determination.

It is most disheartening to know how much international public law has been hypnotized. Those who see injustice in the system will lose confidence in human rights and justice on the whole. As we speak former NSA contractor Edward Snowden has been charged with offence of espionage because his giant stride in steering the wheel of international public law in the right direction and for promoting article 17 of ICCPR which gives right to privacy. But in actuality the committers of espionage still parades themselves as the cradle of justice.

Conclusively it is an obvious fact that international public law in its historical and social meaning is fast diminishing. Under the disguise of extraterritorial counter-terrorism operations, tactical terrorism has been practically legalized. terrorism in this context is not an over exaggeration, because as matter of fact despite controversial attempts to establish a universally accepted definition of terrorism , wide currency is given to the academic consensus formula proffered by Schmid and Jongman which states that "terrorism is an anxiety-inspiring method of repeated violent action, employed by (semi) clandestine individual, group, or state actors, for idiosyncratic, criminal, or political reasons, whereby in contrast to assassination, the direct targets of violence are not the main targets". It must be made clear that on questions of international public law not the will of an entity or the will of a state but the will of all parties to international covenants and treaties must be obeyed. So called worlds powerful nations must recognize the dangers of promoting themselves as exceptional or special in international arena. This belief of superiority will in no distant time generate international isolation. Signs of revolution are everywhere. The recent Berlin protest on NATO's role in conflicts around the globe is just a tip of the iceberg. Together with international organization without fear of persecution, we must invoke judicial activism to ensure that the principle of sovereign equality of all prevails in all ramifications.

PIRACY AS A NEW THREAT FOR WEST AFRICAN SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT

Mensah Cocou Marius

*PhD Student of the Department of International law
of the Peoples` Friendship University of Russia
117198, Russia, Moscow, Mikluho-Maklaya st., 6; mcmarius@mail.ru*

The development of Africa is threatened not only by armed conflicts, terrorism, recurring health problems issues the latest of which is the humanitarian disaster caused by the Ebola virus, but also by the increase of problems related to ecology and maritime piracy. Most of these problems are due to the lack of implementation of international treaties in African countries legal acts, the inability to provide food security in subregions and the absence of effective integrated environmental strategies and policies. An additional threat to sustainable socio-economic development and the paradigms accompanying its strategies currently occur in the Gulf of Guinea. It's about acts of piracy in the context of climate change ongoing process.

Somalia was an epicenter of piracy and hijacking ships for many years, but with fewer attacks these last years, and the attention has shifted to the Gulf of Guinea. More than 40 attacks in the first three quarters of 2013 were recorded in the subregion. 132 crew were taken hostage, several vessels, offshore supply vessels and tankers were hijacked.

In this article, we will analyze the damage caused by maritime piracy to the economies of the West African subregion and ecological threats implied by such acts. In the Gulf of Guinea, Nigeria is the main source of piracy in the region. Many incidents of piracy were recorded. Out of 29 incidents have been registered, including hijacking of 11 ships, firing of 13 vessels and attempts of attacks. Official statistics clearly show that many members states of ECOWAS that inhabit coastal areas of the Gulf

of Guinea suffer from maritime piracy. These countries are: Benin, Ghana, Gabon, Cameroon, Nigeria, San Tome and Principe, Togo, Equatorial Guinea. All of them have access to the Atlantic Ocean. The Gulf of Guinea has large mineral and biological resources such as gas reserves in Nigeria, Ghana (both are ECO-WAS members), Gabon and oil for nearly 24 billion Barrels. These stocks represent 5 % of the global oil reserves and transform the subregion into one of the world's leading on this indicator¹.

Eight oil-producing states in West Africa produce daily 5 million barrels of oil and could potentially increase that production². In West Africa, the situation is complicated because of the increase of the activity of sea pirates which seeks not only to seize control over all natural resources of the Gulf, but also interferes with the normal operation of trade and maritime transport, itineraries which pass through the subregion. The threat of maritime piracy entails not only an increase in the cost of the safety of people and goods carried, but also the potential to bring the case to an environmental catastrophe. Sea pirates captured ships with chemicals, oil or nuclear waste, and this of course is a major environmental threat to the whole subregion. It is very important to remember that sea turtles live in the waters of the Gulf, and moreover, several rivers fall into the Gulf of Guinea: Cavan (border of Liberia and Côte d'Ivoire), Sassandra, Bandama, Comoé (Côte d'Ivoire), Volta (Ghana), Mono (between Togo and Benin), Niger (Nigeria) and Sanaga (Cameroon).

Pirates attack not only vessels that are passing along the coast, but also vessels in ports. For example, out of 60 pirate at-

¹ Golfe de Guinée: Dossier special // Le journal de Droit. 2013. 30 juillet. URL: http://www.journal-ledroit.net/index.php?option=com_content&view=article&id=1005:dossier-special-golfe-de-guinee-&catid=47:juris-zoom&Itemid=243 (дата обращения 29.04.2015 г.).

² Oil and Politics in the gulf of Guinea // Magazine of Foreign Affairs. 2008. April. URL: <http://www.foreign-affairs.com/articles/63381/nicolas-van-de-walle/oil-and-politics-in-the-gulf-of-guinea> (дата обращения 29.04.2015 г.).

tacks on ships in ports, occurred in the ports of Benin in 2011. Of the 24 recorded acts of maritime piracy in 2011–2012, 23 were related to tankers carrying chemicals and petroleum products. The main problem in the subregion is the impact of these losses on the international insurance rates, the purely economic damages and political image of the subregion. For example, it has led to a sharp increase in the cost of shipping to Benin.

According to the UN, 40 % of government revenue in Benin is provided by its main port – the port of Cotonou. As a result of these actions, many foreign companies have ceased business relations with Benin, to avoid attacks or ransom. These sudden changes in the business are not only a blow to the Beninese authorities, but also weakened Mali and Niger, countries that do not have access to the sea and have always received their goods through the port of Cotonou. During the third quarter of 2011, marine traffic decreased by 70 %, a 28 % reduction in income of Benin. This leads the international community to unite to fight against this phenomenon that affects not only the Gulf of Guinea, but also other areas such as the Gulf of Eden. The UN Convention on the Law of the Sea of 1982 in its article 100 and 108 were unable to remove completely all the questions. The lack of clear rules allows attackers to escape the condemnation or deserved punishment. Courts often qualify sea robbery and maritime piracy at sea as banditry or armed robbery at sea. In some countries, maritime piracy in the port is often classified as theft. All these facts point to the many challenges that lay ahead contemporary international public law. In the meantime, we can talk about a consensus reached in relation with maritime piracy beyond the territorial sea. Therefore, it is no coincidence that armed attack on ships in the Gulf of Guinea are qualified as simple armed attack. So far, the UN Security Council outlined the existing terms of international public law, which should be the basis for a future regime to combat piracy: First, they are articles 101-107, 110-111 UN Convention on the Law of the Sea of 1982; secondly, articles 15–23 of the Geneva Convention on the High Seas of 1958; and,

thirdly, the Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Maritime Navigation 1988. Experts note that the 1988 Convention is not optimal for solving the problem of combating piracy because the scope of its application is limited to the territorial waters, and it is only applicable in cases where "the ship is navigating or is scheduled to navigate into, through or from waters beyond the outer limit of the territorial sea of a single State, or the lateral limits of its territorial sea with adjacent States"³ (p.1 Art. 4). Several efforts were made to attract the world's attention to the problem of marine piracy and in October 13th -14th of 2012, the Heads of States and Governments concerned with this problem, held a conference in Kinshasa, which resulted in the adoption of resolution, calls on the international community to step up to the fight against piracy in the Gulf of Guinea. The cost of training and equipping troops and local forces to fight piracy is estimated to 35 million US dollars. A request from the President of Benin, was sent to the UN Secretary General Ban Ki-moon, asking him to send a special mission to assess the level of threat of piracy in the Gulf of Guinea⁴. The UN transferred the issue to its specialized organization – the International Maritime Organization (IMO). IMO since the late 1990s – early 2000 has launched a counter-piracy in hot spots (South China Sea, the Straits of Malacca and Singapore).

Unfortunately, the majority of the suggestions made by Member States of ECOWAS to strengthen the group of warships in the subregion and to find additional funding were in vain. With the multitude of crisis in the African subregions, the costs are counted and the fight against piracy is unfortunately part of these problems. Any diversion of budgetary and other financial re-

³ Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Maritime Navigation 1988. URL: <http://www.un.org/en/sc/ctc/docs/conventions/Conv8.pdf> (дата обращения 29.04.2015).

⁴ См.: Елкина Е.А. Пиратство в Гвинейском заливе: новые угрозы // Азия и Африка сегодня. 2012. № 12. С. 35–36.

sources to enhance the fight against piracy means less chance to the ECOWAS member States to achieve the goals of sustainable development, to create conditions for sustainable environmental management, as well as environmental safety. Ensuring the safety of shipping and other maritime activities requires joint efforts in the fight against sea piracy not only from the Member States of ECOWAS, but also from the international community.

As highlighted by professor Kopylov, no country in the world can settle global environmental problems independently. To cope with all this, a large number of rules or regulations of a recommendatory nature such as "soft" law has played and continues to play a significant role in the regulation of international environmental relations⁵. The first step in this direction was the adoption of the Code of Djibouti in January of 2009, and its application to the western part of the Indian Ocean and the Gulf of Aden. In June 5th of 2013 a similar code was adopted by the Heads of 22 states in Yaoundé (Cameroon) of West African countries. The Code was based on a Memorandum of Understanding and was developed by the IMO, the Maritime Organization of West and Central Africa (MOWCA), ECOWAS, the Economic Community of Central African States and the Gulf of Guinea (ECCAS), in accordance with UN Security Council Resolutions 2018 of 2011 and the Resolution 2039 of 2012. The Code is signed by Angola, Benin, Cameroon, Cape Verde, Chad, Congo, Côte d'Ivoire, Democratic Republic of Congo, Gabon, Gambia, Ghana, Guinea, Guinea-Bissau, Equatorial Guinea, Liberia, Mali, Niger, Nigeria, Senegal, Sierra Leone, San Tome and Principe, and Togo.

These countries emphasize the coordination of regional efforts to develop a comprehensive strategy to combat the threat of piracy and armed robbery at sea in order to prevent and sup-

⁵ См.: Копылов М.Н. Место норм «мягкого» права в системе международного экологического права // Международное право – International Law. 2005. № 4 (24). С. 34–52.

press such criminal activities. In this sense, international assistance in the context of an overall strategy is needed to support the efforts at the national and regional levels to assist Member States in taking the necessary measures in respect to the acts of piracy and armed robbery at sea and illegal activities. According to the results of effective cooperation of all interested States, the UN Security Council welcomes the initiatives already undertaken in collaboration with the African Union, the countries of the region and regional organizations, the Economic Community of Central African States (ECCAS), the Economic Community of West African States (ECOWAS), the Gulf of Guinea Commission (CGG) and the International Maritime Organization of West and Central Africa (MOWCA) to improve the overall safety and security in the Gulf of Guinea.

Moreover, coordinated patrols by the authorities of Benin and Nigeria helped to reduce attacks in parts of the Gulf of Guinea. Nevertheless, the International Maritime Bureau warns about the movement of pirates the region, because of the absence of monitoring. According to experts of the French international radio, in 2020 the production area of the Gulf of Guinea, the main reservoir of the continent, must exceed the Persian Gulf's production. The UN believes that it is important to bring order to the local petrochemical industry in West Africa, as Nigeria today is not the only oil-producing country. The exploitation of offshore resources of countries like Ghana and Mauritania, has already started or should in a very near future and therefore, control and specific surveillance should be strengthened. Otherwise, piracy will continue to grow and endanger sustainable development of the continent and that of its international partners.

THE PROBLEM OF REFUGEES IN AFRICA: A GLIMPSE OF KENYA

Njenga Lily

*PhD Student of the Department of International law
of the Peoples` Friendship University of Russia
117198, Russia, Moscow, Mikluho-Maklaya st., 6*

The problem of refugees in Africa has become a global issue and a matter of great concern even internationally. It has been, and continues to be a subject of intense debates and discussions in the process of searching for more effective ways to protect and help these vulnerable peoples. Internationally, the United Nations High Commission for Refugees is the official agency delegated with the duties of leading and coordinating International actions to protect and resolve refugee problems globally¹.

A field report of a nongovernmental organization – “The Refugees International” written by Mark Yarnell and Alice Thomas in September 2014 revealed that the Government of Kenya’s plan to gather refugees in urban areas and have them report back to their official refugee camp post had been effected in order to reduce the burden of economic and social strain caused by the influx of refugees. This was also a strategy to help curb crime especially terrorism by the terrorist organization Al shabaab and to effect security in Nairobi city. These operations reportedly brought about harassment of refugees, extortion and even increased cases of abuse by the police. Tens of thousands of refugees from Somali have long settled in urban areas in Kenya since the war broke out in Somali over twenty years ago.

The United Nations Refugee Agency in 2009 stated that these urban areas are “Legitimate places for refugees to reside and exercise the rights to which they are entitled”. The ensuing argument of sending the refugees back to their camps seemingly

¹ URL: <http://www.unhcr.org/pages/49c3646c2.html>

contradicts this. Recent actions by some African states to permanently solve the problem including by voluntary repatriation of refugees seemed unfair and uncalled for; however, treaties and agreements have been signed to bring to effect this solution that also provides for the protection of refugees. Kenya's agreement² with Somali and the United Nations High Commission for Refugees in October 10th 2013 to "continue to provide protection and assistance to all refugees until durable solutions are attained in accordance with national and international law" forms legal for voluntary repatriation of refugees.

The coordination, management and registration of refugee matters in Kenya fall under the responsibility of the Department for Refugee Affairs within the Ministry of Immigration and registration of persons. In order to qualify for assistance, and provision and protection of their human rights, the government of Kenya directs that refugees must reside in designated camps. Daddab and Kakuma camps were established in early 1990 in the remote parts of Kenya after an influx of refugees from Sudan, Ethiopia and Somali. These camps were deemed appropriate way to host the refugees and ease the process of control, registration and eventual repatriation. In accordance with the Kenyan law, the definition of refugee is "a person that shall be a statutory refugee for the purposes of this Act if such a person owing to well-founded fear of being persecuted for reasons of race, religion sex, nationality, membership of a particular social group or political opinion is outside the country of his nationality and is unable, or owing to such fear is unwilling to avail himself of protection of that country; or not having a nationality and being outside the country of his formal habitual residence is unable or owing to well-

² Tripartite agreement between the Government of the Republic of Kenya, The Government of the Federal Republic of Somalia and the United Nations High Commissioner for Refugees governing the voluntary repatriation of Somali refugees living in Kenya 2013.

founded fear for any of the aforesaid reasons, is unwilling to return to it”³.

The adoption in 1969 of the OAU convention⁴ was partly compiled to closely address the issue of refugees in the continent following the failure of the 1951 refugee convention⁵ to completely and effectively brace the rising problem of refugees in Africa. An additional and detailed definition of refugee according to the OAU charter states that “every person who, owing to external aggression, occupation, foreign domination or events seriously disturbing public order in either part or the whole of his country of origin and nationality, is compelled to leave his place of habitual residence in order to seek refuge in another place outside his country of origin or nationality”⁶.

Refugee’s rights are restricted and limited in most national and domestic laws. For example local integration of refugees under the Ethiopian law prohibits employment for refugees but supports an out-of-camp-scheme that allows refugees to live and engage in informal livelihood where students can even attend universities. Under the Kenyan Law, refugees who are willing to work or gain employment face restrictions as those of non citizens⁷. Other limitations of refugees under the Kenyan law are the fact that refugees cannot get naturalization; orphans, homeless children and children without prove of origin who are considered as stateless are not automatically granted citizenship. The tripartite agreement between Kenya Somali and UNHCR provides for freedom of choice of destination as well as guaranteeing safety

³ Refugees Act Chapter 173 Article 3 part 1(a) and (b).

⁴ 1969 Convention governing the specific aspects of refugee problems in Africa.

⁵ 1951 Convention Relating to the Status of Refugees.

⁶ Article 1(2) of the 1969 Convention governing the specific aspects of refugee problems in Africa.

⁷ Refugees Act Chapter 173 Article 16 (4).

and dignity in return of the Somali refugees⁸. Kenya and other African states are in dire need of such agreements and also need to fully implement International conventions coupled with guaranteed full support of International bodies to find lasting solutions to the problem of refugees in the continent. In the African spirit of collaboration and cooperation in easing the burden of refugees in member states, the OAU convention states that “where a member state find difficulty in continuing to grant asylum to refugees, such member state may appeal directly to other member states and through the OAU (now the AU) and such other Member States shall in the spirit of African solidarity and international cooperation take appropriate measures to lighten the burden of the Member States granting asylum”⁹.

To conclude, in Kenya alone, the provisions of the refugees Act, The Kenya Constitution and the International Refugee Conventions may not be adequate in protecting the rights of refugees in the country. Despite the ratification of the major international and regional agreements on refugees by the majority of the African states, the main obstacle towards effectively solving the problem of refugees remains the poor implementation especially of the OAU convention and the reluctance of most African states to restructure and tailor their national laws in addressing immigration, in line with the convention. Whereas some countries have adopted adequate implementation of legislation on the protection of refugees, most of them lack competent and well trained personnel which add up as another obstacle towards solving this problem. Current issues in the continent have seen cases of delegated agencies harassing and abusing the refugees, contrary to the fact that they are the overseers of peace and security. However,

⁸ Article 11 & Article 12 (1,2,3,4) Tripartite agreement between the Government of the Republic of Kenya, The Government of the Federal Republic of Somalia and the United Nations High Commissioner for Refugees governing the voluntary repatriation of Somali refugees living in Kenya 2013.

⁹ Article II (5) of the 1969 Convention governing the specific aspects of refugee problems in Africa.

provision of security and other positive approaches to solving refugee problems in Africa are reflected for example with The Ethiopian governments' open-door-policy which continues to allow humanitarian access and protection to those seeking refuge in its territory. Kenya's tripartite agreement also shows willingness in its part to not only to see the safe repatriation of Somali refugees abut also guarantee protection of their rights in the designated camps. In order to ease the economic social and cultural burden of a host country and to ensure realization of human and constitutional rights of refugees, the United Nations High Commissioner for Refugees and other Key players including Aid agencies should effectively over see security in designated camps and support such agreements between states on voluntary repatriation.

IMPLEMENTATION OF ECONOMIC, SOCIAL AND CULTURAL RIGHTS IN NIGERIA: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Nwanua Flora

*Master Student of the Department of International Law,
Peoples' Friendship University of Russia
117198, Russia, Moscow, Mikluho-Maklaya st., 6*

The International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (the ICESCR) represents one limb of an expanded hard law version of the 1948 Universal Declaration of Human Rights (UDHR).¹ The other limb is contained in the International Covenant on Civil and Political Rights (the ICCPR), which guarantees civil and political rights. The assumption that economic, social and cultural rights required obligations and enforcement mechanisms of a different nature formed the basis of the decision to draft the two instruments separately. Among other things, this assumption was based on the argument that, unlike civil and political rights, economic, social and cultural rights are incapable of immediate implementation. Rather, they are realisable progressively.

Interestingly, African leaders and scholars soon after independence claimed that “the protection of civil and political rights should await the implementation of economic, social and cultural rights” thereby depicting the latter as more important than the former.

An overview of the provisions of the ICESCR. The ICESCR contains “some of the most significant international legal provisions establishing economic, social and cultural rights.” It begins by guaranteeing all peoples self-determination. Article 2 of the ICESCR is particularly important for two reasons; namely, it outlines the nature of State Parties’ obligations under the Cove-

nant and determines how they must approach the implementation of the substantive rights contained in articles 6 to 15.

Most often, the obligations under article 2 are divided into layers reflecting duties to respect, protect, promote and to fulfill each right contained in the Covenant. For the purposes of this contribution, four components of article 2 need to be highlighted. The first is that although article 2(1) particularly obliges States to adopt legislative measures to ensure the enjoyment by everyone of the rights in the Covenant, the Covenant generally requires States to adopt “all appropriate measures.” This takes into cognizance the fact that laws alone may not be a sufficient response at the national level for the implementation of economic, social and cultural rights. Administrative, judicial, policy, economic, social and educational measures and many other steps will be required by governments in order to ensure these rights to all.

The second component is that State Parties are obliged “to (achieve) progressively the full realization of the rights” recognized in the ICESCR. This does not imply that States must defer indefinitely efforts to ensure the enjoyment of the rights laid down in the ICESCR. Rather, the duty in question obliges States, notwithstanding their level of national wealth, to move immediately and as quickly as possible towards the realization of economic, social and cultural rights. Further, whereas certain rights, by their nature, may be more apt to be implemented in terms of the progressive obligation rule, many obligations under the ICESCR are clearly required to be implemented immediately.

The third component is the duty of each State Party to ensure the enjoyment of the rights in the ICESCR “to the maximum of it’s available resources”. While recognizing the reality that the extent of realization of these rights depends on the financial muscle of the State Party, the latter shoulders the onus of showing that it has done its utmost within the constraints of its available resources. Where resources are demonstrably inadequate to attain the desired standard, the State Party is enjoined to monitor the extent of non-realisation and to devise appropriate remedial

measure. Additionally, a State Party is obliged to fulfill a “minimum core obligations” so as to satisfy at least the essential levels of the rights such as basic nutrition, primary healthcare, shelter and basic education. Failure to satisfy these basic needs constitutes a prima facie violation of the ICESCR. The burden lies on the State Party to demonstrate that every effort has been made to gather all resources available to satisfy these minimum obligations as a matter of priority. The term “available resources” includes both domestic resources and any international economic or technical assistance or cooperation available to a State Party.

The last is the obligation to ensure the enjoyment of these rights “without discrimination”. This obliges State Parties to desist from discriminatory behaviour and to alter laws and practices which allow discrimination. It also obliges State Parties to prohibit private persons and bodies from practicing discrimination in any field in public life. However, special measures taken for the sole purpose of securing adequate advancement of certain groups or individuals in order to ensure their equal enjoyment of economic, social and cultural rights with others are not considered discrimination, provided that such measures do not lead to the maintenance of separate rights for different groups and are not continued after their objectives have been achieved. The substantive rights guaranteed in the ICESCR include the right to work, the right to just and favourable conditions of work, and the right to form and join trade unions and other trade union rights. The right to social security and social insurance is guaranteed in article 9. Article 10 guarantees the right to protection and assistance of the family. Other rights guaranteed are the right to adequate standard of living, the right to the highest attainable standard of physical and mental health, the right to education, and the right to culture and to benefit from scientific progress.

However, economic, social and cultural rights have far-reaching implications for the lives and livelihood of millions of poor and powerless Africans. In Nigeria, economic, social and cultural rights are recognised under chapter II of the 1999 Consti-

tution as Fundamental Objectives and Directive Principles of State Policy (DPSP). However, section 6(6)(c) seems to prohibit the courts from entertaining matters arising out of violations of chapter II. If one assumes that this is fatal to litigation on economic, social and cultural rights one needs to look for other opportunities to realise these rights.

Significantly, article 45 of the African Charter makes all rights justiciable before the African Commission on Human and Peoples' Rights (African Commission). Nigeria has ratified and domesticated the African Charter.

In a recent decision, the Economic Community of West African States (ECOWAS) Court of Justice confirmed that the 'rights guaranteed by the African Charter on Human and Peoples' Rights are justiciable before this court'.

Nigeria's 1999 Constitution recognises economic, social and cultural rights in chapter II consisting of DPSP provisions. Chapter II was devised to fulfil the promises made in the Preamble to the Constitution, *inter alia* to provide for a constitution for the purpose of promoting the good government and welfare of all persons in the country on the principles of freedom, equality and justice and for the purpose of consolidating the unity of all people.

Challenges to implementing economic, social and cultural rights in Nigeria. The challenges of *locus standi*, justiciability and dualism which impede the implementation of economic, social and cultural rights in Nigeria.

The challenge of *locus standi*. The challenge of *locus standi* or standing to sue is relevant within the context of justiciable economic, social and cultural rights. This is because only in this context would it be necessary to approach the courts as individuals or a collective for the purpose of seeking judicial interpretation or a resolution of problems arising from or attributable to violations of economic, social and cultural rights. There are two criteria for showing sufficient interest. The first relates to the question whether the party could have been joined as a party to

the suit. The second is whether the party seeking redress will suffer some injury or hardship arising from the litigation. Consequently, only a party in imminent danger of any conduct of the adverse party has *locus standi* to commence an action.

The challenge of justiciability. Much has been written and said about the justiciability of economic, social and cultural rights. In this article, we have referred to the opinion of some writers on the subject. For all the reasons advanced for the non-justiciability of economic, social and cultural rights – the implications for revenue allocation and separation of powers, the unavailability or inadequacy of resources and implementation difficulties – the one point which continues to resonate is that regarding the financial implications of judicial decisions on economic, social and cultural rights.

Proponents argue that economic, social and cultural rights involve considerable financial investments over which the judiciary is ill-equipped to adjudicate. This is untenable considering the financial implications of ordering fresh elections in Nigeria over the last two years since the last general elections in April 2007. The fact that every fresh election conducted depletes the commonwealth does not invalidate the legal competence of courts to adjudicate over election petitions. By the same token, the prospect of a huge financial outlay to meet the basic needs of citizens should not deter any judge from hearing economic, social and cultural rights cases on their merits.

Although the progressive realisation bench mark assumes that valid expectations and concomitant obligations of state parties under ICESCR are neither uniform nor universal, but relative to levels of development and available resources, the Committee on Economic, Social and Cultural Rights (ESCR Committee) has clarified that it imposes an obligation to ‘move as expeditiously and effectively as possible’ towards achieving a set goal, namely, the full realisation of economic, social and cultural rights. Furthermore, the ESCR Committee establishes a minimum core obligation on the basis of which every state party owes an obliga-

tion to ‘ensure the satisfaction of minimum essential levels of each of the rights.

The challenge of dualism. Dualism is described as legislative *ad hoc* incorporation of international rules. Under dualist systems, international law becomes applicable within the state’s legal system only if and when the legislature passes specific implementing legislation. Nigeria has a dualist system regarding international law. Specifically, section 12 of the 1999 Constitution provides that: ‘no treaty between the Federation and any other country shall have the force of law except to the extent to which any such treaty has been enacted into law by the National Assembly’. Interpreting this provision against Nigeria’s obligations under the Convention of the International Labour Organisation, the Supreme Court insisted that section 12(1) was a condition precedent to applying international treaties ratified by her. Specifically, the Court confirmed that ‘in so far as the ILO Convention has not been enacted into law by the National Assembly, it has no force of law in Nigeria and cannot possibly apply’. Although this decision violates a fundamental principle of international law. A state cannot plead provisions of its own law or deficiencies in that law in answer to a claim against it for an alleged breach of its obligations under international law’. It nonetheless represents the true position of the law with respect to unincorporated treaties in Nigeria.

Opportunities for realising economic, social and cultural rights. The constitutional review process Nigeria’s bicameral legislature, comprising the Senate and House of Representatives, has a constitutional mandate to amend the Constitution. In furtherance of this mandate, both houses have attempted a review of the military-imposed Constitution of 1999 many times.

Unfortunately, every attempt has failed. Its current attempt presents an opportunity for legislative proposals to place economic, social and cultural rights on a firm footing. To ensure equality of all categories of rights under the Constitution, it might be necessary to merge all rights under a single chapter in the Bill

of Rights and to vest jurisdiction over a violation or threatened violation of these rights in the courts. This way the challenge of justiciability will be laid to rest. Concomitant to providing access to courts for violations of economic, social and cultural rights is gaining access to information necessary to evaluate government's performance in this critical area.

The debate on access to information. The journey to an access to information regime in Nigeria began ten years ago with the submission of a bill on the subject to the National Assembly. Unfortunately, Nigerians are yet to enjoy freedom of information. Although this significantly violates the promises of past and current governments, it presents an opportunity to litigate existing legislation guaranteeing access to information, such as the Environmental Impact Assessment Act with a view to forcing the relevant institutions to open up the public debate. Specifically, it provides a latitude for citizens to interrogate government income and expenditure with a view to ensuring that needs are met in timely fashion.

Legislative action. Item of the Second Schedule to the Constitution empowers the National Assembly to establish and regulate authorities of the federation or any state 'to promote and enforce the observance of the Fundamental Objectives and Directive Principles contained in this Constitution'. This presents an interesting opportunity for the legislature to hold the executive accountable for steps taken to progressively realize economic, social and cultural rights. The Bar Association should engage in legislative advocacy to ensure that the National Assembly takes the necessary steps, failing which it should invite the courts to compel the assembly to perform its lawful duties as a public institution.

Education, empowerment and mobilisation of citizens. NGOs and the Bar Association owe a sacred duty to Nigerians, namely, the duty to educate, empower and mobilise them in order to take positive action towards realising their full potential. At the heart of the pervasive poverty and almost absolute disregard for

the economic, social and cultural rights of citizens are ignorance and powerlessness. Public advocacy events directed at equipping the rural and urban poor with the requisite skills to interface with government and, more importantly, demand good governance, are crucial to sustaining Nigeria's fledgling democracy. To ensure success and sustainability, it is necessary to equip the lawyers themselves. Consequently, the teaching of human rights law should be made a compulsory course in the third or fourth year programme of law faculties across the country. For lawyers, the continuing legal education programme of the Nigerian Bar Association should aim to provide a minimum of four hours of human rights training per year.

SUPRANATIONAL INTEGRATION AND GLOBAL JUSTICE THROUGH TRANSNATIONAL CITIZENSHIP: WHAT WE CAN LEARN FOR THE AFRICAN INITIATIVE “THE GREAT GREEN WALL”

Policastro Pasquale

*PhD. hab. Professor of Szczecin University,
Poland pasquale@mec.univ.szczecin.pl*

The African project “The Great Green Wall” is developing in the shape of a pan-African policy, where we see that the fialities of the reconstruction of the biosphere and of the social environment are pursued by means of a multilevel interaction between governments and the societies. Through them we assist to the development of new participative patterns, among them to a worth noting approach to subsidiarity and to a transnational citizenship based upon values. The inspiration, which may be driven from this experience also outside Africa, is of particular importance also for what concern new insights to law for peace and a new paradigm of self-sustained 'development law'.

1. The Great Green Wall: a Panafrican policyTo combat desertification as well as unsustainable development, understood as very relevant causes of the inhabitants of the Sahel area, and the subsequent social and political tensions, 11 countries of the region undertook a remarkable initiative called “The Great Green Wall”. The project aims to combat desertification and the related social distress by the the integrated development of creation of a sequence of areas for silviculture and grass production for herds, agriculture, and water retention. This developments aims at localising the areas where herding is provided. Leaving behind themselves nomadic and semi-nomadic breeding may in a decided way contribute to solve also present problems of social and ethnical tensions, which often lead even to armed conflicts. But not only, since in the places in which the project has been put in motion so far, it has been producing effects of social activation, concerning especially women, reduction of malnutrition, increased

school attendance (especially among girls), and the introduction in the households and family economic activities of elements of management. The affected populations are very concerned and show a growing motivation. The production of these phenomena in a growing number of areas on a space which crosses all Africa from Senegal to Djibouti, justifies a scholarly interest going beyond natural and agricultural sciences (which have been the first ones to approach the question) and centred on legal, political, economic and social aspects.

2. An approach to peace by means of a shared understanding of the common good and competence sharing. From the international law viewpoint we observe that "The Great Green Wall" constitutes a remarkable aspect of solution and prevention of conflicts by peaceful means. Here by peaceful means we mean also avoiding any form of pressure, which is grounded on the potential use of the strength. This aspect permits to qualify "The Great Green Wall" as the prodrome of a supranational integrating legal order founded on two basic principles: a common biosphere for Africa and the world and a common society, ranging beyond the states. These two principles form a new paradigm for Global Justice and for a rule of law going beyond the states. To justify the statement we shall first of all look at the institutional characteristics of The Great Green Wall. This project is governed by a Pan-African Agency. The sharing of competences between the Agency and the States shows that the Agency has a significant coordinating role, while the States have an executive function. This aspect may be checked also by an analysis of the reports of the States participating to the Great Green Wall, which shows a significant structural convergence. At this level differences may be seen taking into account the difference in the language of reference of the different administrations of the Member States, in particular French, English or Arab. Notwithstanding the visible need to improve the communication, and the need to guarantee a balanced impulse from the different areas, which is approached also by means of the rotation of the seat of the Pan-African Agen-

cy, the activities performed show a significant degree of harmonisation. This aspect, however, does not indicate only that the administrations of the Member States are able to properly interact addressing aims, tools, means and procedures which are reasonably comparable. This means also that there is a rural society within all the huge area embraced by the Great Green Wall, which is able to coordinate with the stimulus purported by the project.

3. The multilevel characteristics of the governance of the Great Green Wall Concerning the participation of the civil society, first observation on the field show that we have: a) a remarkable degree of self-representation by the middle level administration of the executive projects developed by the National Agencies; b) a remarkable degree of integration of the territorial administration with the national agencies from one side and the local population for the other side: this permits the local administration to enact orders which are fully conforming to the aims of the executive projects and are understood and respected by local populations; c) a significant degree of understanding of the aims and of the advantages of the Great Green Wall by the heads of villages notwithstanding deficits in the consulting process, which require the development of adequate tools of communication; d) a noteworthy level of catching up of the opportunities given by the Great Green Wall by local populations, especially women, that see in this an element for their emancipation: together with this we observe the development of institutions, which are typical of the civil society, such as agricultural cooperatives, as well as of groups of discussion. Such levels of interdependence indicate that in the process of development of the Great Green Wall we are in presence of a process of multilevel governance oriented to transnational justice. However, the fact that the preservation of the biosphere is a global goal and the development of equilibrated interconnections within highly complex societies takes place because the equilibria developed within the Great Green Wall show a shared perception of justice, we may start considering such a project as addressed to attain Global Justice.

4. From participation to subsidiarity: a transnational citizenship based upon values. However, the complexity of the interaction processes within the Great Green Wall requires strong factors of aggregation, which may work on a permanent and lasting base with the time. A good contact with the social base, which allows the people residing along the Great Green Wall a proper calculation of the advantages related to their fully-fledged participation has been highlighted by the civil servants working on the territory and is beyond discussion. However, within the process of development of the Great Green Wall we observe also a process which permits the transformation of the participation to subsidiarity. Such transformation takes place when we may observe a wide social involvement so as to justify the statement that the civil society is driving the process. Such an involvement appears necessary to guarantee that the process of harmonisation of the policy elements becomes driven by a significant democratic consensus and support. For this reason we shall look with interest to an event that characterised the development of the Great Green Wall in different leading experience, and namely the involvement of youth. We observe a growing participation of African youth, especially university students and young professionals which gather from different different African countries, and, often with personal significant sacrifices, give their contribution for the common good. The importance of this contribution, which stems from different African groups, is related with the fact that, as it is addressed to the common good, is a manifestation of a transnational citizenship. Looking more deeply at this phenomenon we observe that from the approach to the common good is related to the protection of the biosphere, which ranges beyond Africa. For this reason the example of the Great Green Wall attracts young people from many countries and is showing a significant potential of inspiration for other countries not only inside but outside Africa. However, the civil engagement of the African youth and their spirit of service is highly consistent with African values.

5. Outline for further reflection The subsidiarity developed by valued founded in African traditional culture, but able to inspire young people and reflection groups of other countries, shall be also considered in the perspective of increasing the potential of the parts of African societies, which recognise themselves in the values and in the engagement connected with the Great Green Wall. The development of a self-sustained approach of “Africa for Africa” may prospect a new legal perspective addressed to self-sustained ‘development law’ and not any more of “co-operation for development “law”. Such a perspective requires a constant interest to joining formal with informal learning, in a way that the training of African young professionals may be addressed to match with the complexity of all the elements involved in the Great Green Wall. The approach of the Great Green Wall relates also to an economic model where labour is transformed into value by means of processes which are not related with the forced control of raw material markets and final consumption markets. Therefore the approach of the Great Green Wall has an intrinsic potential to solve conflicts. For this reason further deepening of this paper should be related to the analysis of the potential of the Great Green Wall to solve the regional conflicts in the Sahel region, such as in Mali and in Darfur. Such an analysis would give important elements permitting to determine the policy priorities for the further development of the project.

Bibliography

1. As a general work concerning a comprehensive analysis of the first steps of the project see Abdoulaye Dia et Robin Duponnois (eds.), *Le projet majeur africain de la Grande Muraille Verte. Concepts et mise en œuvre*, IRD Éditions 2010 ISBN : 9782709917384.

2. As a work addressed to show The Great Green Wall as inspiring the process of informal education see Pasquale Policastro (ed) *Towards Innovation in Legal Education*, Eleven, Utrecht 2013, ISBN 978-94-6236-057-0, especially ch. 12 "Towards a Supranational Dimension of Citizenship Through Knowledge, Skills and Competence:

From ECONET to the Great Green Wall, p. 89-96 (Pasquale Policastro & Emilio Castorina)”.

3. For an analysis of the consistency of the values displayed in the Great Green Wall with the European founding values see Pasquale Policastro, *L’espace constitutionnel pan-Européen et nouvelle supranationalité*” w *Anayasa Hukuku Dergisi/Journal of Constitutional Law/Revue de droit constitutionnel* 2/2012, ISSN: 2147-1061. P. 314-366.

4. For a documentation of the civil society engagement in the Great Green Wall see the documentary fim “The Great Green Wall. Africa to Africa” directed by M. Frymus, pictures L. Nyks, scientific-coordination P. Policastro – 2014.

A SPOTLIGHT ON RACIAL DISCRIMINATIONS AGAINST PEOPLE OF AFRICAN DESCENT

Rubanovich Karina

*Master Student of the Department of International Law,
Peoples' Friendship University of Russia
117198, Russia, Moscow, Mikluho-Maklaya st., 6*

From 25th to 29th November 2002, the first session of the Working Group on People of African Descent was held in Geneva. At that session topics relating to People of African Descent were extensively discussed. Among them was the topic which much focused on identifying and defining People of African Descent as well as exploring how racial discrimination is manifested in different parts of the world. In addressing matters relating to People of African descent one must not forget to first and foremost clearly define the concept of racial discrimination.

According to Article I of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination, racial discrimination is defined as “any distinction, exclusion, restriction or preference based on race, colour, descent or national or ethnic origin which has the purpose or effect of nullifying or impairing the recognition or enjoyment or exercise, on equal footing of human rights and fundamental freedom in the political, economic, social cultural or any other field of public life”¹.

Discrimination therefore in short can be said to be any unacceptable behaviour shown by an individual or a group of people to an individual and/or group of people on the bases of their colour, race, descent, etc. thereby infringing on their human rights

¹ UNOG News and Media; Committee on the Elimination of Racial Discrimination holds day of discussion on discrimination against People of African Descent; 7 March 2011,. URL: [www.unog.ch/80256EDD006B9C2E/\(httpNewsByYear_en\)/64948DE13A6D1033C125784C0068B4CB?](http://www.unog.ch/80256EDD006B9C2E/(httpNewsByYear_en)/64948DE13A6D1033C125784C0068B4CB?OpenDocument)

and fundamental freedom. Experience has established that many of the people who suffer such acts of racial discrimination are people of African descent.

Going back into history, we find out that People of African descent have for centuries been victims of racism, racial discrimination, enslavement and denial of their rights. So important is the topic that the General assembly of the United Nations is designating the period 2014 to 2023 as the International Decade for People of African Descent².

In many parts of the world and even on the African continent, African descent suffer the ordeal of being recognized as a distinct group and their rights are often violated including the denial of equal access to justice, reparations and protection under the law.

People of African descent living in the African Diaspora, for centuries were marginalized as part of the legacy of slavery and colonialism. There is a growing consensus that racism and racial discrimination have caused people of African descent to be relegated in many aspects of public life, they have suffered exclusion and poverty and are often “invisible” in official statistics. There has been progress but the situation persists, to varying degrees, in many parts of the world³.

For almost four hundred years slave trade existed on the African continent. That is from the 16th Century to the 19th century when it was abolished. It was actually of two kinds: European and Arab Slave Trades. The European Slave Trade covered the entire coast of West Africa from present day Senegal all the way to Namibia. They were largely sent to the Western hemis-

² ENAR Shadow Report 2010/2011: Sweden, p.8. The incident took place on 18 April at Lund University, at a student gathering that portrayed the transatlantic slave trade by blackening students’ faces and tying ropes around their necks, and then leading them to a hall for ‘sale’ by a White ‘slave trader’.

³ European Fundamental Rights Agency, EU-MIDIS: European Union Minorities and Discrimination Survey. URL: http://fra.europa.eu/fraWebsite/eumidis/index_en.htm

phere and a few numbers to Europe. The Arab slave trade on the other hand drew slaves from the interior parts of West Africa, East Africa and Parts of Southern Africa. They ended up in the Middle East and some islands in the Indian Ocean.

It is estimated that a total of 2.13 million Africans were exported to British Colonies in America and the West Indies at a rate of 20,095 a year. By the year 1790 the total number of Africans Exported to the Western hemisphere by Europeans was at an average of 74,000 a year⁴. From 1680 to 1920 about 800,000 Africans were exported to Jamaica alone. All these figures are exclusive of those who died during the voyage and those who died even before they set off.

Based on these facts one may therefore define People of African Descent as the descents of Africans who were the victims of the Transatlantic and sub-Saharan slave trade as well as the Mediterranean slave tra⁵.

Defining ‘people of African descent’ is no easy task and indeed various definitions and descriptions exist for different group. The UN Working Group on people of African descent proposed that: People of African descent may be defined as descendants of the African victims of the trans-Atlantic and Mediterranean Sea slave trade. The group includes those of the sub-Saharan slave trade. But personally I think this definition is not complete. It does not cover those who are not descendants of the trans-Atlantic slave trade, but still suffer from racial discrimination just for being African. Fox example descendants of African migrants, or Africans leaving abroad who naturalize to become citizens of another country⁶.

⁴ GERI. URL: <http://www.geriproject.org/>, accessed 19 September 2011.

⁵ See for instance: ENAR Shadow Report 2010/2011: Germany. P. 22; ENAR Shadow Report 2010/2011: Malta, P. 21, ENAR Shadow Report 2010/2011: Italy. P. 12.

⁶ For the association’s activity report of 2010. URL: http://fraubock.at/download/tb/Taetigkeitsbericht_2010.pdf, accessed 23 August 2011.

In the United States, the Civil War abolished slavery and struck a great blow to racism. But racism itself wasn't abolished. On the contrary, just as racism was created to justify colonial slavery, racism as an ideology was refashioned. It now no longer justified the enslavement of Blacks, but it justified second-class status for Blacks as wage laborers and sharecroppers. Slavery disappeared, but racism remained as a means to justify the enslavement of millions of people by the U.S and various European powers⁷.

At the launch of a day of discussions on discrimination faced by people of African descent, Anwar Kemal, Chair of the UN Committee on Elimination of Racial Discrimination, noted that throughout history, people of African descent had borne a disproportionate impact of racial discrimination through greater joblessness, physical insecurity, inadequate housing and health-care, lower life expectancy, and many other disadvantages.

Women and children of African descent often suffer first and most severely the effects of racism, sexism, caste and class discrimination. Racism, sexism and class frequently form a triangle of discrimination in which many women of colour are trapped in their daily lives⁸.

Victims of caste discrimination suffer the imposition of separate habitation, exclusion due to prohibitions of inter-dining and inter-marriage, untouchability, discrimination and denial of equal opportunity in public life.

Expressions of xenophobia – the rejection of outsiders – are increasingly evident in all regions of the world. Governments are devising more sophisticated ways of preventing would-be migrants and asylum-seekers from reaching their territories. These

⁷ Community Service Society of New York press release, February 23, 2004. URL: http://www.cssny.org/news/releases/2004_0223.html

⁸ The Russell Group represents 20 leading UK universities which are committed to maintain the best research, an outstanding teaching and learning experience and links with business and the public sector.

policies made by such governments are designed to keep people of color out of these countries and to control their population growth. Politicians often use persons of African descent as a scapegoat for domestic political and economic problems. There are increasing incidents of hostility and violence towards foreigners, whether legal migrants, undocumented workers, refugees, or asylum-seekers. Undocumented migrants, particularly migrant women, are especially vulnerable. They have no recourse for redress of any form of violence to which they are subjected.

In the United States for example, Black people remain crowded into the lowest rungs of the ladder. That is, if they can find work at all. While many of the basic industries that once employed Black people have closed down, study after study shows employers to be more likely to hire *a white person with a criminal record* than a Black person without one, and 50 % more likely to follow up on a resume with a “white-sounding” name than an identical resume with a “Black-sounding” name⁹. In New York City, the rate of unemployment for Black men is fully 48 %.

Brazil has a population of more than 190.7 million. With 47.7 per cent of the population identifying as white, 7.6 per cent as “black” (preto), 43.1 per cent as “brown” (pardo), 1.1 per cent as “yellow” and 0.4 per cent indigenous, the 2010 census reported for the first time that Afro-Brazilians make up more than half of the population (96,800,000 people)¹⁰.

Despite making up more than half the country’s population, Afro-Brazilian economic participation is only 20 per cent of gross domestic product. Unemployment is 50 per cent higher among Afro-Brazilians than European descendants and the average monthly income of European descendants nearly double that of Afro-Brazilians. The life expectancy of Afro-Brazilians is only 66 years compared to 72 years for European descendants. Food

⁹ Compulsory course in primary and secondary schools since the academic year 2007/08.

¹⁰ URL: www.carei.org

security remains an issue for Afro-Brazilians; 43 per cent experienced food insecurity compared to 24 per cent of white Brazilians. A total of 52 per cent of Afro-Brazilians lack housing with adequate sanitation, compared to 28 per cent of European descendants, and 26 per cent of Afro-Brazilians living in households without running water, compared to 8 per cent of European descendants¹¹.

Afro-Brazilian women are three times more likely to die in childbirth than white women, owing, in part, to low-quality prenatal care. 90 per cent of those deaths could be preventable with access to adequate health care. The root causes of high maternal mortality rates (MMR) include socio-economic, regional, gender and racial disparities in health care. MMR is disproportionately high in the north and north-east of Brazil, as high as 73 per 1,000 due to inequality in health-care provision¹². According to the Ministry of Health, Afro-Brazilian women are 50 per cent more likely to die of obstetric-related causes than white women. They receive lower quality health-care services, including less prenatal visits and when they do, less information is provided.

Migrant workers and refugees of African descent may experience multiple forms of discrimination on the grounds of their ethnicity, social or economic status and nationality or immigration situation. Many of them come from Colombia, Haiti, Cuba or African countries. They experience abuse related both to xenophobia, owing to their status as foreigners, and to racism, owing to their racial and ethnic origin. They often encounter barriers in gaining employment. Many resort to precarious jobs in the informal sector, often in dangerous conditions, and are extremely vulnerable to abuse. For many of these migrants and refugees, access to health services, education, housing and social security is also

¹¹ URL: <http://www.humanrights.org.lv/html/lv/aktual/publ/30477.html>, accessed 10 August 2011

¹² URL: <http://www.thenews.pl/1/10/Artykul/23675,%E2%80%98Whites-onlynightclubs-in-Warsaw>

restricted. Many are forced into informal and exploitative work situations and are unable to seek protection or claim workers' rights¹³.

Many women of African descent have to endure stressful employment situations, working two or three jobs in order to support their families as single mothers. This has adverse effects upon their children, who do not have a parent present for most of the day. Taking into account the educational level of women of African descent, the prevailing differences in salaries between men and women, the cost of childcare services and transportation problems, employment is becoming unrewarding for many African American women. So in this context, it may sometimes be more attractive to receive social welfare than to work.

In Poland, Africans complain that they are paid less for the same work carried out by Polish workers. Similarly in Malta, anecdotal evidence indicates that African migrants are often paid much less, and sometimes half of what their Maltese counterparts are paid, for the same work. In Germany, recruitment agencies make job application procedures extremely difficult for Afro-Germans to advance further.

In Latvia, while most members of the African community hold university diplomas, few were able to find a job relevant to their educational level.

Based on the national Shadow Reports of the European Network Against Racism, it is difficult to identify manifestations of racism and racial discrimination in the field of healthcare that are particular to people of African descent. One trend that emerged, however, is that most manifestations impact this group more severely than they do other groups. This includes problems with accessing services, the quality of the services received, the linguistic and cultural appropriateness of those services, receiving

¹³ European Fundamental Rights Agency, EU-MIDIS: European Union Minorities and Discrimination Survey. URL: http://fra.europa.eu/fraWebsite/eumidis/index_en.htm

rude treatment by other patients and medical personnel, as well as lower health outcomes.

In the context of ethnic profiling, one's appearance is a critical factor. This results in people of African origin being particularly vulnerable in this context. Most national reports specifically indicate that people of African descent are among the groups that suffer the most from ethnic profiling, discrimination in the implementation of counter-terrorism policies, as well as victimization in racially motivated crimes, including attacks on their person and property¹⁴. People of African descent are clearly at a disadvantage in the context of the criminal justice system. This is evident by the cases of Blacks being subjugated to violence at clubs, such as in a university town in Estonia, and to being four times more likely of being recorded and stored in a criminal record data, as evident in the UK.

The factors that lead to poverty among people of African descent is mainly structural. Discrimination are apparent in the unequal access these groups have to basic services. People of African descent are often disadvantaged, for example, in access to education, health-care, markets, loans and technology¹⁵.

The full exercise of human rights by people of African descent depends significantly on their access to education which is fundamental to human development. A combination of greater access to education, completion of each phase of education and higher-quality teaching is not only necessary to guarantee basic social rights, but also has a positive effect on economic growth and equity, by building up human capital, improving the health of the population and strengthening society in general¹⁶.

I think that social investment in childhood and youth as a strategy to combat poverty, can help to prevent the continued ex-

¹⁴ GERI, <http://www.geriproject.org/>

¹⁵ ENAR Shadow Report 2010/2011: Germany, p.22, ENAR Shadow Report 2010/2011: Malta, p. 21, ENAR Shadow Report 2010/2011: Italy, p.12

¹⁶ For the association's activity report of 2010. URL: http://fraubock.at/download/tb/Taetigkeitsbericht_2010.pdf

clusion of a new generation of people of African descent from the benefits of economic, social and human development.

The discrimination faced by people of African descent is now receiving greater attention and as a result, Afro-descendant groups have increasingly made their voices heard in the policy process¹⁷.

The impact of the 2001 World Conference against Racism on people of African descent, particularly in the Latin American and Caribbean region, was substantial. The World Conference created a momentum that helped people of African descent to articulate their concerns and rally support. Furthermore, it generated a movement advocating for the promotion and protection of their human rights that has helped strengthen grassroots campaigns around the world¹⁸.

At the national level, many countries have amended their constitutions to include clearer references to their multicultural characters. Some States have created national institutions to promote racial equality. In some countries, legislation has been adopted, which includes affirmative action policies for education, targeted health programs and other initiatives of interest to people of African descent.

Although these processes have resulted in more visibility for people of African descent and to some extent have increased their empowerment, there are still problems ensuring they are not excluded from fully exercising their human rights. The current global economic crisis which threatens to undermine access to work, affordable food and housing, health care and education is a serious risk to the situation of people of African descent, as well as that of all marginalized and vulnerable groups.

¹⁷ "The Mark of a Criminal Record," *American Journal of Sociology*, Volume 108, Number 5, March 2003, pp. 937-75.

¹⁸ Community Service Society of New York press release, February 23, 2004. URL: http://www.cssny.org/news/releases/2004_0223.html

**ЗАЩИТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ
В АФРИКАНСКОМ СУДЕ ПО ПРАВАМ
ЧЕЛОВЕКА И НАРОДОВ:
ДЕЛО «МТИКИЛА И ДРУГИЕ ПРОТИВ ТАНЗАНИИ»**

Букуру Жан-Батист

*магистрант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов
117198 Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 13; bukurujb@mail.ru*

Данное дело касается законодательных положений Объединенной Республики Танзании, которые устанавливают, что кандидаты, баллотирующиеся в местные органы власти, парламентские и президентские выборы, должны быть членами зарегистрированной политической партии и тем самым был установлен запрет отдельным гражданам выдвигать свои кандидатуры в качестве независимых кандидатов. Изначально были поданы две жалобы, которые совпадали по существу и основаниям, вследствие чего АСПЧН принял определение об объединении и рассмотрении данных жалоб в одном процессе¹. Первым заявителем являлись Юридическая фирма Танганьики и Центр прав человека (Tanganyika Law Society and Legal and Human Rights Centre), осуществляющие свою деятельность в Танзании, а вторым заявителем являлся гражданин Танзании, Пастор одной церкви, Кристофер Мтикила. Ответчиком по данному делу являлась Объединенная Республика Танзания. Необходимо отметить, что Танзания является одним из немногих государств, которые ратифицировали Протокол к Африканской хартии прав человека о создании Африканского суда по правам человека и народов и сделали специальные заявления о признании компетенции АСПЧН по принятию и рассмотрению жалоб, непосредст-

¹ URL: <http://www.african-court.org/en/images/documents/case/Order%20for%20Joinder%20in%20Mtikila.pdf>

венно поданных в суд гражданами и неправительственными организациями без первоначального обращения в Африканскую комиссию по правам человека и народов.

Следует обратить внимание на то, как данное дело было рассмотрено на национальном уровне. Жалоба Мтикилы касалась восьмой поправки к Конституции Объединенной Республики Танзании. Данная поправка гласила, что для участия в президентских, парламентских и местных выборах любой кандидат должен быть членом политической партии и должен выдвигаться этой партией.

В 1993 г. пастор Кристофер Мтикила подал конституционную жалобу в Верховный Суд Танзании. Данное дело было зарегистрировано под № 5 от 1993 г. об оспаривании поправок к ст. 39, 67 и 77 Конституции Объединенной Республики Танзании и к разделу 39 Закона о выборах местных органов власти 1979 г., с внесениями поправок к закону № 7 от 2002 г. в соответствии с восьмой поправкой к Конституции. Заявитель утверждал, что данный закон о внесении изменений в Конституцию противоречит самой Конституции, и поэтому просил Верховный суд страны признать его недействительным².

16 октября 1994 г. в парламент был принят законопроект (одиннадцатая поправка к Конституции Законом № 34 от 1994 г.) в целях установления запрета отдельным лицам выдвигать свои кандидатуры самостоятельно в качестве независимых кандидатов в президентские и парламентские выборы без участия в политических партиях.

24 октября 1994 г. Верховный суд Танзании вынес свое решение по данному делу в пользу истца Мтикилы и установил, что независимые кандидатуры на президентских, парламентских и местных выборах разрешены законом.

² In the High Court of Tanzania at Dodoma, Civil Case No. 5 of 1993, Rev. Christopher Mtikila (Plaintiff) versus The Attorney General (Defendant), Ruling, 27 October 1994.

2 декабря 1994 г. Национальная ассамблея Танзании приняла закон (Одиннадцатая поправка к Конституции Законом № 34 от 1994 г.), целью которого являлось сохранение изначального положения Конституции путем внесения изменений в ст. 21 (1) Конституции Объединенной Республики Танзании. Данный закон вступил в силу 17 января 1995 г. и тем самым противоречил решению Верховного Суда по делу № 5 от 1993 г.

В 2005 г. пастор Мтикила Кристофер подал исковое заявление в Верховный суд Танзании против Генерального прокурора. В своем заявлении он оспаривает конституционность внесенных изменений в ст. 39, 67 и 77 Конституции Республики Танзании, содержащихся в одиннадцатой поправке к Конституции от 1994 г. 5 мая 2006 г. Верховный суд Танзании вновь вынес решение в пользу истца, постановив, что оспариваемые поправки нарушают демократические принципы и доктрину о базовых принципах, закрепленные в Конституции. По данному решению Верховный суд признал правомерность участия независимых кандидатов в президентских, парламентских и местных выборах³.

В 2009 г. Генеральный прокурор Танзании подал апелляционную жалобу на решение Верховного суда в суд апелляционной инстанции. Апелляционный суд принял окончательное решение по данному делу, но не в пользу истца. В своем решении от 17 июня 2010 г., апелляционный суд отменил решение Верховного Суда от 5 мая 2007 г., тем самым запретил независимым кандидатам баллотироваться в президентские, парламентские и местные выборы⁴.

³ In the High Court of Tanzania (Dar es Salaam Main Registry) at Dar es Salaam, Misc. Civil Cause No. 10 of 2005, Christopher Mtikila (Petitioner) versus The Attorney (sic) General (Respondent), Judgment, 5 May 2006.

⁴ The Court of Appeal of Tanzania at Dar es Salaam, Civil Appeal No. 45 of 2009 between The Honourable Attorney General (Appellant) and Reverend Christopher Mtikila (Respondent)(Appeal from the Judgment of the High

Апелляционный суд постановил, что дело было политическим, и поэтому может быть решено парламентом. Парламент тогда инициировал консультативный процесс, направленный на получение мнений граждан Танзании по поводу возможного изменения Конституции, но не было конкретного решения.

14 июня 2013 г. Африканский суд по правам человека и народов вынес решение по данному делу, и судьи единогласно признали, что запрет Танзании независимым кандидатам самостоятельно баллотироваться в парламентские и президентские выборы нарушает ст. 2, 3, 10 и 13 (1) Африканской хартии прав человека и народов. В заключении Суд вынес решение в пользу Мтикилы. В данном решении в первый раз АСПЧН рассмотрел вопрос о возмещении ущерба.

Кристофер Мтикила утверждал, что запрет на самовыдвижение независимых кандидатов привел его к необходимости присоединиться к другой политической партии для участия в выборах, а позже создал свою собственную политическую партию. Он утверждал, что данный запрет вынуждал его обращаться в суд для защиты и восстановления своих нарушенных политических прав. В своем заявлении он потребовал возмещения издержек и затрат, включая средства, затраченные для создания своей политической партии и участия в выборах, а также судебные издержки на национальном уровне и в АСПЧН. По его мнению, все эти затраты и расходы составляли общую сумму 4 168 667 363 танзанийских шиллингов (около 2,5 млн дол. США). Более того, он потребовал возмещения затрат денежных средств, которые он платил юристам в ходе судебных разбирательств на сумму 60 250 дол. США.

Мтикила также потребовал возмещения морального ущерба, причиненного в результате стресса и действий по

Court of Tanzania at Dar es Salaam dated the 5th day of May, 2006 in Misc. Civil Cause No. 10 of 2005), Judgment of the Court, 17 June 2010.

лиции при проведении обыска, и потери возможности участвовать в управлении делами своей страны. Общая сумма, которой он потребовал за возмещение морального ущерба составила 831 322 637 танзанийских шиллингов (примерно 500 000 \$).

В дополнение к своим требованиям о возмещении убытков, затрат и расходов Мтикила также просил Суд установить сроки в отношении Танзании для исполнения решения Суда, а также чтобы Танзания каждые три месяца предоставляла Суду отчет о выполнении данного решения.

Танзания оспаривала требования по поводу репарации Мтикилы, ссылаясь на то, что вопрос о нарушении Африканской хартии прав человека и народов не возникал на момент, когда он выдвигал свою кандидатуру в качестве независимого кандидата. Государство-ответчик утверждало, что данный вопрос о нарушении положений Африканской хартии прав человека и народов возник только после того, как ему отказали в регистрации его политической партии. Танзания заявила о том, что отказ Мтикиле в регистрации его политической партии был основан на том, что его партия не отвечала законодательным требованиям, предъявляемым ко всем политическим партиям и, следовательно, не может утверждать, что был лишен возможности участвовать в делах государства или принужден к вступлению в политическую партию⁵.

Кроме того, Танзания заявила, что поскольку Мтикиле не соблюдал положения закона о выборах и требования конституции, он не может требовать возмещения ущерба. По мнению ответчика, возмещение ущерба можно осуществлять только за нарушение законных прав, и поскольку его действия противоречили действовавшему законодательству в

⁵ Решение АСПЧН по делу № 009/2011 – 011/2011. URL: <http://www.african-court.org/en/images/documents/Court/Cases/Judgment/Judgment%20Application%20009-011-2011%20Rev%20Christopher%20Mtikila%20v.%20Tanzania.pdf>

стране, он не имеет право требовать возмещения причиненного вреда.

Мы считаем, что данное обоснование отказа в возмещении причиненного вреда является частично неверным, поскольку принятый закон может быть несправедливым и нарушать права человека, поскольку в каждом законе закреплены определенные интересы.

Государство-ответчик также утверждало, что требования Мтикилы относительно морального ущерба и потери возможности участвовать в государственных делах были преувеличены. В поддержку этого Танзания заявила, что потеря возможности участвовать в государственных делах государства вызвана «разнообразными и непредсказуемыми политическими, социальными и экономическими факторами» и что Мтикила добровольно участвовал в разных политических партиях и процессах без принуждения. Кроме того, государство-ответчик заявило, что предусмотренная сумма 25 000 танзанийских шиллингов для предварительной регистрации партии была оспорена Мтикилой тогда, как он должен был соблюдать законную процедуру регистрации партии, и, следовательно, эта потеря участвовать в выборах могла быть преодолена, так как это было требование закона.

Танзания признала, что пересмотр конституции является достаточным способом возмещения нематериального ущерба. Танзания также утверждала, что расходы и издержки, возмещения которых требует Мтикила, были преувеличены. Это означало, что расходы, связанные с участием Мтикилы в предвыборной агитации и в президентских выборах в качестве независимого кандидата также не должны быть возмещены, так как Танзания не позволила независимым кандидатам участвовать в выборах.

Танзания далее говорила о том, что полученные доходы и совершенные расходы Мтикилы не соответствовали Закону о политических партиях и Закону о финансировании выборов, а также «придуманы и преувеличены». В связи с

этим государство-ответчик просило Суд, чтобы ему была предоставлена достаточная возможность оспорить и проверить достоверность и правомерность этих расходов, которых заявитель требует возместить.

Танзания также утверждала, что требования Мтикилы для возмещения расходов в связи с судебным разбирательством на национальном уровне противоречит правилу суда, согласно которому каждая сторона несет свои собственные расходы. Танзания отметила, что Мтикиле не удалось подробно раскрыть свои расходы или предоставить доказательства. Государство-ответчик утверждало, что, поскольку национальный суд не назначал компенсацию судебных издержек, АСПЧН не должен назначать эту компенсацию, поскольку это может ущемлять юрисдикцию национальных судов. Танзания также оспаривает претензии Мтикилы для возмещения судебных расходов при рассмотрении дела в АСПЧ, ссылаясь на то, что Мтикила пользовался бесплатной юридической помощью.

В ответ Мтикила утверждал, что затраты на создание своей политической партии и последующие расходы на ее обеспечение были вызваны исключительно запретом Танзании на независимых кандидатов, что является нарушением Африканской хартии прав человека и народов. Он утверждал, что обращение в суд являлось естественным следствием запрета на независимых кандидатов и что претензии, связанные с стрессом и моральным ущербом, являются вопросом здравого смысла, поскольку создание политической партии и проведение предвыборных кампаний потребовало полного рабочего времени и помешало ему заниматься другими важными делами, в частности исполнением своих религиозных обязанностей.

Что касается претензий для возмещения затрат на оказанную ему юридическую помощь в судебном разбирательстве, Мтикила утверждал, что расходы должны быть возложены на Танзанию, так как данное государство должно нести

ответственность за нарушение положений Африканской хартии прав человека и народов, в частности, с того момента, когда его требование о предоставлении правовой помощи ему было отказано. Он требовал, чтобы АСПЧН назначал определенный срок в течение, которого Танзания должна привести конституцию в соответствии с решением Суда и Африканской хартией прав человека и народов.

В результате рассмотрения данного дела, Суд установил, что существует фундаментальный принцип международного права, согласно которому нарушение международного обязательства причиняет вред, и тем самым возникает обязательство обеспечить адекватную компенсацию, и что этот принцип отражен в ст. 27 (1) Протокола к Африканской хартии о создании Африканского суда по правам человека и народов.

Что касается материального ущерба, суд признал судебную практику Африканской комиссии по правам человека и народов (Комиссия), согласно которой государство, которое нарушило права, закрепленные в Африканской хартии прав человека и народов должно принять меры по обеспечению восстановления прав жертв, включая реституцию и компенсацию⁶. Однако АСПЧН указал, что в то время как Комиссия признала право жертв на компенсацию, она не определила, какие факторы и обстоятельства государствам следует принимать во внимание при оценке надлежащей компенсации, хотя она отметила, что государство должно компенсировать жертве за пытки и травмы, от которых последняя пострадала в соответствии с международными стандартами и обеспечить выплату компенсационного пособия. Суд также посмотрел практику Межамериканского суда по правам че-

⁶ Consolidated communications 279/03 and 296/05 Sudan Human Rights Organisation and Centre on Housing Rights and Evictions (COHRE) v Sudan Twenty Eight Activity Report: November 2009 – May 2010 paragraph 229(d).

ловека (МАСПЧ) и обнаружил, что были случаи по материальной компенсации причиненного вреда⁷.

Суд отметил, что Мтикила представил материалы о расходах и убытках, но постановил, что в них нет достаточных элементов доказывания, которые могли позволить установить, что эти повреждения непосредственно возникли в результате фактов этого дела и нарушений государством-ответчиком Африканской хартии прав человека и народов. Суд также отметил, что Мтикила изначально говорил, что он представит доказательства во время слушания и не смог представить эти доказательства в письменных материалах или показать какие-либо квитанции в поддержку своих претензий. Следовательно, АСПЧН установил отсутствие доказательств, чтобы доказать причинную связь (causal nexus) между фактами дела, действиями государства-ответчика и расходами и убытками, заявленными Мтикилой. В связи с этим АСПЧН отклонил требования Мтикилы по возмещению материального ущерба.

Суд пришел к выводу о том, что недостаточно только доказать, что государство нарушило одно из положений Хартии, также необходимо доказать причиненный ущерб, и что, в принципе, наличие нарушений положений Хартии само по себе недостаточно, чтобы установить материальный ущерб.

Что касается морального вреда, Суд напомнил, что моральный ущерб не является ущербом, повлекшим экономические потери, но включает в себя страдания и переживания, причиненные потерпевшему, эмоциональное расстройство членов его семьи и нематериальные изменения в условиях жизни потерпевшего и семьи. Суд вновь напомнил о правовой практике Африканской Комиссии по правам человека и народов по компенсации за пытки и травмы, а также о

⁷ Решение Межамериканского суда по правам человека по делу Бамака-Веласкес против Гватемалы. Inter-American Court of Human Rights v. Guatemala. Judgment of 25 November 2000. Series C. N 70 (Merits).

практике Межамериканского суда по правам человека, который установил, что нематериальные убытки могут включать в себя страдания и расстройство, причиненные непосредственно жертве и его близким родственникам, а также ухудшение ценностей, которые очень значимы для них, а также изменения нематериального характера в условиях жизни потерпевшего или его семьи. Суд также посмотрел практику Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) о присуждении компенсации морального вреда, который отметил, что моральный ущерб может включать в себя боли и страдания, мучения и потерю возможности, но АСПЧН отметил, что требования по возмещению данного вида ущерба были удовлетворены в некоторых случаях, в то время как в других случаях ЕСПЧ в этом отказался.

Суд установил, что в данном случае Мтикилка не смог представить доказательства в утверждение, что непосредственной причиной ущерба в размере указанной суммы в своей жалобе являлись действия государства-ответчика. Несмотря на то, что АСПЧН отказался удовлетворить требования заявителя по материальному возмещению вреда, он заявил, что признание в своем решении наличия нарушений государством прав Мтикилы и других является по сути удовлетворением требованию заявителей по возмещению морального ущерба.

Что касается судебных расходов, Суд признал, что расходы и издержки составляют часть репарации. Суд установил, однако, что Мтикила должен был предоставить доказательные документы и разработать аргументы, связанные с доказательствами, четко определить финансовые претензии и обосновать их. Суд заявил, что заявитель несет бремя доказывания, и в данном случае Мтикила не мог должным образом обосновать свои претензии. Суд также отметил, что в судебном процессе каждая сторона несет свои собственные расходы.

Что касается правомерности действия Танзании, Суд отметил, что ошибочным является ответ Танзании, в котором она утверждала, что действовала правомерно, так как закон в Танзании запрещает независимым кандидатам баллотироваться на выборах. Суд выразил свою озабоченность по поводу данного аргумента и дал Танзании срок 6 месяцев с момента вступления решения Суда в силу для предоставления отчета о принятых мерах по исполнению решения Суда, и тем самым удовлетворил требования заявителя относительно проверки выполнения вынесенного решения.

Суд в своем решении установил, что Танзания нарушила следующие права Мтикилы: право гражданина свободно участвовать в управлении своей страной либо непосредственно либо через представителей (ст. 13 Хартии), право на свободу ассоциации (ст. 10 Хартии), принцип недискриминации (ст. ст. 2, 3 Хартии).

Суд постановил, что Танзания должна в течение шести месяцев с момента принятия решения о репарациях: (I) опубликовать за свой счет решение Суда по данному делу и его официальный перевод с английского языка на суахили, т.е. опубликовать решение на английском языке и суахили один раз в официальном издании и один раз в национальной газете; и (II) опубликовать решение АСПЧН полностью на английском языке на официальном сайте, при этом решение должно находиться на данном сайте в течение одного года. Суд постановил, что Танзания должна по истечении девяти месяцев с момента принятия окончательного решения представить в Суд отчет о выполнении вышеупомянутых мер.

Соответственно, суд отклонил требования Мтикилы о возмещении материального ущерба и установил, что принятые меры в отношении государства-ответчика достаточны для возмещения нематериального ущерба, отклонил также требования о взыскании судебных расходов с ответчика, и подтвердил, что каждая сторона должна нести свои собственные расходы.

СОХРАНЕНИЕ МЕГАФАУНЫ САХАРО-САХЕЛЬСКОГО РЕГИОНА – МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНИЦИАТИВА В РАМКАХ БОННСКОЙ КОНВЕНЦИИ ПО СОХРАНЕНИЮ МИГРИРУЮЩИХ ВИДОВ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ 1979 ГОДА

Гугунский Денис Андреевич

*соискатель кафедры международного права
Российского университета дружбы народов
gugunskiy_da@pfur.ru*

Дикие животные являются незаменимой частью природной системы Земли, и каждое поколение людей является хранителем природных ресурсов для будущих поколений и обязано обеспечить сохранность этого наследия. Из полутора миллионов видов животных примерно десять тысяч относятся к категории мигрирующих¹. Несмотря на то, что люди осознают ценность и значимость мигрирующих видов, зачастую находятся и те, кто извлекает личную выгоду, занимаясь промышленным рыболовством и убивая животных из автоматического оружия; водно-болотные угодья, леса и места обитания поглощаются промышленностью и городской инфраструктурой. Дамбы становятся препятствиями для маршрутов миграции рыб, а птицы рискуют столкнуться с линиями электропередач². Признавая важность сохранения мигрирующих видов и согласования государствами ареала

¹ CMS Brochure: «Convention on Migratory Species serving animals on the move» // CMS Publications. 2008. P. 2.

² Гугунский Д.А. Международно-правовое значение Конвенции о мигрирующих видах диких животных 1979 г. // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Москва, 8–9 апреля 2011 г.: в 2 ч / отв. ред. А.Х. Абашидзе, Е.В. Киселева. М.: РУДН, 2012. Ч. II. С. 324.

принимаемых в этих целях мер, в 1979 г. в г. Бонн (Германия) под эгидой ООН была принята Конвенция по сохранению мигрирующих видов диких животных (далее – Боннская конвенция или Конвенция). В Конвенции отмечено, что стороны признают необходимость принятия мер, направленных на предотвращение угрозы исчезновения мигрирующих видов, а также стороны должны: способствовать осуществлению научных исследований, относящихся к мигрирующим видам, и сотрудничать в их осуществлении; прилагать усилия к обеспечению незамедлительной охраны мигрирующих видов, включенных в Приложение I к Конвенции; прилагать усилия к заключению соглашений о сохранении включенных в Приложение II к Конвенции мигрирующих видов и управлении ими. Стоит отметить, что Конвенция является рамочной³ и сейчас уже заключено 7 соглашений⁴ и 19 меморандумов о взаимопонимании⁵. В рамках Боннской конвенции

³ Это означает, что в документе определяется договоренность сторон о том, как будет происходить сотрудничество. Условия рамочного соглашения не являются окончательными и могут быть подкреплены дополнительными соглашениями, например приложениями либо протоколами. Конвенция по сохранению мигрирующих видов стала одной из первых рамочных конвенций в сфере защиты окружающей среды.

⁴ Соглашения, направленные на сохранение: популяций европейских летучих мышей (10 сентября 1991 г.); китообразных Средиземного, Черного морей и прилегающего района Атлантического океана (24 ноября 1996 г.); малых китообразных Балтийского моря, северо-восточной Атлантики, Ирландского и Северного морей (13 сентября 1991 г.); тюленей Ваттова моря (16 октября 1990 г.); афро-евразийских мигрирующих водоплавающих птиц (16 июня 1995 г.); альбатросов и буревестников (качуурок) (2 февраля 2001 г.); горилл и их местообитаний (24 октября 2007 г.).

⁵ Меморандумы о взаимопонимании, направленные на сохранение: сибирского журавля (1 июля 1993 г., пересмотренный текст — 1 января 1999 г.); тонкоклового кроншнепа (10 сентября 1994 г.); морских черепах Атлантического побережья Африки (29 мая 1999 г.); морских черепах и их местообитаний в Индийском океане и Юго-Восточной Азии (23 июня 2001 г.); среднеевропейских популяций большой дрофы (5 октября 2000 г.); бухарского оленя (16 мая 2002 г.); вертлявой камышевки (водя-

также были созданы специальные инициативы (программы): Инициатива по защите млекопитающих в Центральной Азии; «Пути миграции птиц в Средней Азии» и «Сахаро-сахельская мегафауна», о которой далее пойдет речь.

В целях восстановления и поддержания популяции газелей и антилоп в Сахаре и Сахеле всеми 14 странами ареала⁶ под эгидой Конвенции в 1998 г. был принят План действий о сохранении и восстановлении популяции антилоп⁷. Этот специальный документ стал основой для государств, НПО, ученых, местного населения и в целом международного сообщества для сотрудничества в деле сохранения популяции наиболее редких видов антилоп и газелей, обитающих в Северной Африке. План действий касается в общей сложности шести видов⁸, пять из которых эндемичны для данного региона: антилопа мендес (*Addax nasomaculatus*), газель Кювье (*Gazella cuvieri*), газель-дама (*Nanger dama*), сахарский орикс (*Oryx dammah*) и песчаная газель (*Gazella leptoceros*); а шестой вид – газель-доркас (*Gazella dorcas*) – распространен не только в сахаро-сахельском регионе. В настоящее время

ной славки) (30 апреля 2003 г.); западноафриканских популяций африканского слона (22 ноября 2005 г.); сайги (23 ноября 2005 г.); китообразных и их местообитаний в регионе тихоокеанских островов (15 сентября 2006 г.); дюгоной и их местообитаний (31 октября 2007 г.); восточно-атлантических популяций средиземноморского тюленя-монаха (18 октября 2007 г.); красноголового гуся (21 ноября 2006 г.); луговых птиц южной части Южной Америки (26 августа 2007 г.); хищных птиц Африки и Евразии (22 октября 2008 г.); ламантинов и малых китообразных западной части Африки и Макаронезии (3 октября 2008 г.); высокоандских фламинго и их местообитаний (4 декабря 2008 г.); акул (12 февраля 2010 г.); южноандского оленя (4 декабря 2010 г.).

⁶ Сейчас 15 стран, в связи с отделением Южного Судана: Алжир, Буркина-Фасо, Чад, Египет, Эфиопия, Ливия, Мали, Мавритания, Марокко, Нигер, Нигерия, Сенегал, Южный Судан, Судан, Тунис.

⁷ Action Plan for the Conservation and restoration of Sahelo-Saharan Antelopes. UNEP/CMS Secretariat. Bonn. 1998.

⁸ Относятся к мигрирующим видам, находящимся под угрозой исчезновения. См. Приложение I к Боннской конвенции.

План действий обновляется под председательством Группы специалистов по антилопам Международного союза охраны природы (далее - МСОП) при финансировании, предоставленном Фондом охраны природы и оздоровления окружающей среды, относящемуся к Службе охраны рыбных ресурсов и диких животных США. Предполагается, что в обновленный План действий будут добавлены краснолобая газель⁹ и гривистый баран¹⁰. Именно потенциальное расширение круга охраняемых крупных животных сахаро-сахельского региона привело к формированию инициативы «Сахаро-сахельская мегафауна»¹¹ и принятию нового плана в дальнейшем.

В реализации Плана действий активно участвуют НПО: «Noé Conservation»¹², Королевский бельгийский институт естественных наук (IRSNB) и Фонд охраны природы Сахары.

Чрезмерный промысел и деградация среды обитания являются основными угрозами для крупных травоядных в Северной Африке. В результате сахарские ориксы (вид антилоп) уже не встречаются в дикой природе. Последнее подтвержденное наблюдение этого вида имело место в 1988 г. в Нигере. Ситуация с антилопой мендес и газелью-дамой немного лучше – имеются разрозненные стада в Нигере и Чаде, общая численность которых составляет всего несколько сотен особей. Песчаная газель и газель Кювье находятся также под угрозой исчезновения – в дикой природе их осталось всего несколько тысяч, а песчаных газелей, лишь несколько сотен. Популяция газелей-доркас больше, однако, и их численность в Северной Африке также быстро сокращается.

⁹ *Eudorcas rufifrons*. Вид был внесен в Приложение I к Конвенции на Конференции сторон в 2014 г. См.: UNEP/CMS/COP11/Doc.24.1.

¹⁰ *Ammotragus lervia*, См. Приложение II к Боннской конвенции.

¹¹ Мегафауна в современной зоологии и палеонтологии совокупность видов животных, чья масса тела превышает 40–45 кг.

¹² Общественная организация Noé Conservation, занимающаяся защитой биологического разнообразия на земле.

На данный момент отсутствуют точные данные мониторинга численности по всем видам, перечисленным в Плане действий.

План действий по сохранению и восстановлению численности антилоп сахаро-сахельского региона и среды их обитания предоставляет дорожную карту всем участникам проекта по сохранению популяций и сред обитания во всём их ареале. Он включает в себя три основные цели:

- улучшить понимание демографической ситуации касательно шести целевых видов, что предполагает исследования во всем ареале;

- восстановить популяции и среды обитания, включая реинтродукцию особей в места их исторического обитания и сокращение чрезмерного промысла с помощью применения таких мер, как повышение осведомленности и создание для общин механизмов, стимулирующих их сохранять сахаро-сахельскую мегафауну;

- укрепить международное сотрудничество, подразумевающее, в том числе, обмен информацией и техническими знаниями.

С 1994 г. участники Боннской конвенции и страны ареала регулярно пересматривают статус и потребности в области сохранения крупных млекопитающих в Северной Африке. В рамках Плана действий, касающегося сахаро-сахельских антилоп, был проведен ряд встреч на государственном уровне и реализован ряд проектов, в том числе крупные, которые были профинансированы Францией и ЕС. В результате были составлены отчеты о состоянии дел, План действий регулярно обновлялся и, самое важное, в странах обитания данных видов были предприняты природоохранные меры. Например, в 2007 г. орикс и антилопа мендес вновь появились в Тунисе, где они сегодня находятся на нескольких охраняемых территориях под строгим контролем. Совсем недавно в восточном Нигере для защиты последнего места обитания антилопы мендес в регионах горного массива

Термит и Тин-Тумма была создана крупнейшая в Африке охраняемая территория.

Фонд охраны природы Сахары (ФОПС) в значительной мере способствует реализации целей Плана действий в рамках своих проектов и программ в Сенегале, Тунисе, Алжире, Чаде и Нигере. Приоритетным является сохранение антилоп мендес и газелей-дам в Нигере и Чаде, газелей-доркас в Чаде, а также реинтродукция таких видов, как антилопа мендес и орикс в Тунисе, Сенегале и Чаде. Кроме этого, в рамках «Сахарского исследования дикой природы», проведенного ФОПС, был сделан мониторинг животного мира и среды обитания во многих местах в Тунисе, Чаде и Нигере. Впервые за несколько десятилетий была сделана актуальная оценка природоохранного статуса многих видов, в том числе и тех, которые перечислены в Приложении I к Конвенции.

С 2013 г. НПО «Noé Conservation» вносит свой вклад в реализацию Плана действий, осуществляя свой проект в природном национальном заповеднике в Нигере (регионы горного массива Термит и Тин-Тумма). В этом новом заповеднике «Noé Conservation» фокусирует свои усилия на создании структуры управления с широким участием через укрепление местного потенциала. Этот проект проводится при тесном сотрудничестве с местными природоохранными органами, при институциональной и финансовой поддержке ФОПС и финансовой поддержке Французского агентства развития и региона Иль-де-Франс.

Большое число мигрирующих видов имеет существенное значение для продовольственной безопасности и источников существования человечества. Многие сообщества в Африке напрямую зависят от регулярного притока мигрирующих животных как основы их существования. Охота, рыбалка, туризм и отдых имеют важное экономическое и культурное значение для этого региона. Таким образом, рассматриваемая инициатива «Сахаро-сахельская мегафауна» является важнейшей основой для сохранения и устойчивого использования мигрирующих видов данного региона Африки.

ЗАЩИТА ПРАВ «НЕРОЖДЁННЫХ ДЕТЕЙ» В АФРИКЕ

Кете Карлуш Жорже

*аспирант кафедры административного и международного права
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
308000, Белгород, ул. Победы, д. 85; ketamayame1@hotmail.com*

Вопрос о защите прав «нерождённых детей» в Африке является на сегодняшний день одним из самых обсуждаемых вопросов в Африканских государствах, а также в рамках Африканского Союза, несмотря на то, что на уровне Африканского Союза до сих пор нет ни одного юридического документа, который регулирует вопрос о защите прав «нерождённых детей».

Каждый из нас, ещё не появившись на свет, обладает определёнными правами, которые принадлежат нам в силу самого факта зачатия. При этом права «неродившегося ребёнка» защищаются государством при помощи правовых норм и органов государственной власти, например суда.

Термин «нерождённый» имеет латинское происхождение. *Nasciturus* – тот, кто ещё не родился, тот, кто должен родиться, но неизвестно, родится он живым или нет. Поэтому некоторые юристы считают, что «нерождённые дети» имеют права *in fieri*, т.е. права, которые будут реализованы с момента рождения.¹

Самым дискуссионным моментами выступает право на жизнь и право на наследство «нерожденных детей».

Право на жизнь является неотъемлемым (неотчуждаемым) правом, имеющим естественный характер. Имея характер фундамента системы прав человека, право на жизнь закреплено в многочисленных международных договорах и

¹ Туманова В.А., Энтина Л. М. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике её применения. М.: Норма, 2002

документах, как универсального, так и регионального характера, а также во всех Конституциях африканских государств. Однако зачастую неурегулированным является вопрос, с какого момента начинается право на жизнь.²

Правовое регулирование возникновения права на жизнь и проблема абортот затрагивает важную проблему, для которой на сегодняшний день нет определённого решения в международно-правовом поле.

Такая неурегулированность порождает дискуссионный вопрос о том, обладает ли ещё «не родившийся ребенок» правом на жизнь, распространяются ли на плод нормы международного и внутригосударственного права, гарантирующие право на жизнь.³

Согласно статье 4 Африканской Хартии прав человека и народов: «Человеческая личность неприкосновенна. Каждый человек имеет право на уважение его жизни и личной неприкосновенности. Никто не может быть произвольно лишён этого права». Статья 5 п. 5 Африканской Хартии о правах и благополучии ребёнка гласит, что «каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь, и это право охраняется законом». В связи с этим можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день большая часть африканских международно-правовых актов свидетельствует о том, что теория признания права на жизнь происходит лишь за уже родившимися детьми⁴. Законодательство большинства африканских государств строго защищает право на жизнь «нерождённых детей». В соответствии с уголовным законодательством большинства африканских Государств, аборт строго запрещён в любом случае.

² Право на жизнь для человеческого эмбриона: стоит ли следовать европейской «модели»? Ю.В. Николайчик, асп. 3 г. заочн. ф.о., А.Е. Вашкевич, к.ю.н., доцент [Электронный ресурс]. – 2012. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-166779.html?page=7>. (дата обращения 19.03.2013г.).

³ Африканская Хартия по правам человека и правам народов, 1981,

⁴ Африканская хартия о правах и благосостоянии ребенка. 1990.

В Африке либеральным законодательством в отношении абортот отличаются три государства – Тунис, ЮАР, Кабо-Верде. Причём Тунис – единственный среди арабских стран.⁵

При рассмотрении правового механизма, предусмотренного Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, необходимо отметить, что рассмотрение вопроса о временных ограничениях права на жизнь, определении понятия «каждого», кто находится под защитой, осуществляется в рамках толкований, сделанных Европейской комиссией по правам человека и Европейским судом по правам человека, которые пришли к следующим выводам:

– аборт в целях защиты физического и психического здоровья беременной женщины не противоречит статье 2 Европейской конвенции, а сама статья 2 «не признает абсолютное право ребенка на жизнь», поскольку потребности матери имеют приоритет над «нерожденным ребенком» («Пэтон против Соединенного Королевства»);⁶

– ограничения, предусмотренные как вторым положением пункта 1, так и пунктом 2 статьи 2 по своей природе таковы, что относятся только к уже родившимся лицам и не могут применяться в отношении ребенка, который должен родиться («Н. против Норвегии»);⁷

⁵ Диалло Сираба. Новации в региональных механизмах защиты прав человека в Африке: Будет ли польза делу? // Материалы X школы молодых африканистов России. Москва, 29-30 ноября 2011 г. М.: Институт Африки РАН, 2011. С. 25–26.

⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принимая во внимание Всеобщую декларацию прав человека, провозглашенную Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года

⁷ Карташкин В.А. Международно-правовые механизмы защиты прав человека // Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека. М., 1994. С. 111–123.

– «нерожденный ребенок» не считается «лицом», прямо подпадающим под защиту статьи 2 Конвенции, и, если у «нерожденного ребенка» все-таки есть право на жизнь, оно явно ограничено правами и интересами матери» («В. против Франции»)⁸.

Другим дискуссионным вопросом выступает право на наследство «нерожденных детей».

В соответствии со ст. 66 п. 2 Гражданского Кодекса Республики Анголы реализация права признаётся законом за нерождённым, т.е. это зависит от его рождения⁹.

Не совсем корректно говорить о том, что «неродившийся ребёнок» является наследником по закону. Он является потенциальным наследником. Поэтому, когда у нотариуса имеется информация о зачатом, но ещё не родившемся потенциальном наследнике, то в данной ситуации нотариус просто приостанавливает выдачу свидетельств о праве на наследство другим наследникам по закону.

Если будущий ребенок родится живым, то его мать как законный представитель должна будет подать нотариусу от имени новорождённого заявление о принятии наследства. В этом случае, доли наследников по закону будут определяться с учётом вновь появившегося наследника.

Таким образом, закон защищает потенциальное право на наследство потенциального наследника.¹⁰

Необходимо отметить особенности гражданского законодательства в отношении «нерождённых детей». Так, в соответствии со статьёй 2033 Гражданского Кодекса Республики Анголы, наследниками по завещанию и закону могут быть граждане, находящиеся в живых в момент открытия на-

⁸ Лукашук И.И. Нормы международного права в международной нормативной системе. М.: Спарк, 1997. – 322 с.

⁹ Гражданский Кодекс Республики Анголы, ст. 66 п 2.

¹⁰ Международные акты о правах человека: сборник документов / сост. и авт. вступ. ст. В.А. Карташкин и Е.А. Лукашева. М.: Изд. группа НОРМА–ИНФРА–М, 1998. 784 с.

следства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства.

Кроме того, в гражданском законодательстве таких африканских государств, как Мозамбик, Кабо-Верде и др., закреплены такие же нормы в отношении «нерождённых детей»¹¹.

Таким образом, вопрос о защите прав «нерождённых детей» остается в рамках африканских государств и Африканского Союза, как и в других странах мира, недостаточно разрешенным. Однако запрет на аборт в большинстве африканских государств свидетельствует о тенденции защиты права на жизнь «неродившегося ребенка». В связи с этим Африканский Союз как региональная международная организация с целью развития института защиты прав человека должна принять отдельную Хартию или протокол о защите «прав нерожденных детей».

¹¹ Human Rights; International Documents, 3 vol. (1978). James Avery Joyce 21. International Bill of Human Rights, United Nations, 1988. 321 p.

СУБРЕГИОНАЛЬНОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ УМЕНЬШЕНИЯ ОПАСНОСТИ БЕДСТВИЙ: ОПЫТ ВОСТОЧНОАФРИКАНСКОГО СООБЩЕСТВА (ВАС)

Круглов Дмитрий Андреевич

*аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов*

Увеличение числа и масштабов стихийных бедствий и значительный экономический ущерб, причиняемый ими, ставят перед международным сообществом необходимость уделять пристальное внимание вопросам, связанным с уменьшением опасности бедствий и смягчением их последствий.

Проблемы, вызываемые учащением стихийных бедствий, не могли остаться без внимания ООН. 11 декабря 1987 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 42/169, в которой объявила 1990-е годы Международным десятилетием по уменьшению опасности стихийных бедствий¹. Именно в этот период был дан импульс ряду инициатив на национальном, субрегиональном, региональном и универсальном уровнях, направленных на укрепление международного сотрудничества в данной области. В 1989 г. Генеральная Ассамблея ООН объявила каждую вторую среду октября Международным днем по уменьшению опасности стихийных бедствий², а в 2001 г. постановила продолжать ежегодно от-

¹ Резолюция ГА ООН. Международное десятилетие по уменьшению опасности стихийных бедствий. 11 декабря 1987 г. A/RES/42/169. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/42/169> (дата обращения 3.11.2015 г.).

² Резолюция ГА ООН. Международное десятилетие по уменьшению опасности стихийных бедствий. 22 декабря 1989 г. A/RES/44/236. URL:

мечать этот день «в качестве одного из инструментов, содействующих формированию глобальной культуры уменьшения опасности стихийных бедствий»³.

Говоря о стихийных бедствиях, необходимо отметить, что в большинстве случаев их невозможно предотвратить или каким-либо образом остановить. Речь идет, например, о таких природных явлениях, как землетрясения, извержения вулканов, цунами. По этой причине чрезвычайно важно принимать меры, направленные на создание и развитие систем раннего оповещения о возможных или уже случившихся бедствиях, укрепление потенциала экстренного реагирования на бедствия, оперативное оказание помощи и проведение спасательных операций и т.д.

Также необходимо иметь в виду то, что зачастую последствия природных катастроф имеют трансграничный характер, а преодолевать эти последствия самостоятельно государства не могут. Поэтому в последние два десятилетия в рамках различных межправительственных организаций универсального, регионального и субрегионального уровней принимаются стратегии, программы, планы действий и иные политико-правовые акты, основными целями которых являются уменьшение опасности бедствий, смягчение их последствий и развитие международного сотрудничества в данной области.

Среди этих международных актов необходимо выделить рамочные программы действий, принятые на Всемирных конференциях по уменьшению опасности стихийных бедствий, проходивших в Японии. Первая такая конференция состоялась в 1994 г. в городе Иокогама; главным результатом

<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/44/236> (дата обращения 3.11.2015 г.).

³ Резолюция ГА ООН. Международная стратегия уменьшения опасности бедствий. 21 декабря 2001 г. A/RES/56/195. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/56/195&Lang=R (дата обращения 3.11.2015 г.).

работы конференции стало принятие Июкогамской стратегии по обеспечению более безопасного мира⁴. Вторая Всемирная конференция по уменьшению опасности стихийных бедствий проходила в городе Кобе (префектура Хиого) в январе 2005 г. Результатом работы этой конференции стало принятие Хиогской декларации⁵ и Хиогской рамочной программы действий на 2005–2015 годы⁶.

Третья Всемирная конференция по уменьшению опасности стихийных бедствий состоялась в марте 2015 г. в городе Сендай. Результатом этой конференции стало принятие Заключительной декларации и Рамочной программы действий по уменьшению опасности бедствий на период с 2015 по 2030 годы⁷. В этих документах подчеркивается важность международного сотрудничества на всех уровнях: от местных общин до международных организаций. В Хиогской рамочной программе действий среди мер по достижению её целей зафиксировано положение о важности «поощрения региональных программ» (п. 31 (а)). Таких региональных программ было принято немало, не стал исключением и африканский континент.

В период с 2000 г. по 2015 г. в Африке произошло более 1400 различных бедствий природного характера, в той

⁴ См.: Доклад Всемирной конференции по уменьшению опасности стихийных бедствий. 1994 г. // Док. ООН A/CONF.172/9. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N94/376/06/PDF/N9437606.pdf?OpenElement> (дата обращения 3.11.2015 г.).

⁵ Хиогская декларация от 22 января 2005 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/hyogodecl.shtml (дата обращения 3.11.2015 г.).

⁶ Хиогская рамочная программа действий на 2005–2015 годы: Создание потенциала противодействия бедствиям на уровне государств и общин от 22 января 2005 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hyogoframework.shtml (дата обращения 3.11.2015 г.).

⁷ Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015–2030. URL: http://www.wcdrr.org/uploads/Sendai_Framework_for_Disaster_Risk_Reduction_2015-2030.pdf (дата обращения 3.11.2015 г.).

или иной степени затронувших более 230 миллионов человек, а это более 1/5 части всего населения континента. Эти бедствия унесли жизни 108 тысяч человек, более трех миллионов – лишились жилья⁸. Эти цифры подтверждают заинтересованность африканских государств в принятии мер, направленных на уменьшение опасности бедствий и смягчение их последствий.

В 2004 г. в рамках Африканского союза (АС) и Нового партнерства для развития Африки (НЕПАД) была принята Африканская региональная стратегия по уменьшению опасности бедствий и Программа действий по ее реализации⁹. Подобные стратегии и планы действий были приняты и в рамках многих субрегиональных объединений Африки¹⁰, что, безусловно, является чрезвычайно важным. Однако опыт не всех субрегиональных объединений Африки можно оценить положительно.

Подробнее останавливаясь на опыте Восточноафриканского сообщества (ВАС), следует начать с того, что в учредительном акте этой межправительственной организации (Договоре об учреждении Восточноафриканского сообщества от 30 ноября 1999 г.¹¹), включающей в себя пять восточноафриканских государств (Бурунди, Кения, Руанда, Танзания и Уганда), зафиксировано, что «Государства ... обязуются

⁸ См.: The International Disaster Database – EM-DAT. URL: <http://www.emdat.be/database> (дата обращения 3.11.2015 г.).

⁹ См.: Africa Regional Strategy for Disaster Risk Reduction. URL: <http://www.unisdr.org/we/inform/publications/4038> (дата обращения 3.11.2015 г.).

¹⁰ См. подробнее: Круглов Д.А. Сотрудничество африканских государств в области уменьшения опасности бедствий: международно-правовые аспекты // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6 (85). С. 47–49.

¹¹ Treaty for the Establishment of the East African Community, 30 November, 1999 (as amended on 14 December, 2006 and 20 August, 2007). URL: http://www.eac.int/index.php?option=com_content&view=article&id=303-documents-and-publications&catid=34-body-text-area&Itemid=199 (дата обращения 3.11.2015 г.).

принять необходимые меры по обеспечению готовности к стихийным бедствиям, ... по смягчению их последствий» (п. 1 (d) ст. 112). И хотя ключевыми направлениями деятельности ВАС являются «укрепление экономических, социальных, культурных, политических связей», интеграция и создание «Политической Федерации» (преамбула Договора 1999 г.), его учредители не обошли стороной необходимость принятия совместных действий, направленных на уменьшение опасности бедствий и преодоление их последствий.

В октябре 2011 г. в рамках ВАС начался процесс разработки Стратегии уменьшения опасности бедствий¹². Проект данной Стратегии был разработан в 2012 г. и рассчитан на 2012–2016 гг. Целью данного документа является «уменьшение опасности бедствий в соответствии с Хиогской рамочной программой действий на 2005–2015 гг. и Африканской региональной стратегией по уменьшению опасности бедствий 2004 г.». Такое же положение содержится и в Стратегии развития ВАС на 2011–2016 гг., принятой в 2011 г.¹³ Многие положения и принципы Стратегии уменьшения опасности бедствий ВАС основаны на аналогичных положениях Хиогской рамочной программы действий с учетом специфики субрегиона и во многом через призму управления природными ресурсами.

К сожалению, процесс принятия документа серьезно затянулся. Только 6 октября 2015 г. на сессии Законодательной Ассамблеи ВАС прошло второе и третье чтения по проекту Стратегии, однако документ не был принят¹⁴. Несмотря

¹² См.: East African Community – Disaster Risk Reduction. URL: http://www.environment.eac.int/index.php?option=com_content&view=article&id=184&Itemid=203 (дата обращения 3.11.2015 г.).

¹³ EAC Development Strategy (2011/12 – 2015/16) Deepening and Accelerating Integration. P. 65. URL: http://www.eac.int/index.php?option=com_docman&task=cat_view&gid=155&Itemid=163 (дата обращения 3.11.2015 г.).

¹⁴ EALA Plenary Commences in Nairobi. East African Community Web Site. URL: http://www.eac.int/index.php?option=com_content&view=article&id

на наличие определенных стремлений, меры, предпринимаемые государствами – членами ВАС, вряд ли можно назвать действенными, учитывая то, что укрепление международного сотрудничества в области уменьшения опасности бедствий и преодоления их последствий необходимо, по крайней мере, для достижения целей, с которыми создавалось Восточноафриканское сообщество. Национальным правительствам следует уделять больше внимания данной проблематике, и ограниченность финансовых возможностей не должна становиться препятствием для этого. Учитывая принятие в марте 2015 г. Сендайской рамочной программы действий на 2015–2030 гг., на panaфриканском региональном и субрегиональном уровнях в целом следует, если того требует местная специфика, разрабатывать новые документы в области уменьшения опасности бедствий и смягчения их последствий, укреплять институциональные основы межгосударственного сотрудничества в данной сфере. Вместе с тем, опыт ВАС также показывает, что разработка и принятие международных актов, направленных на уменьшение опасности бедствий, в рамках субрегиональных объединений не всегда могут быть целесообразными, в то время, когда можно направлять усилия, потенциал и финансовые возможности на реализацию аналогичных документов регионального и универсального уровней.

=1986:-eala-plenary-commences-in-nairobi-&catid=146:press-releases&Itemid=194 (дата обращения 3.11.2015 г.).

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СООБЩЕСТВА РАЗВИТИЯ ЮГА АФРИКИ (САДК) В РЕГИОНАЛЬНОМ АФРИКАНСКОМ ИНТЕГРАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Мулюкова Валерия Алексеевна

*старший преподаватель кафедры международного права
Юридического института Российского университета дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; tagertak@inbox.ru*

Развитие интеграционных процессов в различных регионах мира стало в настоящее время закономерной тенденцией. Так, на Европейском континенте действует Европейский союз, в Евразии – Евразийский экономический союз, в Северной Америке – НАФТА, в Южной Америке – МЕРКОСУР, АЛАДИ, в Юго-восточной Азии – АСЕАН, Арабские государства входят в состав Лиги Арабских государств и т.п. Не является исключением и африканский регион, государства которого участвуют в различных интеграционных объединениях, таких, как Африканский союз, Экономическое сообщество государств Западной Африки, Общий рынок стран Восточной и Южной Африки и, конечно же, Сообщество развития Юга Африки (САДК)¹, о котором пойдет речь в рамках данного исследования.

САДК, учрежденное 17 августа 1992 г. на основе Договора о САДК², и в настоящее время является одним из крупнейших и наиболее влиятельных субрегиональных организаций в Африке, так как объединяет 15 государств, общая численность населения которых составляет порядка 240 млн

¹ Официальный сайт Сообщества развития Юга Африки (САДК) – Southern African Development Community (SADC). URL: <http://www.sadc.int/> (дата обращения 25 марта 2015г.).

² Договор о САДК от 17.08.1992г. URL: http://www.sadc.int/files/9113/5292/9434/SADC_Treaty.pdf. (дата обращения 25 марта 2015г.).

человек, а суммарный объем ВВП оценивается в 170 млрд дол. США³.

Самый распространенный способ создания международной межправительственной организации – это заключение международного договора. В связи с чем с момента подписания Договора о Сообществе развития Юга Африки (САДК) в 1992 г. была создана и такая международная региональная организация, как САДК.

Осуществляя международно-правовую характеристику САДК хотелось бы подчеркнуть, что САДК в полной мере является международной межправительственной региональной (субрегиональной) организацией, т.к. представляет собой объединение государств определенного региона (Юга Африки), учрежденного на основе международного договора (Договор о САДК), созданного для достижения общих целей (ст. 5 Договора о САДК) и функционирующего в соответствии с общими принципами (ст. 4 Договора о САДК), имеющего определенную организационную структуру (Раздел пятый Договора о САДК (ст. 9–17)) и обладающего международной правосубъектностью (ст. 3 Договора о САДК), а также действующего в соответствии с принципами и нормами международного права (Преамбула Договора о САДК).

Договор о САДК – действующий международно-правовой акт, который по форме и содержанию составлен компетентно и полностью соответствует нормам международного права. Договор о САДК состоит из 44 статей, объединенных в 16 разделов, и включает в себя все необходимые структурные элементы международного договора. В целом Договор о САДК представляет собой Учредительный акт, на основании которого функционирует такая международная

³ Кучеренко П.А. Conseil Constitutionnel в системе современного конституционного права Африки // Право и государство: теория и практика. № 6, 2013. С. 18.

региональная организация, как Сообщество развития Юга Африки.

В Договоре о САДК определен юридический статус Сообщества, под которым понимается организация экономической интеграции, созданная в соответствии со ст. 2 Договора.

А ст.3 Договора о САДК определяет, что САДК – международная организация, которая имеет статус юридического лица с потенциалом и полномочиями заключать договора, приобретать, владеть и распоряжаться движимым и недвижимым имуществом и возможностью быть истцом и ответчиком.

САДК и его государства-члены должны действовать в соответствии со следующими принципами, которые непосредственно изложены в тексте Договора: принцип суверенного равенства всех государств-членов; принцип солидарности, мира и безопасности; принцип прав человека, демократии и верховенства закона; принцип справедливости, сбалансированности и взаимной выгоды и принцип мирного урегулирования споров.

Цели САДК заключаются в следующем: обеспечение развития и экономического роста, сокращение масштабов нищеты, повышение уровня и качества жизни народов Южной Африки и поддержание социально незащищенных слоев населения через региональную интеграцию; развитие общих политических ценностей, систем и институтов; поощрение и поддержание мира и безопасности; содействие самоподдерживающегося развития на основе коллективной самообеспеченности и взаимозависимости государств-членов; достижение взаимодополняемости национальных и региональных стратегий и программ; поощрение и максимально содействие производительной занятости и использованию ресурсов региона; обеспечение устойчивого использования природных ресурсов и эффективной защиты окружающей среды; укреп-

ление и консолидация давних исторических, социальных и культурных сходств и связей между народами региона.

Структура органов САДК следующая: высшими руководящими органами являются Саммит глав государств и правительств и Совет министров; исполнительными органами являются Комиссии и Постоянный комитет; административным органом выступает Секретариат (секретариат сейчас есть комиссия) во главе с Исполнительным секретарем и судебный орган – Трибунал, работа которого в настоящее время приостановлена⁴.

В целом организационная структура САДК представляется работоспособной, действенной, планомерно выполняющей свои задачи и функции.

Итак, согласно существующей в международном праве классификации международных межправительственных организаций САДК является:

- по уровню правовой системы – международной организацией;
- по юридической природе – межправительственной организацией;
- по кругу участников – региональной (субрегиональной) организацией;
- по направлениям деятельности – организацией специальной компетентности;
- по сферам деятельности – политической, экономической, социальной организацией;
- по порядку вступления – открытой организацией.

⁴ См.: Солнцев А.М., Конева А.Е. Проблема ограничения юрисдикции Трибунала Сообщества развития Юга Африки (САДК) // Международно-правовые проблемы в Африке: материалы круглого стола XI ежегодной международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И.П. Блищенко. Москва, 12 апреля 2013 г. / отв. ред. А.Х. Абашидзе, Е.В. Киселева, А.М. Солнцев. М: РУДН, 2014. С. 177–184.

Интеграционные процессы на Юге Африки происходят неравномерно и сталкиваются с различными препятствиями как объективного, так и субъективного характера, среди которых можно выделить следующие:

- колониальное прошлое Африканского региона накладывает большой отпечаток на современное развитие этого континента, в частности САДК;

- Африка является континентом малых стран, так как обладает самой большой протяженностью границ по отношению к его площади;

- Африку в целом считают отсталым в экономическом плане по отношению к другим регионам мира, так как в ней наблюдается ограниченность собственных экономических ресурсов, узость внутренних рынков, малый приток иностранных инвестиций;

- индивидуальные особенности развития государств-членов САДК разнообразны и различны, начиная от размеров их территорий и численности и заканчивая уровнем доходов на душу населения и размером ВВП, а также с учетом специфики социально-политической обстановки, правовыми системами и наличием или отсутствием природных ресурсов и полезных ископаемых.

Однако при этом одной из главных целей любой интеграционной организации является развитие связей между состоящими в ней государствами. «Государства стремятся взаимодействовать друг с другом по самому широкому спектру вопросов, представляющих взаимный интерес...»⁵. В связи с чем САДК, являясь региональной интеграционной организацией в Южной Африке, преследует не только экономические цели. Главной целью САДК остается создание зоны свободной торговли, таможенного союза и общего рынка на территории государств-членов. Естественно Сооб-

⁵ Основы интеграционного права: учебное пособие / С. Ю. Кашкин, О. А. Четвериков. М., 2015. С. 20.

щество стремится к улучшению экономического благосостояния стран участников, большей интеграции экономик, преодолению бедности и повышению уровня жизни людей, проживающих в его странах. Однако САДК стремится не только к укреплению сотрудничества в сфере экономики, но и в области политики и безопасности в регионе. В практику САДК входит принятие различных протоколов по наиболее важным вопросам, касающимся деятельности САДК. В качестве примеров можно привести Протокол о политике, обороне и безопасности от 14.08.2001 г.⁶; Протокол по культуре, информации и спорту от 14.08.2001 г.⁷; Протокол по гендерным вопросам и развитию от 17.08.2008 г.⁸ и др.

Далее хотелось бы подчеркнуть, что одной из главных особенностей интеграции на Африканском континенте является развитие двустороннего экономического сотрудничества африканских стран. Активная роль в этом процессе принадлежит Южно-Африканской Республике (ЮАР) как экономически самой сильной стране в регионе. А в организации САДК именно ЮАР выступает рулевым руководителем и главной движущей силой всех интеграционных процессов способствующих развитию разноуровневого и разнопланового сотрудничества.

В настоящее время САДК представляется достаточно перспективной международной организацией, о своем желании вступить в которую, заявляют и другие государства Аф-

⁶ Протокол о политике, обороне и безопасности от 14.08.2001 г. – Protocol on Politics, Defence and Security. URL: <http://www.sadc.int/documents-publications/show/809> (дата обращения 25 марта 2015 г.).

⁷ Протокол по культуре, информации и спорту от 14.08.2001 г. – Protocol on Culture, Information and Sport. URL: <http://www.sadc.int/documents-publications/show/797> (дата обращения 25 марта 2015 г.).

⁸ Протокол по гендерным вопросам и развитию от 17.08.2008 г. – Protocol on Gender and Development. URL: <http://www.sadc.int/documents-publications/show/803> (дата обращения 25 марта 2015 г.).

риканского региона, в частности речь идет о Руанде и об Уганде.

Процесс интеграции, сопровождающийся учреждением различных объединений, сообществ и союзов, стал всеобъемлющим в XXI веке. Многие государства мира осознанно и добровольно участвуют в нем, осознавая его преимущества и перспективы. Государства-члены САДК (ЮАР, Ботсвана, Лесото, Свазиленд, Намибия, Зимбабве, Ангола, Мозамбик, Малави, Мадагаскар, Танзания, Замбия, Маврикий, Сейшельские острова, Демократическая республика Конго) – участники региональной африканской интеграции, которые преследуют свои цели, рассчитывая на то, что их достижению может и должно помочь САДК как представительная региональная международная организация.

Сообщество развития Юга Африки (САДК) обладает своим собственным девизом, который сформулирован следующим образом: «Навстречу общему будущему». Именно в этом слогане воплощены мечты и стремления Южноафриканских государств, входящих в САДК. То есть можно сказать, что страны-члены САДК с надеждой смотрят в будущее, которое будет успешным и развитым именно благодаря совместным усилиям и общим стремлениям государств Юга Африки, и в дальнейшем позволит обеспечить социально-экономическое благополучие народа, населяющего Африканский континент.

ПРОБЛЕМА РЕФОРМИРОВАНИЯ АФРИКАНСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И НАРОДОВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Нгатею Акони Шани Павел

*аспирант юридического института Белгородского Государственного
Национального Исследовательского Университета (НИУ БелГУ)
308015 РОССИЯ, г. Белгород, ул. Победы 85. ondonpavel@yahoo.fr*

Вопрос реформирования Африканского суда по правам человека и народов поднимался ещё со времен его создания. В июле 2004 г. на саммите в Аддис-Абебе (Эфиопия), когда вступил в силу Протокол к Африканской хартии об учреждении Африканского суда по правам человека и народов¹ (далее – Африканский суд) и начался процесс создания первого в Африке регионального суда по правам человека. Главы Африканских государств по инициативе председателя Конференции² Африканского союза (АС) – президента Нигерии Обасанджо – приняли предварительное решение³ объединить Африканский суд по правам человека и народов с судом правосудия Африканского Союза в единый орган под названием «Африканский суд правосудия и прав человека».

Решение объединить эти два суда главы африканских государств аргументировали тем, что Африканский союз не имел достаточных ресурсов, чтобы финансировать работу двух отдельных судебных учреждений. Комитету экспертов, созданному Африканским союзом, было поручено разработать проект протокола нового суда. С 2005 по 2007 гг. Коми-

¹ Протокол об учреждении Африканского суда по правам человека и народов 2006 г. // СПС ГАРАНТ.

² Конференция – высший орган Африканского Союза, состоящий из глав государств и правительств или их аккредитованных представителей.

³ Решение Ассамблеи АС. Decision Assembly/AU/Dec.45(III).

тет экспертов готовил и представил на рассмотрение Конференции Африканского союза несколько версий протокола, которые, к сожалению, не нашли поддержки со стороны Конференции и были отклонены.

Лишь в апреле 2008 года все предполагаемые преобразования суда были сформулированы в Протоколе, касающемся статуса Африканского суда правосудия и прав человека⁴. Проект протокола единого суда был окончательно принят Конференцией глав государств и правительств на саммите в Шарм-эль-Шейхе (Египет) в июле 2008 г.

Новый судебный орган должен был состоять из двух секций: секции по общим делам и секции по правам человека. Кроме этого в протоколе указывалось, что все незавершенные дела, находящиеся на рассмотрении в Африканском суде по правам человека и народов после вступления в силу нового протокола будут переданы в секцию по правам человека нового международного судебного органа⁵.

Что касается передачи прав между судами, протокол о новом суде в статье 7 гласит, что «Протокол к Африканской хартии прав человека и народов о создании Африканского суда по правам человека и народов остается в силе в течение переходного периода, не превышающего один год или любой другой период после вступления в силу настоящего Протокола, с тем, чтобы Африканский суд по правам человека и народов мог принять соответствующие меры для передачи его прерогатив, имущества и его прав и обязанностей в Африканский суд правосудия и прав человека».

Протокол должен был вступить в силу после его ратификации пятнадцатью африканскими государствами. В ко-

⁴ Протокол, касающийся статуса Африканского суда правосудия и прав человека 1 июля 2008 г. URL: <http://www.refworld.org/pdfid/493fee9c2.pdf> (дата обращения 1 июля 2008 г.).

⁵ Ст. 5 Протокола, касающегося статуса Африканского суда правосудия и прав человека 2008 г.

нечном счете протокол так и не вступил в силу, так как лишь пять стран ратифицировали его и больше проекты реформ не обсуждались.

На 23-м саммите Африканского союза в Малабо (Экваториальная Гвинея) на фоне конфликта между Международным уголовным судом и Африканским союзом был снова поднят вопрос о реформировании⁶ Африканского суда по правам человека и народов. В результате этого был принят дополнительный протокол, вносящий поправки в протокол о статусе Африканского суда правосудия и прав человека⁷. На данный момент одиннадцать (11) Африканских государств уже подписали данный протокол. Он вступит в силу через тридцать (30) дней после его ратификации пятнадцатью (15) государствами-членами.

На этот раз было принято решение не только объединить два суда в одном, но и расширить пределы компетенции нового суда за счет рассмотрения уголовных дел, в частности, о геноциде, агрессии, преступлений против человечности, а также военных преступлений. Надо отметить, что если данный суд будет создан, то по сравнению с Межамериканским и Европейским судами по правам человека, он станет первым региональным судом, наделенным международной уголовной юрисдикцией.

Неожиданное решение Конференции Африканского союза включить в состав секций Африканского суда правосудия и прав человека ещё одну секцию, которая будет рассматривать самые серьезные преступления, совершенные на Африканском континенте, было вызвано тем, что Африкан-

⁶ URL: <http://africlaw.files.wordpress.com/2012/05/au-final-court-protocol-as-adopted-by-the-ministers-17-may.pdf>

⁷ См.: Protocol on Amendments to the Protocol on the Statute of the African Court of Justice and Human Rights. URL: <http://www.au.int/en/content/protocol-amendments-protocol-statute-african-court-justice-and-human-rights> (дата обращения 11 ноября 2014 г.).

ские лидеры выразили свое недовольство⁸ по отношению к Международному уголовному суду. Большинство Африканских лидеров обвиняют Международный уголовный суд (МУС) в «расовой охоте»⁹. Так, например, Министр иностранных дел Эфиопии, являющийся бывшим председателем в Африканском союзе, Тедрос Аданом выступил с речью, в которой отметил, что «на протяжении долгого времени африканские страны прилагают все усилия, чтобы претворять в жизнь демократию, обеспечивать верховенство закона и хорошее правление. Несмотря на это, Международный суд вызывает у людей разочарование. Международный уголовный суд должен прилагать максимум усилий, чтобы содействовать справедливому правосудию и способствовать миру и стабильности в Африке, однако, в настоящее время эта организация уже превратилась в инструмент, направленный против Африки и африканских лидеров. Этому африканские страны не могут принять». Деятельность Международного уголовного суда называют «охотой на африканцев». Такая формулировка была дана президентом Уганды Йовери Мусевени, так как все дела, находящиеся на рассмотрении МУС, касаются исключительно Африки.

Таким образом, цель создания регионального суда, обладающего уголовной юрисдикцией, заключается в том, чтобы справедливо судить африканцев за преступления, совершенные на африканской земле. Юрисдикция нового суда будет идентична юрисдикции МУС. Суд будет нести ответственность за судебное преследование лиц, совершающих такие международные преступления, как геноцид, военные преступления и преступления против человечности. Назва-

⁸ См.: African Union, Decision on the Draft Legal Instruments, Assembly/AU/Dec.529(XXIII), Decisions, Declarations and Resolution of the Assembly of the Union, Twenty-Third Ordinary Session, June 26-27, 2014. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=TOaHkHAcеBA>

⁹ Видео материала. URL: <http://video.meta.ua/6555180.video>

ные основные преступления дополняются пиратством и терроризмом, наемничеством, коррупцией, отмыванием денег, торговлей людьми, незаконным оборотом наркотиков и незаконной эксплуатацией природных ресурсов¹⁰.

Наравне с необходимостью реформирования Африканского суда по правам человека и народов нельзя не коснуться вопроса о сложностях проведения такой реформы. Прежде всего, нужно отметить необходимость привлечения достаточных финансовых средств для обеспечения работы нового суда; также к этому добавляется и вопрос включения в протоколе нового суда статьи, разрешающей допустимость ссылки на должностное положение.

Стоимость одного судебного разбирательства о международных преступлениях оценивается почти в 20 млн. долларов США. Это почти в два раза больше, чем утвержденный в 2014 г. бюджет¹¹ Африканского суда по правам человека и народов. Финансирование деятельности органов Африканского союза всегда являлось его проблемным аспектом. Данная реальность подтверждается тем, что множество региональных организаций на африканском континенте зависят от иностранной помощи. В связи с этим возникает очень важный вопрос: как будет финансироваться работа нового международного судебного органа? В протоколе о внесении поправок в протоколе, касающемся статуса Африканского суда правосудия и прав человека, детально не рассматривается вопрос о его финансировании. В настоящее время регулярный бюджет Африканского суда по правам человека и народов составляет около 9 млн. долларов США. По сравнению с годовым бюджетом МУС, который составляет

¹⁰ Статья 28А протокола о внесении поправок в протокол, касающийся статуса Африканского суда правосудия и прав человека

¹¹ Ежегодный отчет Африканского суда. URL: http://www.african-court.org/en/images/documents/Reports/AfCHPR_Report_2013_English.pdf

126 млн евро, данная сумма является действительно небольшой.

К этому следует добавить неравенство взносов. Постоянно на уровне Африканского союза возникают споры по этому вопросу. Некоторые государства-участника протокола об учреждении Африканского суда по правам человека и народов все чаще стали отказываться от обязательства уплаты взносов.

Таким образом, будущее суда во многом зависит от урегулирования вопроса о финансировании. Тем более, что по своей природе международные уголовные процедуры требуют значительных ресурсов. Отсутствие финансовых средств может препятствовать нормальному функционированию правосудия. Целостность и надежность разбирательства дел судом в будущем может быть поставлена под сомнение. Хотя Кения и взяла на себя обязательство финансировать новый суд, оплатив взнос в размере 1 млн дол. США, имеются все основания полагать, что этот институт будет также зависеть от иностранной помощи, как Африканский Союз, и решения его, скорее всего, будут предвзятыми. Таким образом, чтобы успешно завершить создание Африканского суда правосудия и прав человека, необходимо сосредоточиться на решении обозначенных проблем.

Особое внимание также заслуживает рассмотрение ст. 46 А Протокола¹². Данная статья предоставляет иммунитет от судебного преследования главам Африканских государств и правительств, а также иным должностным лицам при исполнении их функции.

Некоторые Африканские организации защиты прав человека считают такое решение шагом назад в борьбе с безнаказанностью в Африке. По их мнению, данное решение противоречит множеству международных стандартов защи-

¹² См.: Protocol on Amendments to the Protocol on the Statute of the African Court of Justice and Human Rights, art. 46A.

ты прав человека, таким, как Ст. 27 Римского статута, которая предусматривает недопустимость ссылки на должностное положение, Конвенция против пыток, Конвенция о предотвращении и наказании преступления геноцида, а также ст. 4 Учредительного акта Африканского союза, который способствует уважению прав человека и отказ от безнаказанности. Таким образом, предоставление иммунитета любому лицу в отношении серьезных преступлений, совершенных в нарушении норм международного права, является серьезной ошибкой. Кроме этого, жертвы не смогут действительно добиться справедливости за нанесенный ущерб, если те, кто может нести ответственность за тяжкие преступления, обладают иммунитетом.

Подводя итог всему вышесказанному, следует сказать, что любая попытка в Африке реализации защиты прав человека всегда приветствуется, но данная попытка должна быть направлена именно на защиту прав и свобод африканских народов, а не способствовать созданию сферы безнаказанности среди африканских лидеров. К тому же государствам-членам Африканского союза следуют не спеша рассмотреть все факторы относительно создания нового континентального уголовного органа, чтобы не допустить возможности возникновения последствий в будущем.

РЕСПУБЛИКА ГАБОН И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Ндакисса Онкасса Француз

*аспирант кафедры теории и истории международных отношений
Российского университета дружбы народов*

Европейский союз заинтересован в развитии отношений с Республикой Габон. Конкретные параметры этого сотрудничества наблюдаются при регулировании отношений между государствами в процессе принятия решений. Учитывая распространение международных взаимоотношений всех видов и различных международных организаций, как сегодня определить многосторонний подход сотрудничества? «Многосторонний подход взаимоотношения стремится определить глобальную систему сотрудничества, в котором каждое государство стремится развивать свои отношения со всеми другими странами»¹.

Первым упоминанием о политике Европейского Союза (ЕС) в отношении Африки является соглашение Котону (АСР), которое основывается на взаимоотношениях между ЕС и Африкой. Данное соглашение использует термин «партнерство», настаивая на обязательствах и взаимной ответственности, и подчеркивает важность политического диалога, соблюдения прав человека, демократии и эффективного управления.

Таким образом, партнерские отношения между ЕС и Габоном основаны на политическом диалоге, торговле и развитии. ЕС поддерживает реформы, проводимые Габоном для осуществления экономической диверсификации и улучшения

¹ Hermet Guy, Badie Bertrand, Birnbaum Pierre, Braud Philippe. La science politique et les institutions politiques. Paris, A. Colin. 1998. P. 174.

государственного управления, и содействует процессу демократизации в республике.

Габон и Европейская комиссия определили основные направления сотрудничества на период 2014–2020 гг.² Данные направления были определены в соответствии со ст. 2 и 4 Приложения IV к Соглашению о партнерстве АСР-ЕС, подписанному в Котону 23 июня 2000 г. и пересмотренному в Люксембурге 25 июня 2005 г., а затем подписанному в Уагадугу 22 июня 2010 г.

Габон, где сегодня сложилась стабильная внутривнутриполитическая ситуация, диверсифицирует отношения с партнерами, приобретая новых партнеров и делая ставку на развитие экономической, политической и социальной жизни страны.

Таким образом, на сегодня во взаимоотношениях ЕС и Габона преобладают три направления сотрудничества: 1) политическое, 2) экономическое и 3) внешняя помощь.

В политической области ЕС стремится 1) поддерживать тесную политическую связь посредством регулярного политического диалога с правительством Габона, 2) продвигать ценности демократии, эффективное управление, правопорядок и права человека, 3) поддерживать региональную интеграцию, выступая за включение в повестку дня вопросов мира и безопасности.³ ЕС поддерживает меры по улучшению нормативно-правовой базы и выступает за эффективное государственное управление для поддержки правительства в предоставлении основных услуг для граждан.

В экономической области ЕС поддерживает Габон в интеграции торговли в политику развития для стимулирования

² Caracteristiques de la strategie conjointe Union Europeenne-Afrique. URL: http://www.cidal.diplo.de/Vertretung/cidal/fr/07__Afrique/7Generalites_declarations_de_principe/EU__Afrique-seite.html \L'Afrique et l'Unn européenne

³ URL: <http://www.ladocumentationfrancaise.fr/dossiers/developpement-pays-acp/accordpartenariat-economique.shtml>

ния экономического роста и занятости. ЕС поощряет экономическую интеграцию Габона в региональные и глобальные рынки, поддерживает улучшение деловой среды и развитие частного сектора, приветствует переговоры в рамках соглашений об экономическом партнерстве. При этом Соглашение об экономическом партнерстве должно регулировать все аспекты торговых отношений между ЕС и Габоном, а также помочь Габону достичь своих целей до 2025 г.⁴

Касательно внешней помощи, цель партнерства ЕС с Габоном состоит в стимулировании роста и устойчивого, всеобъемлющего развития для снижения бедности в стране, путем оказания поддержки в реализации Стратегического плана «Процветающий Габон» (PSGE) до 2025 г., базирующегося на трех основных принципах: 1) **зеленый Габон**: оценить состояние лесов и морские побережья лесоперерабатывающих промышленности, сельских хозяйств, рыболовства и экотуризма; 2) **промышленный Габон**: диверсифицировать экономику республики, путем трансформации местного сырья; 3) **услуги в Габоне**: развивать инфраструктуру, новые информационные технологии, торги по зеленой экономике, высшее образование и здравоохранение, оценить гуманитарные ресурсы в качестве исходных финансовых услуг.

Важным шагом на пути развития этого партнерства стало подписание двусторонних соглашений между Габоном и ЕС относительно права на рыболовство в экономической зоне страны. Таким образом, Габон заключил соглашение о рыболовстве с ЕС в 1998 году, касающееся добычи тунца в зоне, не доступной для национального морского флота⁵. В целом это взаимодействие в сфере рыбного хозяйства позво-

⁴ Киселева В.П. Африка. Современная Африка: итоги и перспективы развития. М., 2005.

⁵ Дадалко В.А., Пешко Д.А., Максимович О.Е. Европейский союз: эволюция концепций партнерства и опыт реформ: учеб. пособие. Мн.: Арми-та – Маркетинг, Менеджмент, 2000.

лило успешно задействовать человеческие ресурсы, пересмотреть законодательную и нормативную базу в соответствующей сфере, а также улучшить охрану морских ресурсов. Настоящее Соглашение устанавливает принципы, правила и процедуры, регулирующие экономические, финансовые, технические и научные аспекты в области рыбного хозяйства. В целях содействия контролируемому рыболовству в водах Габона сохранены устойчивое использование рыбных ресурсов и развитие рыбного хозяйства в Габоне.

Стратегия Европейского союза в период с 2008 по 2013 гг. направлена на сокращение бедных слоев населения в контексте устойчивого экономического и человеческого развития. Габон принимает во внимание принципы закона 2003 г. об охране территорий, особенно в плане восстановления и защиты природных ресурсов⁶.

Совместная стратегия обеспечивает качественно новую основу для будущего сотрудничества между двумя континентами. Партнерство, как ожидается, выйдет на новый уровень стратегического сотрудничества и обеспечит осуществление постоянного политического диалога на различных уровнях. Стратегические отношения преследуют несколько целей:

- осуществление политики ЕС в отношении Габона предусматривает рассмотрение вопросов и проблем, которые представляют взаимные интересы. Среди них можно назвать вопросы миграции, мира и безопасности, окружающей среды;
- согласование усилий со стороны обоих континентов на международных форумах по глобальным вопросам;
- содействие партнерству, при котором будет оказываться содействие развитию гражданского общества.

⁶ Европейский союз на рубеже веков // Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем. М.: РАН ИНИОН, 2000.

Стратегия затрагивает и реконструкцию автодорог, а также повышение эффективности управления инвестициями государством в области транспортной инфраструктуры и направление инвестиций в автодорожную инфраструктуру. При наличии у Габона среднего уровня дохода важно поддержать институциональное развитие этого сектора, на который ЕС располагает опытом и возможностями и может оказать позитивное влияние.

Габон стремится заключить с Европейским Союзом новый базовый договор о стратегическом партнерстве на основе принципов равенства и взаимной выгоды. Что будет способствовать эффективной реализации совместной инициативы Габона и ЕС. Таким образом, ЕС сможет играть роль катализатора для поддержки своих государств-членов при выстраивании ими взаимоотношений с Габоном, а также способствовать оказанию эффективной помощи стране со стороны международного сообщества с тем, чтобы она успешно включилась в глобальную экономику⁷.

Партнерство с ЕС позволяет рассчитывать на его политическую, экономическую и финансовую помощь, которая рассматривается Габоном как важный и эффективный инструмент для улучшения условий жизни в стране, в то же время требуя доверия и взаимопонимания между партнерами. Достаточно важной частью партнерства является достижение общих позиций и выработки общих подходов к решению проблем безопасности в Африке, в Европе и во всем мире. При этом основной упор делается на трех направлениях. Власти Габона исходят из того, что концепция партнерства с ЕС предполагает устойчивое, долгосрочное сотрудничество, необходимое обеим сторонам. Оно способно стать новым инструментом в развитии политического и экономического сотрудничества, а также взаимодействию в сфере безопасно-

⁷ ЕС и внешний мир // Европейский обзор. 1997. № 11. С. 12.

сти. ЕС оказывает значительную институциональную поддержку в транспортной сфере Габона.

В целом, при осуществлении сотрудничества с Брюсселем Габон заинтересован, прежде всего, в оказании содействия со стороны ЕС в решении насущных внутренних проблем, тормозящих развитие республики.

Таким образом, руководство Габона исходит из того, что тесное сотрудничество с ЕС позволит увеличить производственный, гуманитарный, материальный и технический потенциал страны.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И АФРИКАНСКОГО СОЮЗА: ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Пасенов Александрос Николаевич

*аспирант Юридического института Белгородского государственного
национального исследовательского университета
308015, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, д. 85;
pasenov-alex@mail.ru*

Современные международные отношения характеризуются процессом регионализации, что выражается в создании региональных и субрегиональных межгосударственных объединений. Среди таких объединений можно назвать Европейский Союз, Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии, Евразийский экономический союз, Рынок стран Южного конуса (МЕРКОСУР), Африканский Союз, Восточно-африканское экономическое сообщество и др.

Важно отметить, что данные межгосударственные объединения наделяются самостоятельной международной правосубъектностью и могут заключать международные соглашения с иными участниками международных отношений.

Для нас, представителей российской науки международного права, необходимо понимать, как происходит регулирование сотрудничества между подобными объединениями в разных регионах мира, чтобы в дальнейшем использовать накопленный опыт для выработки рекомендаций представителям руководящих органов Евразийского Союза – интеграционного объединения, сформировавшегося на постсоветском пространстве.

В российской международно-правовой доктрине уделено внимание интеграционным процессам, однако мало

разработана тема взаимодействия региональных объединений.

Данная статья призвана восполнить существующий пробел в части, касающейся исследования международно-правового регулирования взаимодействия наиболее продвинутого регионального объединения – Европейского Союза и развивающегося объединения стран африканского континента – Африканского Союза.

В статье нам бы хотелось остановиться на выявлении основных этапов сотрудничества обозначенных объединений и форм его нормативного регулирования.

Европейский Союз прошел несколько этапов в своем развитии и в настоящее время является образцом при формировании подобных структур. Юридически он был оформлен Маастрихтским договором 1992 г. На настоящий момент включает 28 государств. Значительное усиление интеграционных тенденций произошло с подписанием в 2007 г. «Лиссабонского договора о внесении изменений в Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества».

Согласно ст. 21 Договора о Европейском Союзе данная организация проводит общую внешнюю политику, которая основывается на принципах «демократии, правового государства, всеобщности и неделимости прав человека и основных свобод, уважении человеческого достоинства, принципах равенства и солидарности, соблюдении принципов Устава Организации Объединенных Наций и международного права»¹. Также Союз «старается развивать отношения и строить партнерства с третьими странами, региональными и универсальными международными организациями»².

¹ Договор о Европейском Союзе от 7 февраля 1992 г. (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.). URL: <http://eulaw.ru/treaties/teu> (дата обращения 7 апреля 2015 г.).

² Там же.

Одной из таких региональных международных организаций является Африканский Союз. Данное объединение, учрежденное в 2000 г., является правопреемником Организации Африканского Единства. На настоящий момент Африканский Союз включает 54 государства.

Согласно ст. 3 Учредительного Акта целями деятельности Африканского Союза являются достижение большего единства и солидарности между африканскими странами и народами Африки; защита суверенитета, территориальной целостности и независимости государств-членов; ускорение процесса политической и социально-экономической интеграции на континенте; поддержка и защита общих африканских позиций по вопросам, представляющим интерес для континента и его народов; поощрение международного сотрудничества, согласно положениям Устава Организации Объединенных Наций и Всеобщей декларации прав человека и др.³

Основным органом, определяющим общую политику Союза, в том числе и внешнюю, является Ассамблея, состоящая из глав государств и правительств.

Данное объединение также стремится развивать партнерские отношения с иными регионами и государствами. В частности, Африканский Союз сотрудничает с региональными структурами в Европе, на Ближнем Востоке, в Азии и Латинской Америке. Среди государств наиболее тесные контакты Союз имеет с Китаем, Индией, США, Турцией и др.⁴

В Европе основным партнером данной организации является Европейский Союз.

³ Учредительный акт Африканского Союза (The Constitutive Act of the African Union) от 12 июня 2000 г. URL: http://au.int/en/about/constitutive_act (дата обращения 8 апреля 2015 г.).

⁴ Сайт Африканского Союза. URL: <http://ea.au.int/en/> (дата обращения 8 апреля 2015 г.).

Сотрудничество двух объединений началось еще во времена их предшественников – Организации африканского единства и Европейских сообществ: в 1979 г. был открыт офис ОАЕ в Брюсселе. Затем в 2000 г. в Каире в рамках первого саммита Африка – Европейский Союз состоялась встреча представителей созданного Европейского Союза с представителями африканских государств, на которой была принята Каирская декларация, заложившая основы политического диалога между данными объединениями.

Встреча непосредственно между представителями Африканского Союза и Европейского Союза стала возможна только после 2002 г., когда вступил в силу Учредительный акт Африканского Союза. Такая встреча состоялась на пространствах второго саммита Африка – Европейский Союз, проходившего в Лиссабоне в 2007г. На данном саммите была принята Совместная стратегия и Первый план действий по ее реализации на 2008-2010 гг. Стратегия стала документом, который способствовал выведению отношений двух объединений на новый уровень.

Данный документ закрепил принципы, на которых должно основываться дальнейшее сотрудничество Союзов. Среди них можно назвать единство Африки, взаимозависимость Европы и Африки, совместная ответственность, уважение прав человека, верховенство права, право на развитие и др.⁵

Стратегия также закрепила четыре основные цели европейско-африканского сотрудничества:

- укрепление институциональных связей;
- поддержание мира, безопасности, демократического управления, прав человека и устойчивого экономического развития в Африке;

⁵ Сайт партнерства Африка – Европейский Союз. URL: <http://www.africa-eu-partnership.org/key-documents> (дата обращения 9 апреля 2015 г.).

– совместное участие в разрешении глобальных проблем, таких как ВИЧ/СПИД, изменение климата, энергетическая безопасность, терроризм, распространение оружия массового уничтожения;

– создание условий для более активной деятельности негосударственных актеров⁶.

Первый план действий предполагал 8 сфер сотрудничества:

– мир и безопасность;
– демократическое управление и права человека;
– региональная экономическая интеграция, торговля и инфраструктура;

– достижение Целей тысячелетия;

– изменение климата;

– энергетика;

– миграция, мобильность и занятость;

– наука, информационное общество и космос⁷.

Интересно, что, хотя данная стратегия предполагает участие большого количества как государственных, так и негосударственных актеров, ключевая роль в достижении обозначенных целей отводится структурам Европейского и Африканского Союзов, в частности, таким, как Тройки и Комиссии.

В 2010 г. в Триполи состоялся третий саммит Африка – Европейский Союз, на котором была принята совместная Декларация и Второй план действий, рассчитанный на период 2011–2013 гг.

На четвертом саммите ЕС-Африка под названием «Инвестиции в людей, процветание и мир», прошедшем 2–3 апреля 2014 г. в Брюсселе были приняты два основных документа (Декларация и Дорожная карта на 2014-2017 гг.), в

⁶ Сайт партнерства Африка – Европейский Союз. URL: <http://www.africa-eu-partnership.org/key-documents> (дата обращения 9 апреля 2015 г.).

⁷ Там же.

которых обозначены основные направления сотрудничества ЕС и АС.

В Декларации руководители Африканского и Европейского Союзов, а также главы государств-членов данных объединений подтверждают свои обязательства относительно целей, изложенных в Совместной стратегии, и обещают дать новый импульс сотрудничеству между двумя объединениями. Основными сферами сотрудничества называются мир и безопасность, демократия, эффективное управление и права человека, развитие человека, устойчивое и всестороннее развитие, интеграция на континенте, а также глобальные вызовы⁸.

Вторым документом, принятым на Саммите, явилась Дорожная карта на 2014–2017 гг., где более подробно расписываются действия по достижению поставленных целей. Например, одним из шагов для поддержания мира и стабильности объявляется поддержка Африканских резервных сил.

Проанализировав этапы сотрудничества двух объединений, можно сделать вывод, что данное сотрудничество активно развивается, создано большое количество документов, которые содержат «мягкие нормы», регулирующие их взаимоотношения. С другой стороны, учитывая динамику взаимодействия Союзов, можно ожидать в ближайшем будущем появления соглашения, содержащего более жесткие нормы. Сферой появления такого документа может стать экономика.

⁸ Сайт партнерства Африка – Европейский Союз. URL: <http://www.africa-eu-partnership.org/key-documents> (дата обращения 9 апреля 2015 г.).

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛЬНОГО СУДА ПО СЬЕРРА-ЛЕОНЕ

Повалов Кирилл Александрович

*аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов*

В западноафриканском государстве Сьерра-Леоне в период с 1991 по 2002 г. между силами правительства и Объединённого революционного фронта бушевала гражданская война. В течение 11 лет не раз менялось правительство страны, в неё вводились военные контингенты других государств, миротворцы ООН, появлялись новые повстанческие группировки. По итогам мирного договора главой страны стал ставленник центра *Ахмед Кабба*, а представители мятежников получили 4 министерских кресла и амнистию по всем правонарушениям кроме международных преступлений. Во время войны были отмечены многочисленные случаи крайней жестокости по отношению к мирным жителям. В 2000 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1315 об организации Специального суда по Сьерра-Леоне (СССЛ).

16 января 2002 г. представители Организации Объединённых Наций и представители правительства Сьерра-Леоне встретились в столице Сьерра-Леоне г. Фритауне с тем, чтобы подписать соглашение о создании Специального Суда для Сьерра-Леоне¹. Это событие явило собой кульминационный момент процесса, который президент *А. Кабба* начал, когда он направил в июне 2000 г. письмо в Совет Безопасности ООН через Генерального Секретаря Кофи Аннана, с просьбой об оказании стране помощи в создании не-

¹ См. Соглашение между Организацией Объединённых Наций и правительством Сьерра-Леоне об учреждении Специального суда по Сьерра-Леоне (Фритаун, 16.01.2002 г.) // Московский журнал международного права. 2004. № 1.

зависимого «специального суда», который путем привлечения к ответственности тех главарей, которые планировали и осуществляли наиболее зверские преступления во время разгоревшегося в стране вооруженного конфликта, включая захват в заложники миротворческих сил ООН, должен помочь установить в стране справедливость и обеспечить стабильный и крепкий мир на долгое время². И хотя президент *А. Кабба* и сделала это громкое заявление, но для того, чтобы международное сообщество могло оказать Сьерра-Леоне действенную помощь, в стране отсутствовали правовые, материальные, человеческие и другие предпосылки и ресурсы, которые являются необходимыми для привлечения к ответственности тех, кто совершал международные преступления³.

В Резолюции Совета Безопасности № 1315, принятой 14 августа 2000 г., содержалась официальная поддержка предложения президента *А. Кабба*⁴. Генеральному Секретарю ООН К. Аннани было поручено провести переговоры с правительством Сьерра-Леоне с целью достижения соглашения об учреждении независимого специального трибунала, обладающего юрисдикцией по судебному преследованию тех, на ком лежала «наибольшая ответственность», при этом главный акцент делался на тех людей, которые своими действиями срывали установление мирного процесса в стране.

Предметная юрисдикция предполагаемого Суда включала в себя военные преступления, преступления против человечности и другие грубые нарушения международного гуманитарного права, а также различные преступления, рассматриваемые в рамках национального законодательства.

² Док. ООН S/2000/786 от 10.08.2000.

³ Jalloh C. Special Court for Sierra Leone: achieving justice? // Michigan Journal of international law. 2011. № 32. P. 398–399.

⁴ Док. ООН S/RES/1315 от 14.08.2000 г.

Временная юрисдикция предполагаемого Суда должна была охватывать преступления, совершенные в период после 30 ноября 1996 г., хотя против этого энергично возражали представители правительства Сьерра-Леоне, которые хотели, чтобы с международной помощью были рассмотрены дела и преступления, совершенные с самого начала конфликта, т.е. с марта 1991 г.

Географическая юрисдикция была сведена к преступлениям, которые реально имели место и происходили на территории Сьерра-Леоне. Это последнее положение несколько диссонирует с положениями Международного трибунала по Руанде, который был наделен юрисдикцией в отношении ряда преступлений, связанных с геноцидом 1994 г., но который происходил на территории соседних государств. Это могло быть сделано и в данном случае, учитывая схожесть конфликтов в Либерии и в Сьерра-Леоне.

Устав Специального суда для Сьерра-Леоне (СССЛ), который вступил в силу 12 апреля 2002 г., после того, как каждая из сторон соблюла необходимые юридические формальности, содержал много новых положений, отражавших, среди прочего, конкретику той войны, что велась в Сьерра-Леоне. Это было попыткой создания менее дорогостоящего и доступного по предстоящим расходам судебного учреждения в сравнении с другими трибуналами, при этом максимальный срок работы суда был определен в три года. В силу перечисленных причин на этом Суде многое было испробовано впервые в судебной практике. Во-первых, СССРЛ явился первым международным уголовным трибуналом с узкой персональной юрисдикцией, которая давала Суду возможность преследовать только тех, кто подозревался в совершении наиболее тяжких преступлений и нес наивысшую ответственность за содеянные преступления в отношении разных международных и национальных преступлений, находящихся в пределах его юрисдикции. Во-вторых, Суд был первым

международным трибуналом после Нюрнберга и Токио, который заседал в той стране, где были совершены преступления. В-третьих, этот Суд был первым, в котором заинтересованное государство (Сьерра-Леоне) назначало: часть судей по каждому процессу, а также в апелляционные палаты, и на должность заместителя прокурора. В-четвертых, работа этого Суда впервые в мировой практике целиком финансировалась за счет пожертвований государств-членов ООН. Пятая особенность суда состояла в том, что за его работой наблюдал независимый руководящий комитет, в состав которого входили негосударственные участники и цель которых было оказание содействия и контроль над деятельностью Суда. И, наконец, шестой особенностью было то, что данный Суд мог с помощью Комиссии по восстановлению истины и примирению рассматривать некоторые дела.

С самого момента учреждения СССЛ отличался от многих аналогичных международных трибуналов. Среди прочих можно упомянуть, что данный Суд стал первым специальным международным уголовным трибуналом, в котором на базе Устава была учреждена должность Главного защитника, который следил за тем, чтобы права и интересы подозреваемых и обвиняемых лиц были защищены. Впервые в судебной практике был создано отдельное Бюро СССЛ по информационно-пропагандистской деятельности, что явилось беспрецедентным шагом в практике работы международных уголовных судов, поскольку это Бюро работало непосредственно в здании самого Суда. Также впервые при Суде была создана Рабочая группа по вопросам наследия. Эта рабочая группа комплектовалась из сотрудников, работавших в различных подразделениях Суда, и в их задачу входила разработка ряда инновационных проектов, которые, как предполагалось, смогут представить народу страны нечто большее, чем просто хронику судебных преследований военных преступников.

В целом, помимо положительных моментов деятельности СССЛ нельзя не отметить и критику, раздающуюся в адрес ее деятельности, которая касается нарушения процессуальных прав обвиняемых, возможности осуждения бывшего президента Либерии Чарльза Тэйлора и т.д.⁵

⁵ Мезяев А. Приговор президенту Либерии Чарльзу Тэйлору: жертвоприношение к празднику. URL: www.fondsk.ru/news/2012/04/27/prigovor-prezidentu-liberii-charlzu-tejloru-zhertvoprinoshenie-k-prazdniku-14037.html.

КОНСУЛЬТАТИВНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ АФРИКАНСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И НАРОДОВ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ПРАВЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Симонова Наталья Сергеевна

*кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВПО
«Восточно-Сибирский институт МВД России», соискатель
кафедры прав человека и международного права ФГКОУ ВПО
«Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя»
664074 РОССИЯ, Иркутск, ул. Лермонтова, 110; nns@mail.ru*

Роль международных судебных органов в применении норм международного права переоценить сложно. Во-первых, правоприменительная деятельность международных судов имеет целью свершение правосудия, что представляется важнейшим элементом системы обеспечения верховенства права. Во-вторых, интерпретационная деятельность международных судебных органов способствует единообразному пониманию норм международного права в рамках различных договорных режимов (как универсального, так и регионального характера). В этой связи особое значение приобретает анализ особенностей консультативной юрисдикции международных судов. В данном контексте интерес представляет деятельность Африканского суда по правам человека и народов (далее – Африканский суд), созданного в период изменения общей парадигмы международного права и перехода от универсализации к регионализации права. Широкие интерпретационные возможности Африканского суда не могут быть восприняты однозначно и заслуживают отдельного рассмотрения.

Африканский суд был учрежден 9 июня 1998 г. на основании Протокола к Африканской Хартии прав человека и

народов¹ (далее – Протокол²). Статья 4 Протокола наделяет Африканский суд правом давать консультативные заключения по следующим вопросам: 1) о толковании любого юридического вопроса, связанного с Африканской хартией прав человека и народов³; 2) о толковании любого юридического вопроса, связанного с другими правовыми актами о правах человека⁴. Суд обладает правом толковать собственные судебные решения⁵.

По замечанию Ф. Вильозна, положение о «других правовых актах о правах человека» следует толковать ограничительно и относить к числу таких актов лишь международные договоры, но не декларации и иные не обязывающие

¹Протокол вступил в силу 25 января 2004 г. В июле 2004 года Ассамблея (собрание) глав африканских государств и правительств приняла решение об интеграции двух судов – Африканского суда по правам человека и народов и существовавшего к тому моменту Суда правосудия (Court of Justice).

²Протокол к Африканской Хартии прав человека и народов об учреждении Африканского суда по правам человека и народов от 9 июня 1998 г. (Protocol to the African Charter on Human and Peoples' Rights on the Establishment of an African Court on Human and Peoples' Rights). Сайт Африканского суда. URL: <http://www.african-court.org/en/images/documents/Court/Court%20Establishment/africancourt-humanrights.pdf> (дата обращения 11.05.2015 г.).

³Африканская хартия прав человека и народов от 27 июня 1981 г. (African Charter on Human and Peoples' Rights ("Banjul Charter")) // OAU Doc.SAB/LEG/67/3 rev. 5, 21 I.L.M. 58 (1982).

⁴Статья 4 Протокола; правило 26 (1) (b) Правил процедуры Африканского суда 2010 г. (Rules of Court). Сайт Африканского суда по правам человека и народов. URL: http://www.african-court.org/en/images/documents/Court/Interim%20Rules%20of%20Court/Final_Rules_of_Court_for_Publication_after_Harmonization_-_Final_English_7_sept_1_.pdf (дата обращения 11.05.2015 г.).

⁵Правило 26 (1) (d) Правил процедуры Африканского суда 2010 г. (Rules of Court). Сайт Африканского суда по правам человека и народов. URL: http://www.african-court.org/en/images/documents/Court/Interim%20Rules%20of%20Court/Final_Rules_of_Court_for_Publication_after_Harmonization_-_Final_English_7_sept_1_.pdf (дата обращения 11.05.2015 г.).

юридические тексты⁶. Отсутствие в понятии «другие правовые акты о правах человека» слова «африканские» предполагает, что Африканский Суд может выносить решения на основании международных договоров ООН о правах человека при условии, что государства-члены Африканского союза являются их участниками. Такие широкие возможности Африканского суда могут привести к конкуренции юрисдикций суда и органов по правам человека Организации Объединенных Наций (Комитета по правам человека в частности). Более того, предполагается, что Африканский Суд может иметь «сверх-юрисдикцию», например в отношении прав человека, содержащихся в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., что не всегда признается допустимым по современному праву договоров⁷.

Консультативные заключения Африканского Суда принимаются в соответствии с определенной процедурой. Запрос консультативного заключения должен касаться юридической проблемы, и в нем должны быть точно указаны вопросы, по которым требуется заключение.

В качестве ограничения права на обращение в Африканский суд за консультативным заключением предусмотрено правило о том, что рассмотрению в рамках консультативной процедуры не подлежат те юридические вопросы, которые ранее явились предметом рассмотрения Африканской комиссии по правам человека и народов. Так, на этом основании был отклонен запрос Пан-Африканского союза юристов и Южно-Африканского центра гражданского судопроизводства № 002/2012⁸.

⁶ Viljoen F. African Court on Human and Peoples' Rights (ACtHPR), in: The Max Planck Encyclopedia of Public International Law / ed. by R. Wolfrum. 2 Ed. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 158.

⁷ Там же.

⁸ Запрос № 002/2012 Пан-Африканского союза юристов и Южно-Африканского центра гражданского судопроизводства (Request No 002/2012 by Pan African Lawyers' Union and Southern African Litigation

В любом запросе консультативного заключения должны содержаться конкретные положения Африканской хартии прав человека и народов или иных правовых актов о правах человека, в отношении которых будет вынесено консультативное заключение⁹. Рассматривая запрос Проекта по социально-экономическим правам и ответственности № 001/2012, Африканский суд пришел к выводу о несоответствии запроса Правилу 68 (2) Правил процедуры Африканского суда. Заявитель обращался за консультативным заключением с целью выяснить мнение суда по вопросу о последствиях состояния систематической и широко распространенной полной нищеты в Нигерии для правового положения и прав человека. Заявителя интересовало, является ли такая ситуация нарушением статьи 2 Африканской хартии прав человека и народов, которая запрещает дискриминацию «на любом другом основании» и, соответственно, подпадает ли под понятием «любое иное основание» состояние систематической и широко распространенной полной нищеты¹⁰. Выяснив, что запрос консультативного заключения не являлся предметом рассмотрения в Африканской Комиссии, Суд, однако, пришел к выводу о его несоответствии процедурному правилу 68 (2), согласно которому в запросе должны быть

Center). Сайт Африканского суда по правам человека и народов. URL: <http://www.african-court.org/en/images/documents/orders/> (дата обращения 11.05.2015 г.).

⁹ Правило 68 Правил процедуры Африканского суда 2010 г. (RulesofCourt). Сайт Африканского суда по правам человека и народов. URL: http://www.african-court.org/en/images/documents/Court/Interim%20Rules%20of%20Court/Final_Rules_of_Court_for_Publication_after_Harmonization_-_Final_English_7_sept_1_.pdf (дата обращения 11.05.2015 г.).

¹⁰ Запрос № 001/2012 Проекта по социально-экономическим правам и ответственности (RequestNo 001/2012 The Socio-Economic Rights and Accountability Project (SERAP)). Сайт Африканского суда по правам человека и народов. URL: http://www.african-court.org/en/images/documents/orders/Decision_-_Request_of_Advisory_Opinion_001-2012_SERAP_Struck_Out_French.pdf (дата обращения 11.05.2015 г.).

указаны, не только конкретные статьи международных договоров о правах человека, но подробные обстоятельства, способствовавшие подаче запроса Африканскому суду. Рассматриваемое дело указывает на два обстоятельства: во-первых, на готовность Африканского суда пользоваться своими консультативными полномочиями (доказательством тому служат неоднократные попытки связаться с заявителем); во-вторых, на юридическую неграмотность субъектов права запроса консультативного заключения при его формулировании и последующую инертность во взаимодействии с Африканским судом при попытках уточнить предмет запроса.

Вынесение консультативного заключения Африканского суда происходит в открытом заседании. В случаях, если того требуют обстоятельства, суд может заседать закрыто. Консультативное заключение должно сопровождаться аргументацией. Любой судья, участвующий в выработке консультативного заключения может вынести особое мнение, в том числе особое мнение (*separate opinion*), в котором судья согласен с решением юридического вопроса, однако, использует для достижения этого результата аргументацию, отличную от аргументации суда в целом, а также особое мнение (*dissenting opinion*), в котором содержится несогласие с решением суда по данному делу, то есть с мнением большинства, а также разъясняются причины несогласия. Копия консультативного заключения направляется государствам-членам Африканского Союза, Африканской комиссии и иным заинтересованным сторонам.

Полагаем, что именно требование к Африканскому суду аргументировать свои консультативные заключения представляет наибольший исследовательский интерес. Аргументация суда в полной мере иллюстрирует логику рассуждений суда, профессионализм и компетентность представителей суда. Характерным примером способа аргументации Африканского суда может служить консультативное заключение от 5 декабря 2014 г. о праве Африканского комитета

экспертов по правам и благополучию детей на обращение в Африканский суд по правам человека и народов¹¹. Одним из вопросов, поставленным перед Африканским судом в запросе консультативного заключения, была проблема определения статуса Африканского комитета экспертов по правам и благополучию детей (далее – Комитет экспертов) как органа Африканского союза либо как африканской организации, признаваемой Африканским союзом. Отвечая на поставленный вопрос, Африканский суд запросил мнения государств-членов Африканского союза, а также Африканской комиссии по правам человека и народов, в соответствии с которыми Комитет экспертов признавался африканской организацией, а не органом Африканского союза. Однако Африканский суд занял иную позицию, которую и аргументировал в рамках консультативного заключения. Суд указал, что Комитет экспертов является специализированным органом Африканского союза и имеет все необходимые характеристики, а именно: квази-судебную природу, собственный бюджет и определенную форму отчетности перед политическими органами Африканского союза. Кроме того, отношения Африканского союза с Комитетом экспертов выстраиваются в той же манере, что и с другими органами Союза, деятельность комитета на равных с другими органами включается в повестку дня Исполнительного комитета и Ассамблеи Африканского сою-

¹¹Консультативное заключение Африканского суда по правам человека и народов от 5 декабря 2014 г. о праве Африканского комитета экспертов по правам и благополучию детей на обращение в Африканский суд по правам человека и народов (Advisory Opinion in the Matter of Request by the African Committee of Experts on the Rights and Welfare of the Child on the Standing of the African Committee of Experts on the Rights and Welfare of the Child before the African Court on Human and Peoples' Rights). Сайт Африканского суда по правам человека и народов. URL: <http://www.african-court.org/en/images/documents/Court/Cases/Advisory%20Opinions%202015/Advisory%20Opinion%20no%20%20002-2013.PDF> (дата обращения 11.05.2015 г.).

за (п. 55). Учитывая все названные факты, даже в отсутствие официального закрепления Комитета экспертов в качестве официального органа Африканского союза, Африканский суд признал за Комитетом статус органа, а не организации (п. 56).

Интересна аргументация Африканского суда, рассматривающего в рамках указанного консультативного заключения вопрос о том, является ли Комитет экспертов «африканской межправительственной организацией», имеющей право, согласно ст. 5 Протокола, на обращение в Африканский суд за разрешением дела по существу. Суд указал, что право на обращение за консультативным заключением в качестве органа Африканского союза (по ст. 4 Протокола) вовсе не означает автоматического признания права на обращение за разрешением дела по существу (по ст. 5 Протокола). Более того, рассмотрев возможные интерпретации термина «межправительственная организация», Африканский суд пришел к выводу, что «африканский» характер Комитета экспертов не вызывает сомнений в силу принадлежности к числу органов Африканского союза (п. 70). Однако доказательств в пользу признания его межправительственной организацией Суд не нашел. В частности, Африканский суд указал, что важнейшим элементом характеристики межправительственной организации является наличие в составе организации представителей государств, действующих в официальном качестве. Члены Комитета экспертов, хотя и назначаются (выбираются) государствами, действуют в личном качестве, не являясь представителями государства, их назначившего (избравшего). Именно это обстоятельство в основном не позволяет относить Комитет экспертов к числу межправительственных организаций (п. 73). Кроме того, признание Комитета экспертов органом Африканского союза не допускает одновременного признания его в качестве международной организации. Соответственно, Комитет экспертов не

обладает правом обращения в Африканский суд за разрешением дела по существу по смыслу ст. 5 Протокола (п. 74).

В целом, анализ указанного консультативного заключения позволяет сделать интересные выводы. Во-первых, Африканский суд не склонен избегать неоднозначных правовых вопросов, поставленных перед ним, путем признания себя некомпетентным (неправомочным) их рассматривать. Памятуя об использовании такого подхода, например, в практике Международного суда ООН, следует усматривать в деятельности Африканского суда желание самостоятельно разобраться в неочевидных юридических вопросах (при очевидности ответов, вероятно, не было бы обращения в суд). Во-вторых, обращает на себя внимание самостоятельность Африканского суда в формулировании выводов: даже при наличии аргументации позиции участвующих в деле сторон, ссылок на авторитетные источники, включая судебные решения, Африканский суд не считает себя связанным чьей-либо позицией (преюдициальностью) при принятии решения. В-третьих, Африканскому суду свойственно прибегать к различным видам источников международного права, в том числе доктринальным, что может объясняться необходимостью анализа не только региональных, но и универсальных норм международного права. Все названные обстоятельства свидетельствуют о достаточно высокой степени активности Африканского суда при использовании консультативной юрисдикции, что естественным образом отражается на формировании представлений о современном международном праве в рамках юридического сообщества африканского континента.

Обоснованность предложенных выводов можно подкрепить также отсылкой к запросу консультативного заключения от четырех африканских неправительственных органи-

заций № 001/2014¹². Согласно обстоятельствам, указанным в запросе, Нигерия является участником Римского Статута Международного уголовного суда (далее – МУС) и членом Африканского Союза и связана в равной степени обязательствами по Римскому статуту (ст. 86) и обязательствами по резолюциям Африканского Союза (ст. 23 Учредительного акта). Нигерия ратифицировала Римский Статут МУС 21 сентября 2001 г. и сыграла важную роль в его учреждении и последующем функционировании. Граждане Нигерии входят в состав Суда, в том числе в качестве судей, а нигерийское Правительство принимало участие во всех заседаниях Ассамблеи государств-участников Статута, равно как и в первом совещании по пересмотру положений Римского Статута в Кампале (Уганда). Наряду с этим Нигерия является достаточно заметным членом Африканского Союза и всегда действует в соответствии с резолюциями Союза. При этом в период с 2011 по 2013 гг. Африканский Союз принял ряд резолюций, призывающих членов Союза не взаимодействовать с Офисом Прокурора МУС в вопросе ареста и выдачи Президента Судана Омара Аль-Башира. С 2009 г., когда Президенту Омар Аль-Башир МУС было выдвинуто обвинение, выдан ордер на арест, направленный Правительству Нигерии, г-н Аль-Башир, по некоторым заявлениям, въезжал на территорию Нигерии дважды, в 2009 и 2013 гг.. В обоих случаях у нигерийского правительства было обязательство по Римскому Статуту арестовать и выдать его МУС. В то же время правительство Нигерии столкнулось с необходимостью следовать резолюциям Африканского Союза, требующим воздерживаться от взаимодействия с МУС по этому поводу.

¹² Запрос № 001/2014 Объединения по международному уголовному суду и др. (Request 001/2014 by coalition on the international criminal court and others). Сайт Африканского суда по правам человека и народов. URL: http://www.african-court.org/en/images/documents/case/Summary_of_ADVISORY_OPINION_No.pdf (дата обращения 11.05.2015 г.).

Заявители, будучи организациями гражданского общества, пытающимися решить проблему безнаказанности, включая требование об аресте и выдаче лиц, обвиненных МУС, потребовали от нигерийского правительства арестовать и выдать Президента Аль-Башира в обоих упомянутых случаях. Во время его визита в 2013 г. одной из организаций-заявителей было получено судебное постановление национального суда с тем, чтобы вынудить правительство выполнить его договорное обязательство в отношении Президента Судана, но нигерийское правительство игнорировало этот факт, до тех пор, пока Президент Аль-Башир благополучно не покинул территорию Нигерии.

По утверждению заявителей, их правовая заинтересованность в консультативном заключении проистекает из характера деятельности организаций, направленной на борьбу с безнаказанностью в Африке. Более того, взаимодействуя с африканскими правительствами по проблемам МУС и Африканского Союза, равно как и по более широкому кругу проблем международного правосудия, заявители нуждаются в ответе на вопрос, какие договорные обязательства имеют большую юридическую силу в случае коллизии. В настоящее время такое противоречие (коллизия) имеется, а заявители заинтересованы в том, чтобы проблема установления приоритета юридической силы обязательства Африканского Союза по Римскому Статуту и по Резолюции Африканского Союза была разрешена. В этом случае решение Африканского суда может служить руководством при взаимодействии с африканскими правительствами и требования к ним соответствовать договорным обязательствам по Римскому Статуту.

На текущий момент (май 2015 г.) Африканский суд не принял консультативного заключения по исследуемому запросу. Однако если Суд признает себя правомочным давать консультативное заключение по поставленной в запросе правовой проблеме (а такая тенденция имеется), то возникнет неординарная ситуация, в которой региональный судебный

орган по правам человека будет давать толкование универсального международного договора, на касающегося напрямую защиты прав человека.

В качестве обобщающих выводов можно привести следующие положения. Во-первых, осуществление консультативной юрисдикции Африканским судом выступает свидетельством не только его активности, но и гибкости, готовности рассматривать неоднозначные юридические вопросы, определенной смелости в принятии решений. Во-вторых, включение в предметную юрисдикцию Африканского суда права толковать «иные» договоры, не носящие регионально-го характера, может привести к конкуренции юрисдикций и толкований: региональный международный судебный орган, правомерно наделенный консультативной юрисдикцией, будет творить «новое» международное право.

ЗАЩИТА ПРАВА НА ВОДУ И САНИТАРНЫЕ УСЛУГИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ АФРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Солнцев Александр Михайлович

*кандидат юридических наук, доцент, кафедра международного права
Российского университета дружбы народов*

В 2015 г. истекает срок реализации Целей развития тысячелетия (ЦРТ), которые были учреждены международным сообществом ещё в 2000 г.¹ Приведем некоторые статистические данные, чтобы попытаться разобраться чего удалось достигнуть человечеству, а над чем ещё нужно активно работать в рамках недавно обозначенных Целей устойчивого развития (ЦУР), принятых на 2016–2030 гг.²

Согласно статистическим данным с 1990 г. по 2015 г. 1,9 млрд человек получили доступ к водопроводной питьевой воде (в 1990 г. было 2,3 млрд, а в 2015 г. стало 4,2 млрд)³. Также во всем мире 147 стран достигли целевого показателя по обеспечению питьевой водой, 95 стран решили задачу по обеспечению санитарно-техническими средствами, а 77 стран реализовали и то, и другое. 2,1 млрд человек во всем мире получили доступ к улучшенным санитарно-техническим средствам. Доля людей, практикующих открытую дефекацию, с 1990 г. сократилась почти наполовину.

С 1990 г. доля населения, не имеющего доступа к улучшенным источникам питьевой воды, сократилась наполовину в странах Восточной Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна, Юго-Восточной Азии, Южной Азии и

¹ «Декларация тысячелетия Организации Объединённых Наций» принята 8 сентября 2000 г. Генеральной Ассамблеи ООН (Резолюция 52/2).

² Док. ООН A/RES/70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года».

³ URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf>.

Западной Азии. В Африке к югу от Сахары целевой показатель ЦРТ не достигнут, но численность населения, пользующегося улучшенными источниками питьевой воды, увеличилась на 20 %. В 2015 г., согласно оценкам, 663 млн. человек по всему миру по-прежнему пользуются неулучшенными источниками питьевой воды, включая незащищенные открытые колодцы, родники и открытые водоемы. Почти половина людей, пользующихся неулучшенными источниками воды, проживают в странах Африки к югу от Сахары, а одна пятая – в Южной Азии.

В странах Кавказа и Центральной Азии, Восточной Азии, Северной Африки и Западной Азии доля населения, не имеющего доступа к улучшенным санитарно-техническим средствам, сократилась наполовину⁴.

В международном праве появляется все больше документов, где говорится о праве человека на воду и санитарные услуги⁵. Также это право выводится путем расширительного толкования из других ранее известных прав. Например, хотя в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах не говорится прямо о праве на воду, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам подчеркивает, что право на воду является частью права на достаточный жизненный уровень, права на достаточное питание, жилище и одежду, а также права на здоровье⁶. В соот-

⁴ Там же. С. 58.

⁵ Например в итоговом документе «Будущее которого мы хотим», принятом на конференции «Рио+20» в 2012 г., отмечено: «Мы признаем, что водные ресурсы являются одним из краеугольных камней устойчивого развития, поскольку они тесно связаны с рядом ключевых общемировых проблем. Поэтому мы вновь заявляем о важности учета фактора водных ресурсов в контексте устойчивого развития и обращаем особое внимание на чрезвычайную важность водоснабжения и санитарии в рамках трех компонентов устойчивого развития». URL: www.un.org/ru/sustainablefuture/

⁶ Замечание общего порядка №15 (2002) о праве на воду, пун.3.

ветствии с обязательством уважать право на воду и санитарные услуги государства должны воздерживаться от действий, которые будут являться неоправданным вмешательством в пользование этим правом. Общие нарушения обязательства уважать можно распределить по следующим категориям: прямое вмешательство в обеспечение доступа к воде или санитарным услугам; загрязнение, отвод или истощение водных ресурсов; привлечение к уголовной ответственности за действия, связанные с водоснабжением и санитарными услугами, и применение мер наказания.

Уделение большего внимания нарушениям права на воду и санитарные услуги и анализ их структурных причин может обеспечить равный доступ к эффективным средствам правовой защиты. Помимо исправления последствий отдельных нарушений, выявление мотивов нарушений будет также способствовать их предупреждению, а правительствам будет необходимо учитывать их структурные причины в ходе выработки политики и бюджета государства.

В целом, нарушения права человека на воду и санитарные услуги нередко сочетаются с более масштабными лишениями и нарушениями других прав, включая права на жизнь, на здоровье, на питание, на жилище, на образование, на труд и на здоровую окружающую среду. Отсутствие надлежащего санитарного оборудования в школах приводит к тяжелым последствиям для права на образование и гендерного равенства. Наряду с этим оно ставит под угрозу право на частную жизнь и человеческое достоинство. Эта взаимосвязь явствует из формирующейся правоприменительной практики различных государств в области водоснабжения и предоставления санитарных услуг.

Важно отметить, что недавнее вступление в силу Факультативного протокола к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах о возможности индивидуальных жалоб приведет к активизации противодействия нарушениям права на воду и санитарные услуги,

будет способствовать их более углубленному концептуальному осмыслению и повышению уровня их силы на национальном уровне, тем самым обеспечивая более тщательное соблюдение этого права⁷. На сегодняшний день 21 государство ратифицировало Факультативный протокол и уже 8 жалоб находятся на стадии рассмотрения.

Аналитический обзор нарушений прав человека предлагает наладить многосторонний диалог о том, как эффективнее вести борьбу с нарушениями права на воду и санитарные услуги. Для этого потребуются определить препятствия, с которыми сталкиваются жертвы в процессе доступа к правосудию, оказать судам и другим органам содействие в повышении уровня их доступности и открытости для вынесения решений по делам о праве на воду и санитарные услуги.

Основной причиной системных нарушений права на воду и санитарные услуги является неспособность государств привлекать, распределять и использовать необходимые ресурсы. Нарушения такого рода можно квалифицировать как неспособность: мобилизовать в максимальной степени имеющиеся ресурсы через налогообложение и другие источники дохода; бороться с уклонением от уплаты налогов и незаконными финансовыми потоками; запрашивать и принимать международную помощь, когда это необходимо; выделять соответствующие объемы финансирования; использовать в полной мере выделенные ресурсы; направлять ресурсы на удовлетворение потребностей уязвимых или социально отчужденных общин; и направлять достаточные объемы средств субнациональным органам власти и другим уполномоченным властям, чтобы дать им возможность выполнять свои функции. Текущие бюджеты на водоснабжение и санитарную службу могут не соответствовать максимальному объему имеющихся ресурсов, поскольку они, возможно, составля-

⁷ Абашидзе А.Х., Конева А.Е. Договорные органы по правам человека. М., 2015.

лись на основе бюджетных решений или налоговых мероприятий, не предусматривавших уделение приоритетного внимания праву на воду и санитарные услуги. Поэтому действующие бюджеты не следует приравнивать к имеющимся ресурсам. В деле *Blue Moonlight* Конституционный суд ЮАР продемонстрировал ту роль, которую суды, применяя критерий целесообразности, могут играть в решении вопроса о том, соответствуют ли бюджеты обязательствам в области прав человека; он указал, что «городские власти не вправе заявлять, что они не предусмотрели в своем бюджете какие-либо расходы, если в действительности они должны были запланировать и обеспечить их в бюджете согласно своим обязательствам»⁸.

Важнейшее решение относительно обязательства постепенно осуществлять социально-экономические права было вынесен по делу *Grootboom*, в рамках которого Конституционный суд ЮАР рассмотрел бедственное положение общины, лишенной элементарных жилищ, санитарной инфраструктуры и доступа к чистой воде⁹. Чтобы определить, выполнило ли государство обязательство постепенно осуществлять права, Суд применил критерий «разумности»¹⁰. Он указал, что разумная государственная программа должна: являться всеобъемлющей, последовательной и скоординированной; быть способной облегчить осуществление соответствующего права; уделять приоритетное внимание удовлетворению потребностей лиц, находящихся в наиболее тяжелом положении; предусматривать предоставление соответствующих финансовых и людских ресурсов; быть сбалансированной и гибкой; предусматривать надлежащие положения в

⁸ Constitutional Court of South Africa, *City of Johannesburg Metropolitan Municipality v Blue Moonlight Properties et al.*, Case CCT 37/11, [2011] ZACC 33.

⁹ Constitutional Court, South Africa, *Government of the Republic of South Africa and Others v Grootboom and Others*, 2000 (11) BCLR 1169 (CC).

¹⁰ *Ibid.*, para. 45.

отношении кратко-, средне- и долгосрочных потребностей; быть рационально составленной и осуществимой; и быть прозрачной¹¹. В рамках этого подхода Суд уточнил, что функции правительства заключаются в разработке конкретной политики и программ, а функции судов – в определении того, соответствуют ли эта политика и эти программы требованиям в области прав человека. В итоге в решении по делу *Grootboom* Суд счел, что государственные программы не предусматривают уделение приоритетного внимания тем лицам, которые находятся в наиболее тяжелом положении, и обязал правительство принять меры по исправлению этой ситуации¹².

При этом граждане должны иметь возможность участвовать в принятии решений по значимым вопросам водопользования. Участие должно быть активным, свободным и деятельным. Хотя нередко подчеркивается, что участие играет решающую роль для получения более устойчивых результатов, участие само по себе является правом человека, и несоблюдение соответствующих обязательств в области прав человека способно приводить к возникновению нарушений. Такие нарушения могут возникать вследствие как прямого отказа в участии, так и косвенного отстранения от участия через непринятие разумных шагов по его облегчению, в том числе по обеспечению права на доступ к информации. Согласно решениям судов, отказ в праве на участие является нарушением. Конституционный суд ЮАР развил концепцию «деятельного участия» в деле *51 Olivia Road*¹³, указав, что граждане имеют право участвовать в принятии решений, затрагивающих пользование социальными правами, в том чис-

¹¹ Ibid., at paras. 39 and 40.

¹² Ibid., para. 96.

¹³ Constitutional Court of South Africa, *Occupiers of 51 Olivia Road, Berea Township and 197 Main Street, Johannesburg v. City of Johannesburg and others*, CCT 24/07, para. 35.

ле в разработке планов в области развития. Суд счел, что мэрия Йоханнесбурга не предприняла никаких усилий по обеспечению такого участия и, следовательно, не выполнила своих обязательств. С тех пор концепция деятельного участия используется судами других стран, например, в Кении¹⁴. В деле *Beja* один из судов ЮАР постановил, что отказ в деятельном участии и реальном вовлечении общины в принятие решений, касающихся проектирования и установки туалетов, является нарушением конституционных прав¹⁵. В ходе рассмотрения дела *Beja* суд ЮАР изучил соглашение между местными органами власти и общественностью относительно конструкции туалетов. Суд вынес решение, что такие соглашения должны отвечать определенным минимальным требованиям и что они должны заключаться лишь после консультаций с уполномоченными представителями после обмена информацией, а также после технических консультаций, когда они необходимы¹⁶. Суд постановил, что эти требования не были удовлетворены. Суд выразил также озабоченность в связи с тем, что «большинство местных жителей не может утверждать такие соглашения, в рамках которых нарушаются основные права уязвимого меньшинства данного местного населения»¹⁷. Суд постановил, что в ходе данного процесса

¹⁴ High Court of Embu, Kenya, Ibrahim Sangor Osman and Others v. the Hon. Minister Of State for Provincial Administration & Internal Security and Others, Constitutional Petition No. 2 of 2011 (3 November 2011).

¹⁵ The High Court of South Africa (Western Cape High Court, Cape Town), *Beja and Others v. Premier of the Western Cape and Others*, (21332/10), 29 April 2011, para. 146 and note 38.

¹⁶ Western Cape High Court of South Africa, Cape Town, *Beja and others v. Premier of the Western Cape* (21332/10), judgement of 29 April 2011, para. 98.

¹⁷ *Ibid.*, para 99.

принятия решений не было обеспечено реальное участие населения¹⁸.

Положения по экономической доступности довольно часто встречаются в законах о водоснабжении и санитарии. Например, в Намибии Закон об управлении водными ресурсами требует гарантии того, «чтобы всем намибийцам было обеспечено доступное и надежное водоснабжение, необходимое для удовлетворения основных человеческих потребностей»¹⁹. Во многих случаях основная трудность заключается в воплощении общих положений в конкретные стандарты доступности. Эти стандарты необходимы для расчета тарифов таким образом, чтобы они были доступны для населения и для обеспечения подотчетности. Люди, как правило, готовы платить за воду высокую цену, так как она принципиально важна во многих сферах жизни человека, однако это не оправдывает высокий порог доступности. Поэтому исследования по вопросам готовности к оплате часто не позволяют достаточно точно оценить реальную платежеспособность населения в этой связи.

Экономическая доступность водоснабжения и санитарных услуг и отключения неразрывно связаны, поскольку во многих случаях к отключению приводит нарушение обязательств по оплате за услуги. Отключение услуг вследствие неплатежеспособности является регрессивной мерой и представляет собой нарушение прав человека на воду и санитарные услуги²⁰. Отключения допустимы лишь в том случае, если существует возможность доказать, что домохозяйства являются платежеспособными, но услуги не оплачивают. Южноафриканский Закон о водоснабжении 1997 г. гласит,

¹⁸ Western Cape High Court of South Africa, Cape Town, *Beja and others v. Premier of the Western Cape* (21332/10), judgement of 29 April 2011, para 146.

¹⁹ Namibia, *Water Resources Management Act No. 24 2004*, article 26.1

²⁰ Замечание общего порядка № 15 (2002) Комитета по экономическим, социальным и культурным правам. Док. ООН E/C.12/2002/11, пун. 44 (а).

что отключения не должны приводить к отсутствию доступа к услугам вследствие неуплаты в случаях, когда конкретное лицо не в состоянии платить за основные виды обслуживания²¹. Этот Закон требует, чтобы перед отключением воды было дано уведомление и чтобы соответствующих жителей ознакомили с причиной такого решения, а также информировали об их праве на апелляцию (разделы 11 (4) и 43 Закона). Суды отменили некоторые решения об отключении воды, поскольку этот процесс был несправедливым²².

В целом, относительно нарушений права человека на воду и санитарные услуги можно сказать следующее: нарушения могут являться следствием как действия, так и бездействия; нарушения могут быть умышленными и преднамеренными, или же могут являться непреднамеренными последствиями политики; нарушения могут являться следствием неспособности обеспечить основные минимальные уровни или неспособности постепенно осуществлять права человека в максимальных пределах имеющихся ресурсов; нарушения могут совершаться в результате принятия регрессивных мер или неспособности добиться разумного прогресса.

Представляется, что с целью обеспечения более эффективного выявления, предупреждения и исправления нарушений в исследуемой сфере, государствам важно: принимать во внимание весь спектр нарушений права на воду и санитарные услуги и обеспечивать доступ к правосудию для защиты от всех таких нарушений; принять меры по включению всеобъемлющей правозащитной основы в законодательство, политику и практику в целях как предупреждения нарушений, так и их исправления; обеспечить использование международного права и судебной практики в области права на воду и санитарные услуги при толковании и применении внутренних законов, регулирующих положений и политики.

²¹ South Africa, Water Services Act, art. 4 (3) c).

²² Например, High Court of South Africa, Residents of Bon Vista Mansions v. Southern Metropolitan Local Council, case No. 01/12312, 2002.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЮРИСТЫ-МЕЖДУНАРОДНИКИ И КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ООН О РЕШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН «БЕЛЬГИЯ ПРОТИВ СЕНЕГАЛА»

Хахина Анастасия Андреевна

*аспирант кафедры международного права
Юридического института Российского университета дружбы народов*

Обязательство *aut dedere aut judicare* («либо выдать, либо судить») означает альтернативное обязательство в отношении обращения с предполагаемым правонарушителем, которое содержится в ряде международных договоров, касающихся международного сотрудничества по пресечению преступлений.

К основным международным универсальным конвенциям, содержащим обязательство *aut dedere aut judicare*, относятся следующие: Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 года¹ – на данный момент из африканских государств ее не подписали только Бурунди, Эритрея, Сомали и Южный Судан; Женевские Конвенции 1949 года – все государства-члены ООН являются их участниками; Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 года² – на данный момент из Африканских государств ее не подписали Ангола, Замбия, Зимбабве, Камерун, Конго, Намибия, Сомали; Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984

¹ Convention for the Suppression of Unlawful Seizure of Aircraft [Hijacking Convention], 860 U.N.T.S. 105.

² Convention on the Prevention and Punishment of Crimes against Internationally Protected Persons, including Diplomatic Agents 1035 U.N.T.S. 167.

года³ (далее – Конвенция против пыток) – на данный момент из африканских государств ее не подписали Зимбабве, Танзания; Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации 2010 г.⁴ – среди африканских государств участниками Конвенции являются Нигерия, Сенегал, ЮАР, Того, Уганда, Ангола, Бенин, Камерун, Буркина-Фасо, Чад, Кот-д'Ивуар, Гамбия, Мали, Гвинея; и др. конвенции.

В европейском регионе основным международным оговором об экстрадиции является Европейская конвенция о выдаче 1957 г., принятая в рамках Совета Европы. Однако и страны, не являющиеся членами Совета Европы, также могут присоединиться к этой Конвенции. К сожалению, на настоящий момент из африканских стран только ЮАР подписала и ратифицировала данную Конвенцию. В африканском регионе аналогичным договором является Конвенция о выдаче Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) 1994 г. Клаузула *aut dedere aut judicare* содержится и в Конвенции Организации африканского единства о ликвидации наемничества в Африке 1977 г.; Конвенции Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней 2003 г.

С 2004 г. на своей 56-й сессии Комиссия международного права ООН включила тему «Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование» в свою долгосрочную программу работы.

В течение десяти лет комиссия изучала данный вопрос. На своей 65-й в 2013 г. и 66-й сессии в 2014 г., публикуя итоговые доклады, Комиссия, безусловно, не смогла проигнорировать резонансное решение Международного Су-

³ United Nations Convention Against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, Dec. 10, 1984, 1465 U.N.T.S. 85.

⁴ 2010 Convention on the Suppression of Unlawful Acts Relating to International Civil Aviation, ICAO Doc. 9960.

да ООН по делу «Вопросы, связанные с обязательством судебного преследования или выдачи (Бельгия против Сенегала)»⁵ и сочла его очень полезными для своей деятельности. В данном деле как раз было рассмотрено обязательство *aut dedere aut judicare*, установленное в Конвенции против пыток.

Суд обязал Сенегал выдать Бельгии бывшего президента Республики Чад Хиссена Хабре или судить его самостоятельно, ссылаясь на Конвенцию против пыток. Хиссен Хабре – 73-летний экс-президент Чада, обвиняемый в убийстве сорока тысяч человек и в применении пыток к сотням тысяч, и даже называемый «африканским Пиночетом», нашел политическое убежище в Сенегале. В своем решении Суд признал Сенегал нарушившим Конвенцию и определил: судебное преследование является международным обязательством государства-участника в рамках Конвенции против пыток, нарушение которого является противоправным деянием, влекущим международную ответственность государства, а экстрадиция – это альтернативный вариант действий, установленный данной Конвенцией.

Данное решение встретило активную критику отечественных ученых-международников. Так, профессор А.Б. Мезяев полагает, что Международный Суд ООН потребовал от Сенегала передать Хабре в страну, не имеющую никаких

⁵ Questions relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal) – Judgment of 20 July 2012, Текст решения см.: Официальный сайт Международного Суда ООН. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/144/17064.pdf>. Впервые в истории Международный Суд ООН пришел к выводу, что он обладает юрисдикцией по спору между участниками Конвенции о пытках. В Конвенции участвуют 153 государства (193 государства являются членами ООН), что показывает масштаб влияния принятого Международным Судом решения.

правовых оснований рассматривать дело⁶. Решение Международного Суда ООН вынесено согласно известной римской максиме *aut dedere aut judicare* – «либо выдай, либо суди», но на самом деле, согласно мнению А.Б. Мезяева, оно было принято по принципу «суди либо выдай», и «сумма» от такой перестановки «слагаемых» значительно пострадала. Международный Суд ООН поменял местами обязательства государств, определив, что выдача – вариант решения проблемы, в то время как судебное преследование – международное обязательство. Профессор А.Б. Мезяев пришел к выводу, что поменяв местами слова в принципе «выдай или суди», Международный Суд ООН сузил предусмотренную международным договором модель поведения государства, что является серьезным вторжением в вопросы государственного суверенитета. Несмотря на то, что данное решение Международного Суда ООН вынесено под флагом защиты прав человека, оно представляет собой очередной – и весьма важный – камень, укрепляющий здание «нового» репрессивного международного права.

Однако Комиссия Международного права на своих сессиях не нашла искажения толкования принципа *aut dedere aut judicare* в решении по делу «Бельгия против Сенегала»⁷, и мы склонны согласиться с такой позицией.

Комиссия положительно оценила позицию Судьи Юсуфа в его особом мнении о том, что все международные договоры, содержащие принцип *aut dedere aut judicare*, можно разделить на две группы.

Первая группа – это международные конвенции, включающие клаузулы, которые налагают обязательство вы-

⁶ Мезяев А.Б. Дело Хиссена Хабре: «Суди либо выдай». URL: <http://www.fondsk.ru/news/2012/07/22/delo-hissena-habre-sudi-libo-vydaj.html>.

⁷ Доклад Комиссии международного права, 66-я сессия (5 мая – 6 ... (5 мая – 6 июня и 7 июля – 8 августа 2014 года), 2014, A/69/10. URL: <http://legal.un.org/ilc/reports/2014/russian/chp6.pdf>

давать какое-либо лицо, при этом судебное преследование становится обязательством лишь после получения отказа в выдаче. В данной группе, очевидно, выдача – это международное обязательство, в то время как судебное преследование – вариант решения проблемы. Примерами таких конвенция являются Международная конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков 1929 года (п. 22 ст. 9), Конвенция Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней 2003 г. (ст. 15). Как видится, исходя именно из клаузулы, содержащейся в данной группе конвенций, профессор А.Б. Мезяев рассуждал о толковании Международным Судом Конвенции против пыток⁸.

Однако существует и вторая группа конвенций – группа международных конвенций, включающих клаузулы, налагающие обязательство осуществлять судебное преследование, при которых выдача является одним из возможных вариантов, а также клаузулы, налагающие обязательство осуществлять преследование, при которых выдача становится обязательством лишь в том случае, если государство оказывается неспособным передать дело в суд. В данной же группе, очевидно, выдача – вариант решения проблемы, в то время как судебное преследование – международное обязательство. По мнению Комиссии международного права, такие клаузулы второй категории можно найти, например, в соответствующих положениях четырех Женевских конвенций 1949 г., в п. 1 ст. 7 Гаагской Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г. и п. 1 ст. 7 Конвенции против пыток.

Таким образом, обширная аналитическая работа Комиссии международного права подтвердила существование «клаузулы-перевертыша»: «выдать, либо судить» или же

⁸ Подробнее о выдаче см., например: Абашидзе А.Х. Выдача преступников (гл. IX, §4) // Европейское международное право. М.: Международные отношения, 2005. – С. 369-373.

«судить, либо выдать», – в которой каждое из так называемых «слагаемых» может быть или международным обязательством, или альтернативным вариантом в зависимости от того, в какой формулировке закреплена эта клаузула в международном договоре.

Комиссия международного права заключила, что в общем международном праве на настоящий момент не существует устоявшейся максимы «выдай либо суди», так как в «договорной практике отсутствует единообразие в формулировке, содержании и сфере охвата обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование», а также у Международного Суда на настоящий момент «не было возможности определить, составляет ли или не составляет обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование часть международного обычного права»⁹.

В своей статье «Проблема экстрадиции в Африке на примере решения Международного Суда ООН по делу “Бельгия против Сенегала” в Международном суде ООН»¹⁰ мы отмечали, что решение Международного Суда по делу «Бельгия против Сенегала» «имеет большое значение и окажет значительное влияние на схожие ситуации в будущем». Действительно, в своем Докладе Комиссия международного права отметила, что «формула осуществления судебного преследования или выдачи в соответствии с Конвенцией

⁹ Доклад Комиссии международного права, 66-я сессия (5 мая – 6 ... (5 мая – 6 июня и 7 июля – 8 августа 2014 года), 2014, A/69/10. С. 199. URL: <http://legal.un.org/ilc/reports/2014/russian/chp6.pdf>

¹⁰ Хахина А.А. Проблема экстрадиции в Африке на примере решения Международного Суда ООН по делу «Бельгия против Сенегала» в Международном суде ООН. Актуальные вопросы международного права в Африке: материалы круглого стола X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И. П. Блищенко. Москва, 12 октября 2012 г. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. В. Киселева, А. М. Солнцев. М.: РУДН, 2012.

против пыток может служить в качестве модели для новых положений о судебном преследовании или выдаче, регулирующих другие категории основных преступлений, которые запрещены нормами *jus cogens*, такие как геноцид, преступления против человечности и серьезные военные преступления»¹¹.

Принятое Международным Судом ООН решение вполне соответствует цели Конвенции: повысить эффективность борьбы против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания во всем мире. Оно также не расходится с практикой Комитета ООН против пыток, который в деле Сулейман Генгенг и др. против Сенегала постановил: «обязательство преследовать в судебном порядке лицо, подозреваемое в совершении актов пыток, не зависит от предварительного получения ходатайства о выдаче такого лица, ибо цель этого положения заключается в предотвращении безнаказанности любых лиц, совершивших акты пыток»¹². В случаях тяжких преступлений, вызывающих озабоченность международного сообщества, цель обязательства выдавать или осуществлять судебное преследование состоит в том, чтобы не допустить безнаказанности лиц, предположительно совершивших преступление, посредством обеспечения того, чтобы они не могли найти убежище в каком-либо государстве.

Комиссия международного права согласилась с выводом Международного Суда ООН о том, что выбор между выдачей и передачей для судебного преследования в соот-

¹¹ Доклад Комиссии международного права, 66-я сессия (5 мая – 6 ... (5 мая – 6 июня и 7 июля – 8 августа 2014 года), 2014, A/69/10. С. 184. URL: <http://legal.un.org/ilc/reports/2014/russian/chp6.pdf>

¹² Решение по существу Комитета против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, тридцать шестая сессия, документ ООН CAT/C/36/D/181/2001 от 19 мая 2006 года, пункт 9.7.

ветствии с Конвенцией не означает, что два этих варианта равноценны. Выдача предлагается государству по Конвенции в качестве одного из вариантов действий, а осуществление судебного преследования предусмотрено Конвенцией как обязательство, нарушение которого является противоправным действием, влекущим за собой ответственность государства.

Отметим, что в качестве имплементации решения Суда Сенегал и Африканский Союз создали судебный орган для уголовного преследования Хиссена Хабре – Extraordinary African Chambers (ЕАС) в Дакаре на территории Сенегала, в котором применяются процессуальные нормы, установленные законодательством Сенегала. Впервые суд одного государства, Сенегала, будет судить бывшего лидера другого государства, Чада, которого обвиняют в преступлениях против человечности. В 2013 г. Хиссен Хабре был арестован в своем доме в Дакаре. В июле 2015 г. данный суд приступил к рассмотрению дела Хиссена Хабре и на данный момент еще не вынес свой приговор.

Создание такого «гибридного» суда было высоко оценено международным сообществом. Так, по мнению Стивена Раппа, посла по особым поручениям Госдепартамента США, такой суд может стать работоспособной моделью для рассмотрения других будущих дел на африканском континенте, она в частности может быть применена сторонами конфликта в Южном Судане¹³.

¹³ Hissène Habré dragged into court, after a 25-year wait. URL: <http://africanarguments.org/2015/09/08/hissene-habre-dragged-into-court-after-a-25-year-wait/>. См. также: Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы: монография. 2-е изд. М.: РУДН, 2012. 307 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Абашидзе А.Х.</i>)	3
<i>Ayotunde Anatoly Adewon.</i> Migration within the Competence of ECOWAS.....	7
<i>Adu Yao Nicaise.</i> The Reform of the African Court on Human and Peoples' Rights.....	15
<i>Diomande Dro Hyacinthe.</i> Legal Environmental Protection in the SADC Region.....	20
<i>Ekpobodo Ovwigho Raymond.</i> Issues of Ethnicity and Protection of Human Rights in Nigeria.....	27
<i>Ikem Chukwuemeka Raymond.</i> The Imperialization of International Public Law.....	34
<i>Mensah Cocou Marius.</i> Piracy as a New Threat for West African Sustainable Economic Development.....	38
<i>Njenga Lily.</i> The Problem of Refugees in Africa: a Glimpse of Kenya.....	44
<i>Nwanua Flora.</i> Implementation of Economic, Social and Cultural Rights in Nigeria: Challenges and Opportunities.....	49
<i>PolICASTRO Pasquale.</i> Supranational Integration and Global Justice Through Transnational Citizenship: What We Can Learn for the African Initiative “The Great Green Wall”.....	57
<i>Rubanovich Karina.</i> A Spotlight on Racial Discriminations Against People of African Descent.....	63
<i>Букуру Жан-Батист.</i> Защита политических прав в Африканском суде по правам человека и народов: дело «Мтикила и другие против Танзании».....	72

Гугунский Денис Андреевич. Сохранение мегафауны сахаро-сахельского региона – международная инициатива в рамках Боннской конвенции по сохранению мигрирующих видов диких животных 1979 года.....	83
Кете Карлуш Жорже. Защита прав «нерождённых детей» в Африке.....	89
Круглов Дмитрий Андреевич. Субрегиональное международное сотрудничество в области уменьшения опасности бедствий: опыт Восточноафриканского сообщества (ВАС).....	94
Мулюкова Валерия Алексеевна. Международно-правовая характеристика Сообщества развития Юга Африки (САДК) в региональном африканском интеграционном процессе.....	100
Нгатеё Акони Шани Павел. Проблема реформирования Африканского суда по правам человека и народов в контексте международного уголовного правосудия.....	107
Ндакисса Онкасса Француз. Республика Габон и Европейский Союз: взаимодействие и перспективы сотрудничества.....	114
Пасенов Александр Николаевич. Международное сотрудничество Европейского Союза и Африканского Союза: эволюция и перспективы развития.....	120
Повалов Кирилл Александрович. Некоторые вопросы деятельности Специального Суда по Сьерра-Леоне.....	126
Симонова Наталья Сергеевна. Консультативная юрисдикция Африканского суда по правам человека и народов: новые подходы в праве международных договоров.....	131

<i>Солнцев Александр Михайлович.</i> Защита права на воду и санитарные услуги в правоприменительной практике африканских государств.....	142
<i>Хахина Анастасия Андреевна.</i> Отечественные юристы-международники и Комиссия международного права ООН о решении Международного Суда ООН «Бельгия против Сенегала».....	151

Научное издание

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ АФРИКИ

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Н.А. Ясько*

Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*

Дизайн обложки *М.В. Рогова*

*В оформление обложки использована репродукция картины
Анастасии Поповой,
выпускницы кафедры международного права РУДН*

Подписано в печать 21.10.2015 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 9,53. Тираж 150 экз. Заказ 1412.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

Для заметок
